

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГОУ ВПО «Уральский государственный
лесотехнический университет»

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В РОССИИ

Сборник статей

Екатеринбург
2011

УДК 930.85:321 (470)

ББК 67.3:66.3(2Р)я43

Ц 57

Рецензенты

Кафедра истории и социально-политических дисциплин УГЛТУ; зав. кафедрой – В.Д. Шмелев, д-р философ. наук

Куприна Н.Г., д-р пед. наук зав. кафедрой эстетического воспитания Института педагогики и психологии детства УрГПУ

Ц 57 Цивилизационные перемены в России: сборник статей по материалам научно-практической конференции «Цивилизационные перемены в России» / Под ред. профессора И.В. Назарова. Екатеринбург: Уральский государственный лесотехнический университет, 2011. 196 с. ISBN 978-5-94984-341-3

В сборнике помещены статьи по материалам конференции, прошедшей в УГЛТУ 20.10.10. Рассматриваются актуальные проблемы развития российского общества, вопросы социального развития нашей страны, духовно-нравственные проблемы, роль мифологии в идеологической жизни, проблемы природопользования и лесной политики в России, обсуждаются инновационные процессы в современном образовании.

Сборник рассчитан на преподавателей вузов и на широкий круг специалистов, интересующихся проблемами развития российского общества.

Утвержден редакционным советом УГЛТУ.

Ответственный за выпуск – проф. д-р философ. наук Назаров И.В.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за точность приведенных цитат, соответствие ссылок оригиналу и прочие сведения.

УДК 930.85:321 (470)

ББК 67.3:66.3(2Р)я43

ISBN 978-5-94984-341-3

© ГОУ ВПО «Уральский государственный
лесотехнический университет», 2011

© Авторы статей, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

<i>Некрасов С.Н.</i> О некоторых проектах развития России	5
<i>Посыпайко А.Ф.</i> Смысложизненные идеалы в мировоззрении человека современной России	9
<i>Ждановских Л.А.</i> Возможные пути развития России. Особенности характера российской власти	16
<i>Дубаневич Л.Э.</i> Исторические предпосылки формирования социального партнерства в России	25
<i>Вихарева Ю.С., Кеменова С.П.</i> Проблема выбора жизненной стратегии в обществе потребления: опыт экзистенциализма	33
<i>Хантингтон Х.А., Антропова Н.К.</i> Качество жизни студентов УГЛТУ	38
<i>Каташинских С.Н., Коротких Л.А.</i> Особенности чтения в России	42

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

<i>Франц А.С.</i> Поливариантность современной российской нравст- венной культуры	46
<i>Масленникова С.Ф.</i> О формировании эколого-гуманистических ценностей у студентов лесотехнического вуза	57
<i>Кричевцова Н.Е.</i> «Фрустрация утраченного смысла» и философ- ское наследие Л.Н. Толстого	63
<i>Новикова О.Н., Ротарь К.А.</i> Некоторые аспекты духовно- нравственного развития личности	73
<i>Голубева Т.Б.</i> Православие о нравственной ответственности человека	78
<i>Овчинникова Т.Н.</i> Влияние церкви на формирование гражданско- го общества в современной России	85

МИФОЛОГИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

<i>Назаров И.В.</i> Мифы современной России	89
---	----

<i>Старыгина Н.Ф.</i> Мифологизируемый мир в современной рекламе	101
<i>Попова В.Н.</i> Мифологизация праздника в современной России...	108

ПРОБЛЕМЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИИ

<i>Верзилов С.М.</i> Состояние современной лесной политики в России	116
<i>Хусаинов И.А., Антропова Н.К.</i> Экологические проблемы современности: анализ, оценка и пути решения	118

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

<i>Бенин В.Л.</i> О религиозной культуре, светской этике и новых про- вайдерах (Полемиические заметки по известному поводу)	123
<i>Будакова Е.В.</i> Формирование межкультурной компетентности как педагогическое условие воспитания толерантности учащихся	134
<i>Бурдина Т.Г.</i> Образовательный процесс в глобализирующемся мире: типы рациональности как методологические принципы обучения	144
<i>Дьякова Н.Г.</i> Роль педагога в современной школе	155
<i>Каташинских В.С.</i> Социологический подход к изучению института образования	158
<i>Клименко Е.Н.</i> Urbana potema современного Екатеринбурга	166
<i>Новгородова О.А., Подгайская Е.Г., Масленникова С.Ф.</i> О моло- дежной субкультуре	174
<i>Пестова Н.А., Тимофеев С.В.</i> Управление персоналом вуза по стандартам качества серии ISO 9000 в условиях аномии	178
<i>Шайхутдинова Л.В., Камка С.В.</i> Технологии формирования творческой личности при компетентностном подходе в образовании (На опыте работы учителя русского языка и литературы).....	186
<i>НАШИ АВТОРЫ</i>	193

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С.Н. Некрасов
(УрФУ, Екатеринбург)

О НЕКОТОРЫХ ПРОЕКТАХ РАЗВИТИЯ РОССИИ

На сегодняшний день задача нашей страны – демократическими методами обеспечить установление нового инновационного и креативного общественно-экономического устройства. Легитимность такого социально-эволюционного призыва не вызывает сомнений. Для его реализации потребуются переход от прежних монетаристских реформ к их следующему этапу – «неоиндустриальному», вбирающему в себя позитивные черты предшествовавших формаций, использующему весь накопленный историей культурный потенциал и специфическую ментальность русского народа. По сути, креативность действий государственной власти, инновационный характер технологий и потенциал социокультурной идентичности народа совпадают в этом модернизационном порыве.

Современная государственная политика России реализуется на территории евразийского континента, где бок о бок проживают десятки и сотни народов и народностей. Их представители получают образование в русском культурном поле, входящем в качестве станового хребта в единое евразийское пространство. В этом пространстве русский народ самой историей своего развития принужден к исполнению роли, объединяющей разнородные этносы.

В культурно-идеологическом процессе с начала 2000-х гг. просматриваются два этапа:

1) 2000 - 2003 гг. – период поиска новых идеологем, попытка формирования идеологии стабилизации, что отвечало задачам данного времени. Ядро идеологии периода составили идеологемы «Сильное государство» – «Законность» – «Порядок» – «Демократия» – «Гражданское общество» – «Конкурентоспособная экономика»;

2) 2004 - 2008 гг. – переход от идеологии стабилизации к идеологии развития, проектирования будущего. Центральным элементом идеологических ценностей государства стала идеологема «Качество жизни», получившая развитие в идеологии приоритетных национальных проектов. Ядром новой российской идеологии становятся понятия «Качество жизни» – «Патриотизм» – «Суверенитет» – «Державность» – «Демократия» – «Гражданское общество». Но смысловым центром системы идеологических ценностей признается гражданин и его «качество жизни» как главная цель политики государства.

От чего же на самом деле нам следует отказаться, и какие есть возможности гармоничного немобилизационного развития, при котором двигателем становятся культурный потенциал и традиции русского народа? Разработка концепции модернизации в направлении создания креативной неоиндустриальной системы в отличие от западной концепции постиндустриализма нацелена на отрыв как от нынешней разрушенной производительной системы, так и от советской экономико-политической модели социума будущего. Такая концепция модернизации неизбежно должна быть культурологической, обеспечивающей использование культурного потенциала и традиций самых глубоких слоев русской народной жизни.

Выбор нового курса России невозможен без новой цели. Все прежние века целью социального прогресса служил рост экономического могущества государства и уровня жизни населения. Этот стимул сыграл важную роль для исторического развития. Однако к концу XX века стала очевидной его недостаточность. Несмотря на изобилие произведенных на планете материальных благ, люди оказались разоблаченными на богатых и бедных, «элиту и изгоев», решая многие проблемы через насилие и кровь. Причина в том, что экономические ориентиры не учитывают самого главного – человека, насколько ему уютно в окружающем мире. Они лишены этического смысла.

Что может быть более привлекательным, чем желание стать богатым? В чем высший смысл, достойный владеть миром? Смыслом жизни является сама жизнь в стремлении человека к счастью и социальному совершенствованию. Это то, что называется качеством жизни. В отличие от уровня жизни, который характеризует материальное благосостояние, качество жизни отражает самочувствие человека и общества.

Исходя из первостепенной важности качества жизни, именно оно должно стать главным ориентиром социального прогресса. Чтобы это

желание не превратилось в популистский лозунг, цель должна иметь четкие критерии, отражающие высшие человеческие ценности:

- во-первых, это здоровье и продолжительность жизни;
- во-вторых, это рождаемость и воспроизводство рода;
- в-третьих, это удовлетворенность жизнью (крайняя степень не-удовлетворенности – самоубийства);
- в-четвертых, это духовное состояние, оцениваемое по соблюдению нравственных заповедей: «не убий» (убийства), «не укради» (кражи), «не прелюбодействуй» (разводы), «почитай родителей» (брошенные старики), «заботься о потомстве» (оставленные в роддомах дети).

Качество жизни способно служить не только целью социального развития, но и его условием, если общество решает иные важные задачи. При этом никакие действия государственного аппарата не должны вести к ухудшению перечисленных показателей сверх пороговых значений.

Возможно несколько вариантов дальнейшего развития в рамках идеологии модернизации.

Первый вариант связан с активной монетаристской политикой в интересах богатого меньшинства. Либералы в антидемократическом духе оправдывают колоссальные потери промышленности, народонаселения, образовательных учреждений и научных институтов страны. Именно такое уничтожение называется в духе решений ООН «геноцидом».

Второй вариант связан с работой так называемых «крепких хозяйственников». Это нелиберальная и нереформистская установка. Она близка партии «Справедливая Россия». Однако она не отвечает на вопрос о том, как следует строить всю систему жизнеобеспечения постсоветской России. В сущности, данная позиция стремится вернуться к старой советской индустриальной системе, поскольку надеется на взятие в руки реальной политической власти для претворения в жизнь выработанных идей.

Третий вариант носит технологический характер. Он исходит из того, что современный промышленный комплекс страны возник исторически и тесно связан с двумя другими системами – образовательной и научной. Существует единый промышленно-образовательно-научно-исследовательский комплекс, компоненты которого не могут быть в ходе «открытого заговора» произвольно и по отдельности реформированы в качестве очередного «апгрейда» в духе информационного

постиндустриального общества, нацеленного на финансово-информационное развитие. Такова позиция партии «Единая Россия» и нынешнего политического руководства, провозгласившего курс на модернизацию с опорой на несформировавшийся еще средний класс информационного общества.

Четвертый вариант связан с процессом инновационного развития науки, образования и промышленности, на котором настаивает КПРФ. Постиндустриалистское понимание постсовременности предполагает, что «информационное общество» целиком строится на высокой технологии и компьютерах. Новый тип промышленной организации строится в зависимости от передовых научных технологий, структуры подготовки и образования рабочей силы. Источник такого вектора модернизации – культурный потенциал россиянина, работающего на родное государство и разделяющего единые культурные ценности элиты и рядовых граждан.

Возможны три типа национальных проектов развития российской социальности в контексте динамики единого социокультурного комплекса:

1) первый тип проектов основан на традиционных отраслях промышленности и может быть назван консервативным вектором, замораживающим отсталость;

2) второй тип направлен на создание новых форм промышленности и таких ее отраслей, которые ныне находятся в эмбриональном состоянии в лабораториях по оптоэлектронике, лазерной технике и выращиванию кристаллов, созданию роботов;

3) третий тип ориентирован на создание метапромышленности как основы метаэкономики, связанной с циклами инновационной деятельности в рамках корпоративных университетов и технопарков.

Как можно интегрировать проекты развития России и спасти ее от социального взрыва? Это невозможно без восстановления культурного единства общества и без использования потенциала россиянина в новых условиях становления информационного общества XXI века. Понятно, что Россию ждет либо «второе издание» антибуржуазной революции, либо модернизация без мобилизации в направлении формирования неоиндустриального цивилизационного типа общества, но с опорой на культурный потенциал русского народа.

А.Ф. Посыпайко
(УГЛТУ, Екатеринбург)

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ИДЕАЛЫ В МИРОВОЗЗРЕНИИ ЧЕЛОВЕКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Человек как существо животного происхождения отличается от всех других животных тем, что он является существом разумным (Sapiens). Только человеку как таковому присуще осознание окружающей среды. Произведя человека, природа таким образом произвела существо, в лице которого осознала саму себя. Ведь только благодаря человеку и в лице человека природа знает, что она цветная, теплая, съедобная, закономерная... В определенной мере природа «осознает» себя и через животные существа, которые тоже «знают», что можно съесть, а чем можно отравиться, к чему следует прибегать, а от чего убегать, чему и кому следует показываться, а от чего и от кого надо прятаться. Но при всем при этом, если животное и что-то «знает», то оно не осознает свое знание. Только человек не только знает те или иные стороны действительности, он вместе с тем осознает себя как существо знающее. Знание человека самого себя создает собой то, что мы называем самосознанием.

Сознание вместе с самосознанием образуют то, что мы называем мировоззрением. Мировоззренческим взглядом человек охватывает весь мир, и в этом охваченном мировоззрением мире он живет и действует. Мы всегда живем в том и таком мире, каким мы его осознаем, как мы его себе представляем. Верующий человек живет в окружении и во взаимодействии со сверхъестественными существами, атеист живет в мире, в котором нет каких бы то ни было сверхъестественных существ, суеверный человек живет в мире чудес, предсказаний, колдовства.

Весь мир необъятен, и своими знаниями о нем он присутствует в нашем мировоззрении только частично. Этими частичными знаниями о мире в современных условиях нас снабжает наука. Научные знания являются наиболее доказательными элементами нашего мировоззрения. Наука не только дает нам непоколебимые убеждения в правдивости наших знаний о мире, но и формирует у нас научный стиль мышления, с которым мы подходим ко всем мировоззренческим проблемам даже в том случае, когда нам заведомо известно, что определенные проблемы мировоззрения нельзя решить научным способом. Следовательно, мы всего мира по-научному не знаем.

Наука преподносит нам фрагментарные знания о мире, и если говорить с точки зрения научного знания, то мы знаем мир фрагментарно. Но человек живет не исключительно в том мире, который ему научно растолкован. Он живет во всем реальном, цельном мире и действовать ему приходится в мире, который предстоит пред ним со всеми познанными и непознанными сторонами. А мировоззрение всегда дает человеку видение всего мира со всеми его загадками и разгадками, поэтому в мировоззрении, кроме настоящих научных знаний, присутствуют и различного рода предположения о реальном состоянии вещей. Эти стихийные или осознанные, действительные или мнимые пробелы наших знаний о мире заполняются в мировоззрении предположениями.

В итоге получается, что только благодаря мировоззрению мы знаем то, чего на самом деле не знаем. Только в будущем дальнейшее развитие науки подтвердит или опровергнет наши мировоззренческие предположения. Но в функционирующем мировоззрении мировоззренческие предположения для человека, а иногда и для всего общества, также убедительны, как убедительны таблица умножения, законы всемирного тяготения, шарообразность Земли. Не будем залезать в дебри современных научных гипотез, хотя и они годятся для иллюстрации сказанного. Возьмем, к примеру, тех людей, которые верят в телепатию, вещие сны, предсказаниям ясновидящих или гадалок, в порчу и т.п. и т.д. Наука не только не подтверждает наличие телепатии, НЛЮ, ведьм и др., но и многократно публично показывала несостоятельность всего перечисленного. Ну и что из этого? Для некоторых людей телепатия – достоверный факт, гадание и колдовство – вне всякого сомнения. И среди них не обязательно темные люди, но и люди с высшим образованием, творческая интеллигенция и даже ученые (правда, специалисты не в тех областях, в которых они допускают антинаучные предположения). Следовательно, в мировоззрении человека знания и предположения слиты в единое целое. Отсюда следует, что мир человеку предстает как мир знаний и предположений.

Но в мировоззрении присутствуют такие проблемы знания, на которые наука не дала и никогда не даст однозначного исчерпывающего ответа. Эти проблемы ставит перед человеком не внешний мир. Они не принадлежат к проблемам объективного независимого от человека характера. Они субъективны, так как поднимаются нами самими в отношении нас самих. В общем виде – это проблемы смысла нашей жизни, нашего существования, происхождения и самого мира,

самой природы, в которой мы обитаем. Совокупность этих проблем называют смысложизненными проблемами. Мир в целом не имеет никакого смысла. Он существует. И всё! Он даже не знает о своем существовании. Это мы знаем, что Мир существует, это мы, люди, вкладываем смысл в свою жизнь и в окружающую нас действительность. Мы пришли в мир, чтобы прожить осмысленную жизнь, прожить жизнь со смыслом. В этом плане нас интересует не столько то, каков есть мир и я в нем, а то, каким он должен быть. Каким мне и окружающему миру надлежит быть? Ответ на все эти и подобные вопросы дает нам наше собственное мировоззрение. Совокупность представлений, понятий и концепций о должном образует собой Мир должного в мировоззрении. Его еще называют Миром смысложизненных идеалов.

Следовательно, с концептуальной точки зрения в мировоззрении органически соединяются между собой три составные части: мир знаний, мир предположений и мир должного, которые представляют собой продукты интеллектуальных образований, продукты разума. Но в духовном мире человека, кроме интеллектуальных, имеются также эмоциональные элементы, а также волевые побуждения, решения, действия. Они также охватываются мировоззрением и в то же время выступают составной частью и формообразующими элементами мировоззрения. И с этой, можно сказать, психологической точки зрения мировоззрением человека является не только то, что он себе представляет, что он знает или думает, что знает. Я, например, хорошо знаю мировоззрение православного христианства, но это еще не значит, что я верующий православной церкви. В мировоззрение человека входят только те знания, которые его убеждают, которые прочувствованы им как знания истинные и которыми человек руководствуется в своем поведении.

С психологической точки зрения в мировоззрение входит наше миропонимание, наше мирочувствование и наше мироотношение. Только то, что одновременно воспринимается нашим разумом, нашими чувствами и нашей волей, — только это и составляет наше подлинное мировоззрение. Мы в данном случае отвлекаемся от тех противоречий, которые возникают между нашими знаниями (например, научными), нашими предположениями (например, совершенно антинаучными) и концептуальным содержанием наших смысложизненных идеалов. Отвлекаемся также от постоянного диалектического противоречия между разумом человека, его чувствами и волей.

В мировоззрении человека имеется множество элементов. Главные и доминирующие среди них принято называть идеалами. Идеалы – это опорные пункты мировоззрения. Основное содержание мировоззрения каждого человека определяется по содержанию мировоззренческих идеалов. Другими словами: мировоззрение выражается в идеалах, а идеалы в свою очередь формируют мировоззрение. Центральное же место в мировоззрении принадлежит идеалам смысложизненным. Осуществление в жизни человека и общества смысложизненных идеалов делает жизнь человека и общества осмысленной. Смысл жизни человеку и обществу придают смысложизненные идеалы. Или другими словами: мы приходим в жизнь для того, чтобы в ней осуществились те или иные смысложизненные идеалы.

Выявлением и формулировкой этих идеалов на протяжении веков занимались религия и философия. Обобщая исторические результаты этих поисков, можно выделить три основные группы смысложизненных идеалов. Это философские смысложизненные идеалы, личностные смысложизненные идеалы и общественные смысложизненные идеалы.

Философские смысложизненные идеалы, такие, как Истина, Добро, Красота, Справедливость, впервые были названы еще Платоном, после чего пропагандировались и истолковывались философией до наших дней. В них в концентрированном виде воплощена сущность смысла жизни человека. Еще во времена античности философы доказывали, что человек приходит в мир, чтобы в его жизни утвердились Истина, Добро, Красота и Справедливость. Эти же самые идеалы человек ищет в окружающей действительности.

Истина в философии имеет не только узко научный, но и мировоззренческий смысл. Истина – это соответствие человеческих знаний действительности. Истина – это правда и о том, что есть, и о том, что должно быть. Истина – это Правда с большой буквы. Ею может быть и научное открытие, которое коренным образом влияет на наши мировоззренческие ориентиры, и любое другое социальное явление. Такой Истиной в конкретных исторических условиях были, например, открытие шаровидности Земли, ее вращения вокруг своей оси и вокруг Солнца; открытие того, что не сердце, как утверждается в Библии, а головной мозг является центром психической деятельности человека, и так далее. Истиной также является и тот факт, что Россия с богатыми природными ресурсами населена в большей степени бедным населением, поскольку не природными богатствами определяется богатство народа, а социальными условиями.

Другим философским смысложизненным идеалом является Добро. Добро – это положительное моральное состояние и оценка поведения человека или общества. Добро – это все то, что идет на пользу сохранению рода человеческого, на воспроизводство установившегося и проверенного многовековой практикой образа социальной жизни. Содержание и трактовка понятия Добра зависят от конкретного жизненного опыта и условий человеческой и природно-социальной среды. Если человеку не хватает Добра сегодня, он обращается к прошлым временам. Старые времена нам кажутся добрыми именно потому, что при воспоминании о них мы, прежде всего, фиксируем внимание на том, что в них было позитивного. Когда человек не может найти ответы на животрепещущие вопросы в сегодняшней жизни, он ищет их в прошлом, потому что больше ему искать негде.

Красота – это гармония, совершенство, целесообразность в состоянии и процессах человека, общества и природы. Красота всегда воспринимается с точки зрения интересов, потребностей и оценок человека и применяется также к оценке внешнего и внутреннего облика человека, его поступков. Представления о Красоте исторически изменчивы. Существует мнение о том, что Красота спасет мир. Нам представляется, что это не более чем красивое высказывание.

Справедливость – совокупность вознаграждений и наказаний, которые должны ложиться на судьбу человека в соответствии с его социальным положением, поведением и поступками. Многие россияне, например, выражают резкое недовольство в связи с чрезмерной глубиной неравенства в распределении собственности и доходов. При этом решающую роль в формировании позиции наших сограждан в вопросе о справедливости тех или иных неравенств играют не столько их личные интересы, сколько общие представления о справедливости, которые являются социокультурной нормой, характерной для российского общества на нынешнем этапе его развития [1, с. 21]. А как оценить с позиции нравственности результаты приватизации в нашей стране, в ходе которой собственность стоимостью в 1 трлн. долл. была продана частным лицам всего за 5 млрд долл. [2, с. 129]? Или как оценить тот факт, что менее чем 100 семей современных олигархов владеют сегодня 92 % доходов от природных богатств страны, а 8 % приходится на более чем 140-миллионный народ России [3] ?

Перечисленные идеалы находятся в сложном диалектическом соотношении друг с другом. Грубое нарушение или игнорирование любого из этих идеалов обесценивает те или иные стороны жизни

человека или общества. Но следует отметить, что одновременное и полное воплощение всех вместе четырех смысложизненных идеалов философского уровня в жизни человека и общества невозможно. Например, постоянное старение и необратимая смертность человека есть Истина. А как совместить эту Истину с идеалами Красоты, Добра и Справедливости? Или еще, Справедливость требует неизбежного наказания за проступок, а Доброта требует прощения за проступок. В жизни человека, как и в жизнедеятельности общества, ни при каких условиях не может и не должен господствовать только один смысложизненный принцип: «Истина превыше всего!». А как быть при такой доминанте с художественными произведениями, которые без вымысла обойтись не могут? А правильно ли делает врач, когда говорит неправду смертельно больному человеку о его диагнозе? А нужно ли нам в похоронной речи выкладывать Истину о бывших неблагоприятных поступках покойного? Или выражение «Пусть погибнет мир во имя торжества справедливости!». И где в этом справедливом мире найдет приют Добро? Не могут и не должны жить человек и общество только под одним лозунгом Добра. Указанные смысложизненные идеалы должны становиться лозунгами жизни в определенное время и в определенных условиях. А дело гармоничного сочетания Истины, Добра, Красоты и Справедливости всегда возлагается на каждого человека и на то или иное общество вообще. Человек пришел в мир для того, чтобы в его жизни воплотились Истина, Добро, Красота и Справедливость, а как именно осуществлять это воплощение, – это дело каждого человека и общества в целом.

К личностным смысложизненным идеалам относятся Вера, Надежда, Любовь и житейская Мудрость, Достоинство, Честь, Совесть, Долг, Активность, Смысл жизни, Счастье. Идеалы Веры, Надежды, Любви и Мудрости обсуждались в философии задолго до нашей эры, но только христианство подняло их на пьедестал смысложизненных идеалов, объявило их библейскими добродетелями. Однако в попытках абсолютизировать эти идеалы христианство перестаралось и превратило их в свою противоположность: Веру – в отказ от разума и принятие за истину явно абсурдных утверждений о, например, непорочном зачатии. Любовь христианство превратило в любовь к врагам, Надежду – в беззаботность о завтрашнем дне и подражание птицам небесным.

Из-за христианской трактовки Веры, Надежды и Любви нехристианская философская мысль решительно отрицала значение и роль

идеалов Веры, Надежды и Любви в решении вопроса о смысле жизни человека, всячески противопоставляла Вере – разум и знания, Надежде – упорство и уверенность человека в достижении поставленных целей своими силами, Любви – здоровую ненависть к врагам и всему тому, что унижает человека.

Достоинство и Честь – это показатели уважения и самоуважения, незапятнанности личности человека. В этих идеалах формируется личность, которая достойна осмысленного существования. Человек ни при каких обстоятельствах не должен терпеть унижения своего достоинства, терпеть пренебрежения своей честью. О каком смысле жизни можно говорить в отношении человека, если ему недостает достоинства и у него отсутствует честь? Достоинство появляется у человека тогда, когда у него появляются достойные условия его существования. Тогда же у человека формируется понятие долга.

Долг – стержневой идеал в жизни каждого человека. Человек приходит в этот мир, чтобы осуществить свое предназначение – выполнить свой долг. За пределами долга нет у человека смысла жизни.

Счастье – это конкретное проявление смысла жизни в его субъективном восприятии. Это осознание и чувство своей собственной жизни как жизни, наполненной смыслом.

Общественные смысложизненные идеалы выражаются в совокупности тех идеалов, согласно которым должно строиться и функционировать общество, это те идеалы, в рамках которых должен проявлять себя в обществе человек. Эти идеалы не самодостаточны. Их значение и ценность всегда определяются тем, насколько они способствуют осмысленной жизни человека данного общества. Содержание этих идеалов, мера их применения на протяжении исторического развития общества изменялись. На сегодняшний день мы, учитывая историческое наследие, к таким идеалам причисляем Справедливость, Свободу, Равенство и Братство, Гуманизм, Альтруизм, Коллективизм, Деятельность.

Исходя из духа этих идеалов, Организация Объединенных Наций в 1948 году сформулировала и приняла соответствующие параграфы Декларации прав и свобод человека.

Деятельность и Справедливость – это те неотъемлемые составные жизнедеятельности, без которых не может быть какого бы то ни было общества. Уклонение от деятельности в обществе (например, культ уединения монахов, уединение членов некоторых так называемых тоталитарных сект) ведет к деградации общества, а вместе с тем

и человека. Без деятельности в обществе или для общества человек не может реализовать свое природное общественное и личностное предназначение. Общество осуществляет себя только в своей внутренней и внешней деятельности. Общество, в идеале, строится на элементах идеала Справедливости. Общество выступает определителем Справедливости и само должно строиться по параметрам Справедливости. Нравственный кризис, который испытывает сегодня наше общество, во многом возник по причине размывания понятия Справедливости и по причине отсутствия смысложизненных идеалов у большей части россиян.

Библиографический список

1. Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении / М.К. Горшков. Социс. 2009. № 3. С. 21.
2. Панарин А.С. Искушение глобализмом / А.С. Панарин. М., 2003. С. 129.
3. Львов Д. Справедливость и духовный мир / Д. Львов. Газета «Завтра». 2007. № 15 (699).

Л.А. Ждановских
(УГЛТУ, Екатеринбург)

ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РАЗВИТИЯ РОССИИ. ОСОБЕННОСТИ ХАРАКТЕРА РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ

Чтобы определить перспективы развития, изменения какой-либо системы, необходимо проанализировать не только её актуальное положение, но и заглянуть в прошлое. Это же касается и тенденций развития России.

Если посмотреть на русскую историю в целом, то можно обнаружить, что власть, различные властные институты играли и продолжают играть огромную роль в нашей истории. В этом смысле нашу культуру – властную, политическую, правовую – можно назвать самодержавной, «властецентричной», в ней власть занимает центральное положение. И более того, эта власть персонифицируется в одном человеке, в одном лице, которое обладает всей властью – и духовной, и

политической, и экономической, и любой другой. И это проходит сквозь всё время существования России, проявляясь то более, то менее интенсивно.

Если обратить внимание на западноевропейскую политическую культуру, то мы назовём её антропоцентричной. В центре её человек, человек как мера всех вещей, любой человек, а не только наделенный властью. В европейской культуре, таким образом, всё от человека начинается, у нас – от власти.

Почему так сложилось? Почему так продолжает складываться? Почему Россия остается авторитарным государством, а демократия до сих пор является фиктивной, провозглашаемой лишь в документах и чаяниях? Почему, в конце концов, после определенных социальных перемен Россия опять возвращается к автократии, к идее «грозного царя» и «твердой руки»?

И не только простые люди, но и образованные государственные и политические деятели, экономисты не могут с уверенностью ответить на эти и подобные вопросы, объяснить причины происходящих в России изменений. Так, известный экономист А. Аузан на вопрос: «Почему Россия не может сменить старую траекторию развития, "выйти из колеи"?» – честно отвечает: «Не уверен, что я знаю на него ответ».

Что же является определяющим для развития наших политических институтов, политической культуры? Термин «политическая культура» ввел в науку американский политолог Г. Файнер. Согласно С. Вербе и Г. Алмонду, политическая культура – особый тип ориентации на политическое действие, отражающий специфику каждой политической системы. Другими словами, это наше отношение к политике, то, что мы думаем об институтах власти, о государстве.

Отечественные и зарубежные философы, историки, политологи, экономисты называют различные ключевые факторы, формирующие российский тип власти. В данной статье нами выделяются основные из них, причем последовательность перечисления не соответствует значимости фактора, ведь все факторы действуют одновременно.

Но прежде всего следует сделать несколько замечаний относительно роли исторической науки в России. Уже не секрет, что в России историческая наука всегда играла и играет служебную и подчиненную роль. И в дореволюционной России, и в советский период, и в постсоветский она всегда являлась «служанкой» власти, власть имущих.

Понимание этого позволяет избавиться от многих иллюзий и, прежде всего, от широко распространенной иллюзии, будто Россия –

такая же страна, как и другие европейские страны, и значит нужно только отстранить от власти «плохих» правителей, принять хорошую конституцию, и все само собой станет на свои места – Россия быстро догонит передовые страны Европы. Но ведь недостаточно написать хорошую конституцию и придумать правильные законы. Нужно, чтобы в обществе сформировались механизмы, обеспечивающие жизнь в соответствии с этой конституцией и соблюдались принятые законы. Мода на западность, на либерализм, демократию и на рыночность, перенесение этих достижений европейских, антропоцентричных стран на российскую почву оказываются малоэффективны. Более того, в результате дискредитируются и демократия, и либеральные идеи, и свободная пресса, и рыночные отношения. А российское общество продолжает жить при прежнем, авторитарном, режиме.

Рассмотрим три основных ключевых фактора социально-исторического развития России, повлиявшие на характер российского типа власти.

1. *Географический фактор*. Н.А. Бердяев однажды сказал, что русскую историю съела русская география. Влияние природно-климатического фактора на специфику русской истории отмечали многие исследователи (Соловьев С.М., Ключевский В.О., Пайпс Р. и другие).

Одним из современных авторов, остановившихся на этой проблеме, является академик Милов Л.В., который в своей книге «Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса» опирался на солидную фактическую базу.

По мнению Милова Л.В., восточные славяне начали строить цивилизацию в тех местах, где, в общем-то, никто до них не строил – в заснеженной северо-восточной Европе. Наши предки осваивали бедные территории, трудные для проживания и экономики, во-первых. Во-вторых, это были территории, открытые со всех сторон, незащищенные территории. Это дало им очень сложную и не всегда приятную, не всегда удобную природно-климатическую стартовую площадку и по развитию русской истории. Милов показывает, как формировались русский человек и институты власти в этой среде.

В этих условиях прибавочный продукт оказывается очень небольшим. И доля, которую можно выделить и инвестировать в дальнейшее развитие, оказывалась также малой. Из-за этого вырастала роль государства. Поскольку богатство мало и на него много претендентов, то исторически сложилось так, что господствующий класс

создает «жесткие рычаги государственного механизма, направленного на изъятие той доли совокупного прибавочного продукта, которая шла на потребление самого государства, господствующего класса, общества в целом. Именно отсюда идёт многовековая традиция деспотической власти российского самодержца, отсюда идут, в конечном счете, и истоки режима крепостного права в России» [1, 53].

Таково влияние географического фактора на характер русской власти.

2. Принятие христианства и характер взаимосвязи между церковной и светской властью. Россия – христианская страна. Несмотря на то, что не все люди в стране верующие, и большую часть XX века религия преследовалась и уничтожалась, Россия остается христианской страной. Это то, что по-настоящему объединяет нас с Европой. Тем не менее, становление христианства на Руси имеет свои особенности. И именно эти особенности помогают нам прояснить сущность российской власти.

Религиозная проблематика характерна для всей русской истории и философии. Многие историки, философы обращают внимание на особую взаимосвязь церковной и светской власти в России (Соловьев В.С., Бердяев Н.А., Зеньковский В.В., Зызыкин М., Карсавин Л.П., Суттнер Э., Ляшевский С. и другие).

Христианство – персоналистическая религия. Поэтому мы и говорим, что европейская цивилизация антропоцентрична. Заметим, что вся русская культура личностная, в ней присутствует тема личности, тема человека, чего мы не найдём, например, в китайской цивилизации, индийской, арабской и других. Так исторически сложилось. Но с принятием христианства произошла и другая вещь: взяв христианство не из Рима, а из Византии, русичи оказались вне общеевропейского, общезападного пути. Более того, христианство к нам пришло не на греческом языке, а на старославянском, что отгородило Русь и от основного движения православия Византии – от византийской учености, культурности, от византийского права и т.д. Как пишет академик Пивоваров Ю.С., «С одной стороны, мы сделали шаг в круг европейских христианских народов. А с другой стороны, одновременно сделали шаг как бы в изоляцию. Как бы в гетто. ... Вот такое двойное влияние христианства во многом определило наше дальнейшее развитие, пути развития нашей культуры, в том числе политической» [2, 74].

У Византии мы взяли и модель власти. Это традиция византийского понимания взаимоотношений Государства и Церкви.

В католическом Риме и на Западе существовала концепция «двух мечей». Суть концепции: исходя из того, что Государство и Церковь – два главных субъекта в средневековом мире и от них и их взаимоотношений зависит жизнь человека, каждый человек может выбрать, на какую власть («меч») ему опираться: на духовную власть (Папу Римского) или на светскую власть (императора). Это привело к развитию плюрализма как момента выбора, возможности разных идентичностей. Политологи считают, что это один из корней европейской демократии. И уже тогда возникали политические партии, которые боролись между собой. Таким был прообраз будущего западного мира.

Россия взяла византийскую модель. Это модель симфонии. Симфонии, то есть согласия. Смысл этой модели заключается в том, что в духовных делах светская власть уступает пальму первенства духовной власти, а духовная власть уступает в делах светских. Но, как замечает Пивоваров Ю.С., в действительности все было иначе: главной была та власть, у которой было больше ресурсов, – светская. И взяв эту модель, мы как бы изначально признали и подчинились тому, что светская власть сильнее духовной. Поэтому влияние Церкви и вообще духовного начала в русской политической истории ощущается меньше, чем в европейской истории. Пивоваров приводит пример, иллюстрирующий это положение. На западе центр духовной власти – в Риме, а центр светской власти – где-то там, «на севере, за Апеннинскими». А в Византии, как потом получилось и в Москве, дворец императора и дворец патриарха находились рядом. И со временем царь сосредоточивает в своих руках власть и политическую и духовную. Петром I система патриаршего управления была упразднена и заменена Святейшим Синодом, подчинявшимся непосредственно государю. Конечно, при этом мы понимаем, что власть монарха обуславливалась его верностью церкви, царский венец давался церковью и от церкви, а царь становился церковным и священным чином в православной церкви.

Таким образом, особенности принятия христианства оказываются принципиально важным фактором становления властных институтов российского государства.

3. *Политико-экономические отношения между правителем и народом.* При анализе формирования российского государства с точки зрения различных наук (истории, политологии, социологии, экономики, культурологии и т.д.) ни одно исследование практически не обходится без упоминания о первых правителях древнерусского государства, о монголо-татарском иге, о положении тех или иных княжеств

Руси. Поэтому обратим внимание на те исторические факты, которые характеризуют экономические и политические взаимоотношения между властью и народом.

Древнерусское государство (Киевская Русь) было основано в середине IX века скандинавскими князьями Рюриковичами. Так как власть принадлежала иноземным захватчикам – княжеской семье и их советникам-боярам, то покоренное население вынуждено было платить дань.

Даже через 100 лет после создания Киевской Руси отношения князей-скандинавов к народу оставались отношениями иноземных правителей-захватчиков к покоренному бесправному населению. Как известно, в 945 году князь Игорь во время сбора дани был убит древлянами. Княгиня Ольга, вдова Игоря, немилосердно расправилась с ними и установила новые нормы дани.

Что мы можем понять благодаря этим фактам? Что эти факты могут нам сказать о характере формирующегося государства? Во-первых, в большинстве государств пополнение казны осуществлялось гражданскими чиновниками, на Руси же этим занимались вооруженные дружины. Во-вторых, в государстве, где власть не захватывается и не удерживается иноземцами, население платит налоги. Дань собирают только завоеватели. Налоги возвращаются в виде различных социальных выплат обществу, т.е. возвращаются обратно народу, тогда как дань всегда остается «в кармане» хозяина.

Несмотря на то, что при Ярославе Мудром (XI век) на первое место в управлении государством выходят славянские деятели, а скандинавы в основном находятся только на военной службе или служат князю в качестве советников, способ пополнения казны не меняется. Это по-прежнему – дань.

Далее следует ряд татаро-монгольских нашествий, начиная со второй четверти XIII века, потом установление татаро-монгольского ига – системы политической и даннической зависимости русских княжеств от монголо-татарских ханов (до начала 60-х годов XIII века монгольских ханов, после – ханов Золотой Орды) в XIII - XV веках. В этот период все русские княжества бывшего Древнерусского государства должны были платить дань новому монгольскому государству, возникшему на берегах Волги, а князья должны были ездить в Золотую Орду за разрешением-грамотой на княжение. Но не только дань и разрешение влияли на формирование властных институтов Руси. На формирование властных институтов влияет и тип власти, который стоит в истоках.

Монгольский тип власти характеризуется тем, что невероятный ее объем сосредоточивается в руках у одного человека. Это тот тип власти, когда один человек (хан) – всё, остальные (родственники, жены, дети, князья и проч.) – ничто. Это не было характерно для Древней Руси. Но вот, находясь в политическом общении с монголами, русские князья стали привыкать к такому типу власти. Да, власть – это всегда насилие. Но власть – это и договор. Власть европейских стран имела как элементы насилия, так и элементы договора. То есть самоограничение власти становится необходимым условием при формировании нормального цивилизованного государства. Монгольская же власть полностью отрицает договор, конвенцию. Это исключительно власть насилия.

Привыкнув, великие русские князья постепенно перенимали монгольский тип власти, именно эту культуру власти. Император Павел I, «наш романтический император», как называл его Пушкин, однажды, беседуя с французским послом, сказал: «В России только тот что-то означает, с кем я разговариваю. И только до тех пор, пока я с ним разговариваю». Формулировка близка к сути российской власти.

Федотов Г.П., русский религиозный мыслитель, историк и публицист, так определяет значение татаро-монгольского влияния: «Есть одна область средневековой Руси, где влияние татарства ощущается сильнее, – сперва почти точка на карте, потом расплывающееся пятно, которое за два столетия покрывает всю восточную Русь. Это Москва, "собирательница" земли русской. ... В самой московской земле вводятся татарские порядки в управлении, суде, сборе дани. Не извне, а изнутри татарская стихия овладевает душой Руси, проникает в плоть и кровь. Это духовное монгольское завоевание шло параллельно с политическим падением Орды. В XVI веке тысячи крещенных и некрещенных татар шли на службу к московскому князю, вливаясь в ряды служилых людей, будущего дворянства, заражая его восточными понятиями и степным бытом» [3]. А мы помним, что Москва определяла жизнь Руси с XIV века.

Итак, эти процессы усиливаются, но сохраняются и элементы, принятые ранее от скандинавов-варягов. Всё это, наряду с особенностями христианства, формирует новую культуру – русскую цивилизацию.

Москва «отатарилась», «омонголилась», с одной стороны. С другой, – шел процесс формирования Московского государства, которое возникало в результате постепенного включения (собираения) московскими князьями в состав своей вотчины всей Великороссии. Этой

землей вместе с проживавшим на ней народом московские князья обладали как вотчиной, согласно частному удельному праву. Удельная вотчина – это не государство в европейском понимании, а частная собственность князя. Удельный князь – это не государь, думающий о благе общественном и об интересах народа (людей), а хозяин, заботящийся о своей личной выгоде и об интересах своего хозяйства-удела. Европейское государство тем отличается от вотчины, что в нем воля хозяина-вотченника уступает место государственному закону. В Московском же государстве верховенствует не закон, а воля (произвол) Великого князя. Это государство возникло «не как союз народный, управляемый верховной властью, а как государево хозяйство, в состав которого входили со значением хозяйственных статей и классы населения, обитавшие на территории государственной вотчины», – писал Ключевский В.О. [4]. Поэтому население подлежит такой же эксплуатации, как и другие хозяйственные статьи.

Мы видим, что для формирующегося, российского, типа власти собственность и власть – это не два отдельных явления, а одно: их нельзя разделить. Это означает, что тот, кто обладает властью, обладает и собственностью. Но собственность – это особый правовой институт. Пивоваров Ю.С. уточняет, что, говоря о российском типе власти, речь, скорее, идёт об имуществе, о «субстанции материальной». В ходе развития русской политической истории сложилось так, что контроль и распоряжение этим имуществом осуществляет власть. Во время переписи населения Николай II в графе «профессия» написал «хозяин земли русской». Он и властитель, и хозяин-собственник в экономическом отношении. Сегодня в России мы наблюдаем то же самое: в чьих руках находится власть, в тех же руках находится и распоряжение имуществом.

Таким образом, мы можем сказать, что своеобразие российской власти обусловлено также и политико-экономическими условиями, существовавшими в период формирования русского государства, российского типа власти, ассимилировавшего монгольский тип власти и сохранившего экономическую основу периода княжения Рюриковичей.

Английский историк Тойнби А.Дж. выделил Россию в отдельную, молодую цивилизацию, назвав её характерными чертами антизападность, антилиберализм, антибуржуазность, великодержавность [5]. Культурно-психологический код этой цивилизации обусловлен веками сохраняющимся в народе господством норм Московского царства и старых удельных порядков, когда государство остается вотчиной пра-

вителя (Князя, Царя, Генерального Секретаря, Президента), когда отсутствует понятие о верховенстве общественного блага, когда государственные цели всегда выше интересов населения и когда большинство его слоев еще не сознают своих интересов и не сформировали структуры и механизмы борьбы за эти интересы.

Поэтому наиболее вероятным видится именно старый российский путь – та или иная форма автократии в сочетании с новыми, но не наполненными содержанием формами демократии. Внешняя форма и лозунги российского государства будут соответствовать стандартам передовых европейских стран, а сущность останется соответствующей медленно меняющемуся культурно-психологическому коду россиянина и реальным условиям российской жизни.

Стремление России побыстрее зажить, как западные страны, имеет мало шансов к осуществлению. Профессор Назаров И.В., анализируя особенности русского менталитета, замечает, что экономический спад, ухудшение материального положения значительной части населения, идейный разброд объясняются «прежде всего одной закономерностью: у нас людей, не желающих, не умеющих, не способных ответственно трудиться, больше, чем в развитых странах» [6, 140].

Может быть, лучше двигаться соответственно пословице «тише едешь – дальше будешь»: не внедрять насильно европейский опыт, не считаясь с особенностями российского менталитета, не обольщаться радужными планами и рапортами. А понимать, отчего буксуют реформы, и медленно, но верно и ответственно работать над изменением российской действительности в сторону большего соблюдения законов, в сторону реальной, а не декларируемой заботы о людях и условиях их жизни. Население должно осознать, что без ответственного труда никакое стремление не способно изменить условия существования. Ведь главная цель – не реформы сами по себе, не высокие показатели, а действительное улучшение механизмов, обеспечивающих эффективность экономики, повышение культурного уровня людей. Тогда будет воспитан другой российский человек, и российские условия изменятся настолько, что появится возможность оставить накатанную «русскую историческую колею» и пойти по другому, лучшему, пути.

Библиографический список

1. Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории, 1992, № 4-5, с. 37-56.

2. Пивоваров Ю.С. Русская политика в её историческом и культурном отношении. М., 2006. 350 с.
3. Фетодов Г.П. Россия и свобода. Интернет-ресурс http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Fedotov/_RosSvob.php
4. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Интернет-ресурс <http://www.bibliotekar.ru/rusKluch/index.htm>
5. Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник. М.: Рольф. 2001. 640 с.
6. Назаров И.В. О парадоксе русского менталитета // Наука. Общество. Человек. Вестник Уральского отделения РАН. Екатеринбург. 2003. № 3 (5).

Л.Э. Дубаневич
(Филиал РГСУ, г. Ивантеевка)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В РОССИИ

Основным принципом формирования трудовых отношений в условиях рыночной экономики является социальное партнерство, которое представляет собой институт государства и гражданского общества, основанный на соглашении и взаимопонимании властных структур, профсоюзов, работников, объединений работодателей, предпринимателей, на отказе от конфронтации и насилия по важнейшим направлениям социально-экономического и политического развития.

Формирование системы социального партнерства в России представляет собой длительный исторический процесс, и обращение к историческому опыту нахождения компромисса в отношениях наемных работников, работодателей и государства позволяет лучше понять проблемы становления социального партнерства в сегодняшнее время.

Элементы регулирования государством трудовых отношений между работниками и работодателями, владельцами мануфактур и заводов появились еще в XVIII в. Подтверждение этому Указ и «Регламент» (1722 г.), изданные Петром I, в которых предписывалось ограничить продолжительность рабочего дня на мануфактурах и казенных заводах, а также установить максимальный размер заработной платы. В относительно широких масштабах фабричное законодательство возникло в

России в 80-е годы XIX в. Первый фабричный закон общего характера в России – «Положение об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму» был издан в 1835 г. В соответствии с данным «Положением» фабриканты были обязаны письменно оформлять условия найма, рабочие не имели права уйти ранее обусловленного договором срока и требовать повышения заработной платы. В свою очередь, владелец предприятия имел право уволить рабочего, предупредив его об этом за две недели. Однако в условиях зарождения капитализма это было формальное, декларируемое приравнивание рабочего к работодателю [1].

Существенное влияние на разработку правовой базы трудовых отношений оказало рабочее движение 80-х гг. XIX в., особенно Морозовская стачка 1885 г. В июне 1886 г. были изданы «Правила о найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры», а также «Особенные правила о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих». Эти документы включали важные положения, развивающие идеи социального партнерства.

Правящие круги России были заинтересованы в существовании рабочих организаций, способных цивилизованно представлять и защищать права рабочих, но они шли на это крайне неохотно, так как не доверяли неподконтрольным им общественным организациям [2].

Работодатель обладал всем, включая средства производства, а работник не имел каких-либо трудовых прав, кроме своей способности к труду. И поэтому работодатель чаще всего в одностороннем порядке диктовал условия труда в договорах личного найма. Рабочие искали возможности влияния на предпринимателей-работодателей через своих представителей. Идея создания института представительства рабочих в сфере трудовых отношений возникла в начале XIX в. Параллельно возникали первые примитивные союзы работников, представляющие собой различного рода кассы – ссудные, ссудо-сберегательные, пенсионные.

Властные структуры принимали все более деятельное участие в совершенствовании практики регулирования трудовых отношений. В конце XIX в. на государственном уровне рассматривалась возможность создания общественных рабочих организаций. Советы общественных рабочих организаций явились посредниками в регулировании конфликтов рабочих с администрацией предприятий, они тесно взаимодействовали с фабричной инспекцией и полицией.

При поддержке органов государственной власти получило распространение заключение коллективных договоров на предприятиях. Один из первых коллективных договоров был подписан с рабочими после крупной забастовки на Бакинских нефтяных промыслах в 1904 г. Первые коллективные договоры имели произвольную индивидуальную форму фиксации требований сторон и могли называться «Коллективный договор», «Коллективные соглашения» или просто «Протокол». Коллективные договоры фиксировали положения о минимуме заработной платы, порядке оплаты труда, включали требования об оплачиваемых ежегодных отпусках и пр. Высшая форма коллективных договоров - тарифный договор появляется в практике взаимодействия рабочих профсоюзов с предпринимательскими организациями в ходе революции 1905 - 1907 гг. [1].

Стимулировало процесс заключения коллективных договоров формирование профессиональных союзов, объединений. Первые отраслевые профсоюзы в России возникли в 1905 г. Создание профсоюзов происходило с большим трудом, поскольку в них виделись либо орудие революционных партий, либо монополистические организации, которые на базе рыночных отношений способны вырвать у работодателей неоправданные уступки. Профсоюзы развивались вместе с крупным производством. Во взаимодействии с объединениями предпринимателей, работодателей профсоюзы проявляли наибольшую заинтересованность в развитии трудового законодательства, в совершенствовании социально-трудовых отношений в производственной сфере [2].

С началом первой мировой войны тенденция к сближению интересов работодателей и рабочих становится все заметнее. Отраслевые профсоюзы переходят к составлению типовых договоров, становящихся образцом тарифного договора данной отрасли. В основу тарифного договора положено два принципа – определение прожиточного минимума и квалификационные характеристики рабочей специальности. В случае недоразумений, возникающих между рабочими и работодателями, предусматривался механизм разбирательства конфликтов в виде согласительной комиссии. Взаимное стремление к урегулированию острых ситуаций социально-трудовых отношений предопределило разработку системы органов трудового арбитража: были созданы примирительные учреждения - «комиссии», «бюро», «камеры».

В дореволюционной России социальное партнерство развивалось по двум направлениям:

1) как взаимодействие работников и работодателей в процессе производства;

2) как участие предпринимателей в решении проблем социального характера: улучшения быта, социального обеспечения, профессиональной подготовки кадров и др.

В регулировании трудовых отношений особенно велика была роль государства, властных структур. Государство не только устанавливало границы договорных отношений, но и активно вмешивалось в процесс их регулирования [3].

Развитию взаимоотношений между рабочими и работодателями способствовала идея коопартнершипа, в основе которой находились вопросы привлечения рабочих к участию в прибыли своего предприятия. Данная идея получила распространение еще в пореформенной России с 70 - 80-х гг. XIX в. Активным сторонником ее продвижения стал Николай Христианович Бунге, российский финансист, академик, предлагавший коопартнершип в качестве альтернативы революционным теориям.

Коопартнершип представлен в мировой практике двумя разновидностями: простейшей (участие рабочих и служащих в прибылях предприятия на основе взаимного согласия работодателей и работников) и более сложной формой, предусматривающей участие вкладом процентов от прибыли; данной форме более всего соответствовал тип акционерных предприятий. Специфика российской формы коопартнершипа в том, что предприниматели, рассматривая его как средство установления социального мира с рабочими, проводили акционирование предприятий и выделяли долю работников предприятия в прибыли фактически «из своего кармана» [1].

В начале 1880-х годов Н.Х. Бунге выступил с программой фабрично-заводского законодательства. 1 июня 1882 г. был принят закон, запрещающий труд малолетних на фабриках. Для подростков от 12 до 15 лет должен был быть установлен 8-часовой рабочий день. В 1882 г. была образована при Министерстве финансов фабричная инспекция как орган надзора за исполнением фабричного законодательства.

Формирование социального партнерства в пореформенной России прошло несколько этапов:

1) 60-80-е годы XIX в. – попытка формирования процесса правовых отношений в социально-трудовой сфере в период царствования

Александра II, деятельность комиссий по подготовке социально-трудового законодательства; становление договорных форм социально-трудовых отношений;

2) 90-е годы XIX в. – начало XX в. (до революции 1905 г.) – период, совпадающий с началом индустриальной модернизации России. Создаются организационные структуры по регулированию социально-трудовых отношений на предприятиях, в отраслях (комиссии, советы, общественные организации работников, союзы и объединения предпринимателей, работодателей);

3) революция 1905 - 1907 гг., привнесшая принципиальные качественные изменения в социально-трудовые отношения. Создаются профессиональные организации рабочих – профсоюзы как институт социального партнерства;

4) период первой мировой войны и деятельности Временного правительства, характерный либерализацией трудовых отношений предпринимателей и рабочих и милитаризацией экономики. В России проходят апробацию цивилизованные формы и механизмы регулирования социально-трудовых отношений [4].

Формирование и утверждение советской системы социального партнерства – сложный и противоречивый процесс, начавшийся в 1917 г. в России с ликвидации капитализма и провозглашения создания нового социалистического общества. В условиях советской системы от имени работодателей в преимущественном большинстве выступали представители органов государственной власти и управления – руководители наркоматов (министерств) и ведомств, представители региональных властных структур, директора предприятий, организаций и учреждений.

В 1918 г. был принят первый КЗоТ РСФСР, в котором подтверждалась нормативно-правовая основа коллективных договоров, тарифных соглашений и определялись представители договаривающихся сторон. Первые декреты советской власти по вопросам трудовых отношений в основном соответствовали международной практике заключения коллективных договоров. Однако профсоюзам нередко рекомендовалось не поддерживать забастовки и стачки. В годы НЭПа процесс коллективных переговоров, заключения договоров, отраслевых и территориальных соглашений осуществлялся в условиях прямого вмешательства партийных органов в сферу социально-трудовых отношений. Происходит централизация коллективного переговорного процесса, начинается огосударствление профсоюзов. Для советской

системы договорных отношений характерно активное вмешательство государства в сферу экономики.

С 30-х гг. все социально-экономические решения принимались Центром. Вопросы оплаты труда и нормы выработки решались в основном государственными органами. Экономические реформы 50-х – начала 60-х гг. были направлены главным образом на демократизацию сверхцентрализованной системы управления экономикой, расширение хозяйственных прав союзных республик, краев и областей путем управления «на местах», сокращения производственного аппарата. Впервые было выдвинуто положение о материальной заинтересованности работников в развитии производства и увеличении его доходности.

Во второй половине 80-х – начале 90-х гг. в развитии социального партнерства можно выделить следующие этапы:

1) 1987 - 1988 гг. – деятельность небольших и относительно немногочисленных групп рабочих, начавших организационную и пропагандистскую работу в производственных коллективах по демократизации трудовых отношений и развитию самоуправления трудящихся;

2) 1989 - 1991 гг. – рождение стачечных рабочих комитетов, их региональных объединений, стремление к созданию новых, независимых, профсоюзов. Происходило организационное укрепление Объединения социалистических профсоюзов СССР – Соцпроф, образованного в 1988 г. В 1992 г. Соцпроф переименован в социальный профсоюз. В 1990 г. организован Союз трудовых коллективов, созданный для защиты прав и интересов трудящихся;

3) 1992 - 1993 гг. – выражение массового недовольства политикой, проводимой КПСС и бывшим руководством СССР, расширение массовых забастовок шахтеров, металлургов, машиностроителей, текстильщиков, транспортников.

В конце 80-х – начале 90-х гг. формировались новые типы трудовых отношений – двусторонние и трехсторонние договоры и соглашения, предполагающие утверждение экономической самостоятельности предприятий и организаций. В 1990 г. был принят Закон СССР «О профсоюзах, их правах и гарантиях деятельности», подтвердивший право профсоюзов на ведение коллективных переговоров, заключение соглашений и договоров, а также право на проведение забастовок.

Таким образом, процесс становления и развития советской системы коллективно-трудовых отношений протекал при наличии серьезных преград, выражавшихся в жестком централизованном партийно-государственном регулировании и контроле. В советский период

отсутствовали объединения работодателей. Их функции выполняли директора предприятий и властные структуры, олицетворяя собой основного работодателя.

Советскую систему коллективно-трудовых отношений в известной мере можно охарактеризовать как своеобразную модель социального партнерства, сформировавшуюся в условиях государственного социализма и административно-командной системы. Для данной модели характерны коллективные договоры и соглашения, подписываемые на уровне предприятий и организаций представителями профсоюзов, администрации и партийных комитетов. На городском, районном, областном, республиканском уровнях оформлялись договоры о социалистическом соревновании, предусматривающие соответствующие обязательства сторон в решении важнейших социально-экономических проблем.

Толчком к оформлению системы социального партнерства послужила новая волна забастовок 1991 года. Оживилась законотворческая работа, появились первые отраслевые тарифные, региональные соглашения, а затем и Генеральное соглашение.

Важнейшим шагом в формировании правового механизма социального партнерства в начале 90-х годов был Указ Президента РФ от 15 ноября 1991 г. № 212 «О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)». Этим Указом вводилась многоуровневая система социального партнерства в области социально-трудовых отношений и разрешении трудовых конфликтов. Она включала в себя следующие уровни: общенациональный, уровень субъекта Федерации, территориальный, отраслевой, уровень предприятия.

В 1992 году была создана Российская трехсторонняя комиссия, которая включала в свой состав 30 представителей общероссийских объединений профсоюзов, 30 представителей объединений работодателей и 30 представителей федеральных органов государственной власти. Ей принадлежала существенная роль в совершенствовании и развитии механизма социального партнерства [1].

Несмотря на специфические условия социально-экономического развития, Россия в целом шла в русле общецивилизационных закономерностей механизма социального партнерства.

Становление эффективно действующей системы социального партнерства в России проходит ряд этапов:

1) создание основ системы: формирование ее структурных элементов в центре, субъектах федерации, институтах партнерства в раз-

личных сферах, разработка законодательной базы социального партнерства, его механизма и технологий;

2) институирование социального партнерства и введение его в систему управления обществом. Характерными чертами этого этапа являются совершенствование механизма взаимодействия властных структур с представительными органами институтов социального партнерства, отработка технологий регулирования социальных конфликтов;

3) совершенствование системы партнерства, превращение ее в эффективный инструмент модернизации и стабилизации общества.

Можно сказать, что социальное партнерство в России формируется, и для этого имеются все необходимые условия: осуществляется переход к рыночным отношениям, существует минимально необходимая правовая основа для развития социального партнерства, существуют профсоюзы как организации, представляющие и защищающие интересы работников; выделился класс предпринимателей, государство заявило о своей потребности выступить в качестве посредника в отношениях между наемными работниками и работодателями. Каждая из сторон социального партнерства призвана играть самостоятельную и важную роль в экономической и социальной жизни общества и прежде всего в предупреждении социальных и политических конфликтов.

Библиографический список

1. Михеев В.А. Основы социального партнерства: теория и политика. М., 2001. 448 с.

2. Мкртчян Г., Чистяков И. Социальное партнерство, трипартизм и генеральные соглашения // Общество и экономика. 1998. № 10-11. С. 117-125.

3. Федупин А. А. Исторический опыт становления и развития системы социального партнерства в России // Дисс... докт. истор. наук. М., 1999. С. 65.

4. Чукреев П. Условия активизации рабочих как социальных партнеров // Человек и труд. 1997. № 5. С. 37-42.

Ю.С. Вихарева, С.П. Кеменова
(УГЛТУ, Екатеринбург)

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ЖИЗНЕННОЙ СТРАТЕГИИ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ: ОПЫТ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА

К XXI веку в нашей стране, да и в других странах мира сложилось так называемое «общество потребления», большинство людей в котором своей основной задачей считают, во-первых, накопление материальных денежных средств, а во-вторых, их трату на «предметы для статуса», т.е. вещи, жизненно не необходимые, но придающие человеку вес в глазах окружающих: модную одежду «от кутюр», аксессуары, дорогой автомобиль и др. Главной особенностью «общества потребления» является то, что вещи теряют свою сущность и становятся «знаками», а межличностные отношения в большинстве своем заменяются «бессмысленными ритуалами, не имеющими содержания» [1]. Людей переполняют два противоречивых стремления: не отстать от других, быть не хуже, чем другие, и в то же время отличаться от них.

Таким образом, индивидуальность человека синтезируется из знаков и подчеркнутых отличий. Чем больше «реально раздроблен индивид и чем меньше ему удастся развернуть ... свою индивидуальность», тем большим количеством «вещей для статуса» он стремится обзавестись, «иллюзорно собрать себя» [2]. Во многом этому способствуют средства массовой информации, которые активно пропагандируют такой образ жизни через рекламу (убеждая нас покупать не косметику, а красоту, не автомобиль, а солидность, т. е. за каждым предметом стоит определенное качество личности, у которой имеется этот предмет), различные фильмы (чаще голливудские), сериалы, шоу и новые авторитеты («звезды»), внушая нам определенные ценности, манеру поведения, отношение к другим людям и т. д. Изменяется взгляд на межполовые отношения, которые обезчеловечиваются, становятся все более потребительскими и поверхностными, на деньги, которые стали «пропуском» в мир нашего идеального Я, и так далее.

В таких условиях человек оказывается как бы в «экзистенциальном вакууме», он теряется, не знает, что ему делать и на что употребить себя, т. е. не знает, чего на самом деле хочет. Именно поэтому он либо делает то же, что и другие, либо то, чего от него хотят другие. И

то, и другое способствует превращению его из человека в винтик огромной машины. Таким образом, перед человеком как никогда остро стоит проблема не потерять себя, разобраться, а что же он такое, что он на самом деле представляет собой и чего на самом деле хочет, т. е. освободиться, насколько это возможно, от сетей «общества потребления», не стать *массой*.

В то же время нельзя не осознавать, что человека в первую очередь формирует его окружение, общество, в котором он находится; он живет среди вещей, являющихся продуктами мысли других людей, и любая деятельность возможна только в обществе. Следовательно, противопоставление человека обществу не имеет смысла, т. к. без части нет целого. Экзистенциализм, который появился в непростое «поворотное время» в мировой истории, в 20 - 30-е гг. XX века, не утратил своей актуальности до сих пор, когда перед человеком стоит угроза не физической, но духовной смерти и потери независимости, и он призван помочь решить эту непростую задачу.

Экзистенциализм хорош тем, что не дает ложных надежд, какого-то раз и навсегда «верного» решения, как, например, религия. Вообще надежда в экзистенциализме – это «одно из роковых заблуждений и иллюзий истории, принесших неисчислимые мучения и бедствия миллионам и миллионам людей, бесчисленным поколениям, надеявшимся на лучшее будущее, которое так никогда и не наступило» [3, с. 41]. Но прежде, чем развивать эту мысль, нужно разобраться с тем, что же такое человек для экзистенциалистов, какой он и чем он живет.

«Человек – единственное существо, у которого существование предшествует сущности» [4, с. 323], которое может осознать свою жизнь, построить и изменить ее. «Человек – это не его природа, а его история, биография, то, что с ним произошло и происходит» [5, с. 156], т. е. творец себя, своей жизни. А творчество возможно, только когда человек осознает свои действия: что творить, зачем. Когда художник начинает писать картину, он должен представлять, что на ней будет изображено. После, по воле вдохновения он может убрать или добавить некоторые детали, может поменять даже смысл картины, но то, что на ней уже нарисовано, стереть он не сможет. Большинство людей, однако, не знают, какой будет картина их жизни, они подобны художнику, который «по наитию» (т.е. «плывя по течению») смешивает краски и наносит хаотичные мазки, потом пытается понять, на какую фигуру это больше всего похоже, и дорисовать ее. Тот факт, что у него

не получился шедевр, художник объясняет тем, что закончились краски или освещение было неудачным.

На первый взгляд кажется, что думать обо всем, что ты делаешь, довольно просто, но между «думать» и «осознавать» большая разница: последнее предполагает максимальную честность с самим собой и понимание истинных мотивов своих действий.

Действуя, творя свою жизнь, человек вместе с тем познает себя. Взаимодействуя с другими людьми, человек делает себя каким-либо: нельзя родиться трусливым, или скупым, или общительным, но можно им *стать*. Таким образом, ни среда, ни наследственность, ни влияния не являются определяющими для формирования личности человека. Кому-то достаточно опыта других людей, чтобы понять, что нужно делать в той или иной ситуации, чтобы оставаться верным себе и своим ценностям, а кто-то должен сам пройти через всё, чтобы познать себя.

О чем думает человек? Вопрос одновременно и простой, и сложный. Прежде всего, чтобы по-настоящему начать думать, *мыслить*, человеку нужно, на наш взгляд, избавиться от иллюзий и осознать, что общество и государство на самом деле внушают нам определенные принципы поведения, и если мы отходим от них, то непременно оказываемся в одиночестве или изоляции. Современный человек живет в «царстве иллюзий» и конформизма, не пытаясь даже включить критическую функцию мышления, без рефлексии принимая то, что ему говорят СМИ, его окружение, друзья, родственники. Живёт в «царстве иллюзий», потому что реальной информации о положении вещей в мире, во власти и политике, в медицине, в экономике большинство людей не имеют. Обычно это выражается словами «не видел жизни, не знает жизнь», т.е. не сталкивался с обществом в поединке за свои интересы. Также наши представления о себе как о нравственных людях, вообще о морали чаще всего не более чем громкие слова. Что такое нравственность, какие существуют нормы морали, почему они такие, что за ними стоит, как им следовать? Даже представления о любви, семье и детях чаще всего не осмыслены и не прочувствованы каждым человеком для себя самого. Спросите любого, хочет ли он иметь семью и детей. Большинство ответит утвердительно. Однако на вопрос, зачем нужны семья и дети, мало кто сможет ответить что-либо, кроме расхожих клише: «чтоб в старости кто-то стакан воды подал», что «с семьей и детьми не так скучно», и т.д. По сути, большинство не видит в детях (своих, чужих – неважно) личность, у которой

свой уникальный путь. И таких примеров можно привести еще много.

Именно поэтому первая задача разума, «жизненного разума», как называет его Ортега-и-Гассет, – отвергнуть эти общественные установки и выработать свои. Отсюда у Ортеги вытекает, на наш взгляд, очень точное определение жизни: «жизнь – это непрерывное обнаружение того, что мы делаем из себя самих и из окружающего нас мира» [5, с. 158].

Человеку доступна вся гамма чувств, все страсти человеческого сердца, но они не владеют им. «Вся сфера влечений человека преобразуется под влиянием духовной установки, т.е. она всегда персонифицирована» [6, с. 73]. Если, к примеру, человек принял для себя, что в отношениях верность – самое главное, а сам при этом добивается жены своего друга, то либо установка требует пересмотра, либо она недостаточно крепка. Другими словами, если принципы сильны, то и желания, которые могли бы их нарушить, не возникнут. А если слабы, и человек уже совершил ошибку, за которую впоследствии расплачивается, то единственный выход – осмыслить свой опыт и выработать новые установки или укрепить старые. Свобода человека прежде всего и главным образом в том, что он может сказать «нет»: «Духовная личность – это то в человеке, что всегда может возразить!» [6, с. 80].

По утверждению экзистенциалистов, человек постоянно чувствует тревогу, озабоченность тем, что после смерти его поглотит Ничто, испытывает отчаяние из-за бессмысленности своего существования, отсутствия какой-либо опоры. Однако свободному от иллюзий человеку почти невозможно найти смысл своей жизни где-то вне себя, в религии, работе, другом человеке. Здесь уместной будет мысль К. Льюиса, который, правда, говорил о любви: «Любовь становится бесом, когда становится Богом» [7]. То же самое можно распространить и на всю жизнь человека: как только он начинает абсолютизировать какую-то одну сферу своей жизни, он теряет себя, полноту жизни, свои возможности в других направлениях. Конечно, не все возможности могут и должны быть реализованы, однако окружающий мир загадочен и несводим к какому-то единому принципу и смыслу: «Чтобы понять мир, человек должен свести его к человеческому, наложить на него свою печать. ... Если бы мышление открыло в изменчивых контурах феноменов вечные отношения, к которым сводились бы сами феномены, а сами отношения резюмировались бы каким-то единым принципом, разум был бы счастлив. В сравнении с таким счастьем миф о блаженстве показался бы жалкой подделкой» [8, с. 233]. Мир

сам по себе не враждебен нам, он просто «неразумен». Желание же единого смысла – это, по сути, желание ясности мира. Единого смысла нет, и поэтому мы свободны, чтобы реализовывать свои способности и склонности.

Исходя из этого, надежды на смысл, на какое-то лучшее будущее, которое создаст не сам человек, несостоятельны. Надежды нет, человек может рассчитывать только на себя. И соответственно, если лучшее будущее как таковое зависит от участия каждого конкретного человека, он ответственен за свои поступки, ошибки и желания не только перед собой, а перед всем человечеством в целом: «Выбирая себя, я выбираю все человечество» [4, с. 324]. Именно поэтому у Сартра главным критерием правильности действий человека выступает вопрос: «А что, если бы все так поступали?».

Но не каждый может и хочет сознательно выбрать себя, и поэтому за него выбирает общество, делает из него «удобного» человека. Таким образом человек пополняет собой толпу. А что, если бы всё человечество стало массой, толпой? Если бы всем женщинам их внешний вид, мужчины и домашние хлопоты заменили интеллект и какие-либо стремления, а для всех мужчин не существовало бы ничего, кроме власти, женщин и желания покутить?

Экзистенциализм не дает нам готовых ответов и решений, он лишь показывает путь, напоминая, что человек самостоятелен, он не раб обстоятельств, и оправданий для него нет. В условиях повсеместного господства массовой культуры и «общества потребления» экзистенциализм учит, во-первых, ничего не принимать на веру, а во-вторых, самому выбирать, каким быть, научиться различать, что существенно, а что нет, вырабатывать свои ценности и свои нормы поведения, не ориентируясь ни на что и ни на кого.

Библиографический список

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры [Электронный ресурс]. <http://www.lib.rus.ec/b/153916>.
2. Мамардашвили М.К. Категория социального бытия и метод его анализа в экзистенциализме Сартра. Электронный ресурс. <http://www.philosophy.ru/library/mmk/sartre.html>
3. Долгов К.М. От Киркегора до Камю: Монография / К.М. Долгов. М., 1990.

4. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.П. Сартр // Сумерки богов: сборник. М., 1990.
5. Философы XX века: сборник. М., 1999.
6. Франкл В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. М., 1990.
7. Льюис К.С. Любовь. Электронный ресурс. <http://www.lib.ru/LEWISCL/mere.txt>.
8. Камю А. Миф о Сизифе / А. Камю // Сумерки богов: сборник статей. М., 1990.

Х.А. Хантингтон, Н.К. Антропова
(УГЛТУ, Екатеринбург)

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ УГЛТУ

Исследование качества жизни как категории, определяющей жизнеспособность общества не только в материальной, но и в духовно-культурной сферах, сегодня является одним из приоритетных научных направлений.

Современные условия российской действительности актуализуют проблему качества жизни как концептуальную основу социально-экономических программ общенационального и регионального развития. Понятие «качество жизни» носит весьма субъективный и абстрактный характер. В настоящее время понятие «качество жизни» используется все более широко как в нашей стране, так и за рубежом, как в научных трудах, так и в обыденной практике. Однако до сих пор нет однозначного подхода к его определению и оценке. Несмотря на большой интерес к этой проблеме как зарубежных, так и отечественных исследователей, существующие трактовки понятия «качество жизни» весьма многочисленны и неоднозначны. Разные источники дают разную трактовку понятия «качество жизни».

Качество жизни (англ. quality of life, сокр. – QOL) – категория, с помощью которой характеризуют существенные обстоятельства жизни населения, определяющие степень достоинства и свободы личности каждого человека [1].

Понятие «качество жизни» нетождественно «уровню жизни», включая и наиболее изощренные виды его определения, например, «жизненные стандарты» (living standarts), поскольку различные

экономические показатели дохода выступают только одним из многих (как правило, не менее пяти) критериев качества жизни.

Одной из важных проблем оценки качества жизни является выявление и построение перечня (номенклатуры) показателей, раскрывающих структуру и содержание этого понятия. Системы показателей качества жизни, предлагаемые различными исследователями и организациями, весьма многочисленны и разнообразны по структуре и составу показателей, поскольку отражают разные цели классификаций и подходы к пониманию самой проблемы. Одни специалисты включают в перечни, в основном, технико-экономические показатели качества жизни, обеспечивающие возможность их объективной оценки, другие делают акцент на субъективных характеристиках качества жизни, подчеркивая важность психологических, нравственных, культурно-религиозных сторон жизнедеятельности людей. Так, некоторыми специалистами предложена структура качества жизни, базирующаяся на трех компонентах существования людей: условия жизни, потребности и интересы населения, виды деятельности.

Обобщая работы разных ученых, философов, религиозных деятелей, политиков и писателей, составители «Антологии русского качества» предложили модель качества жизни, отображающую системную природу этого явления и сложные взаимосвязи таких составляющих, как качество природной среды, качество здоровой популяции, качество образования, качество культуры.

К этим блокам специалисты независимой Комиссии ЮНЕСКО по народонаселению и качеству жизни предлагают добавить еще и такие частные аспекты, как адекватное питание, экологичное жилище, безопасность, справедливость и др.

Функции, описывающие жизнь человека и общества, представляют собой взаимосвязанную матрицу из трех блоков: основы жизни человека, условия жизни (социальная среда), проявления человека и общества [2].

Качество жизни отражает закономерное возвышение потребностей общества, его материальной и духовной культуры, что является следствием роста и совершенствования материального и нематериального производства. Качество жизни выражается через многообразные показатели: качество питания, качество и модность одежды, комфорт жилища, качество здравоохранения, качество образования, качество сферы обслуживания, качество окружающей среды, структура досуга, степень удовлетворения потребностей (в содержательном об-

щении, в знаниях, в творческом труде), уровень стрессовых состояний, структура расселения и др. [3].

Термин «качество жизни» является понятием, фиксирующим характеристики человеческого существования. Специфика этого понятия состоит в том, что оно включает в себя как объективные, так и субъективные критерии, характеризующие физическое, психическое и социальное благополучие, совокупность которых составляет здоровье (показатель, содержащий функциональные критерии: работоспособность, толерантность к физической нагрузке и другие), симптомы (признаки), связанные с каким-либо заболеванием, а также психическое состояние человека (депрессия, возбуждение, тревога, социальная активность). При изучении качества жизни наибольшее значение принадлежит самому человеку, в котором отражаются и соотносятся объективные и субъективные факторы. К объективным критериям целесообразно отнести уровень питания, обеспечение медицинской помощью, образовательными услугами, а также степень чистоты окружающей среды. К социальным критериям относятся различные свободы – расовые, религиозные, политические, а к субъективным – психологическое восприятие человеком себя в существующих обстоятельствах. Следовательно, качество жизни есть адекватность психосоматического состояния индивида его социальному статусу.

Основываясь на вышесказанном, мы провели социологический опрос с целью определения качества жизни студентов Уральского государственного лесотехнического университета.

Цель исследования: выявление отношения студентов к основным аспектам качества жизни.

Респонденты: студенты второго курса Института качества жизни и факультета механической обработки древесины Уральского государственного Лесотехнического Университета, общее количество 61 человек.

Метод исследования – опрос экспертов в форме анкетирования (по 10-балльной шкале). При обработке результатов мы применили критерий «гендерный признак».

Результаты опроса

1. Качество питания: большинство юношей и девушек оценили качество питания на повышенные баллы, при этом значительная часть девушек оценила питание на 7 баллов.

2. Комфорт жилища: относительно оценки комфорта жилища респонденты ответили примерно равномерно (по баллам, начиная с 5).

3. Качество образования: большинство оценивают качество образования на средние и повышенные баллы, из которых более 30 % девушек оценили его на «семерку».

4. Качество окружающей среды: большинство оценили этот критерий на пониженные баллы, интересно, что более 20 % юношей находят качество окружающей среды удовлетворительным (оценка на 5 баллов).

5. Качество досуга: подавляющее большинство высоко оценивают свой досуг, все без исключения опрошенные девушки оценили его на повышенные баллы.

6. Степень удовлетворения потребностей: большинство юношей оценили степень удовлетворения потребностей на 5 баллов, а девушки оценили этот критерий чуть выше, на 7 и 8 баллов.

7. Наличие жизненной энергии: все респонденты оценивают наличие жизненной энергии на повышенные баллы.

8. Финансовые ресурсы: в среднем оценка финансовых ресурсов у девушек на 3 - 7 баллов, а у юношей на 1 - 5 баллов.

9. Наличие личных убеждений: личные убеждения студенты оценили преимущественно на высокие баллы.

10. Важность сексуальной жизни и здоровья: около 50 % юношей оценили этот критерий на самый высокий балл, девушки же оценили этот критерий в основном на 9 и 10 баллов.

Как выяснилось, сходные взгляды на качество жизни у юношей и девушек мы получили по следующим аспектам: качество питания, окружающей среды, качество досуга, наличие жизненной энергии, наличие личных убеждений, важность сексуальной жизни и здоровья. Различные взгляды оказались по аспектам: качество образования, комфорт жилища, степень удовлетворения потребностей, финансовые ресурсы.

На наш взгляд, причинами сходства могут быть одинаковые социальное положение, возраст, уровень образования; причинами различий между оценками юношей и девушек могут быть социальные и моральные установки и нормы, привитые с детского возраста различными социальными структурами, а также разное воспитание.

Для выявления казуальных связей необходимо проведение дополнительных углубленных исследований, включающих аналитико-экспериментальный план.

Таким образом, данные исследования наглядно демонстрируют критерии, по которым можно определять показатель качества жизни,

что лишь доказывает вывод о том, что эти критерии у каждой группы населения свои и могут значительно отличаться от критериев другой группы (если взять для сравнения, например, группу пенсионеров).

Библиографический список

1. Крупнов Ю. Качество жизни. Электронный ресурс. [www.Krupnov.Ru / pubs /2005 /01 /09/10178](http://www.Krupnov.Ru/pubs/2005/01/09/10178) — 09.01.2005.
2. Окрепилов В.В. Эволюция качества /В.В.Окрепилов. СПб.: Наука, 2008.
3. Мазур И.И., Шапиро В.Д. Управление качеством / И.И. Мазур, В.Д. Шапиро. М.: Омега-Л, 2007.

С.Н. Каташинских, Л.А. Коротких
(УГЛТУ, Екатеринбург)

ОСОБЕННОСТИ ЧТЕНИЯ В РОССИИ

Россия всегда считалась читающей страной. Это проявлялось не только в ожидании публикой нового романа Тургенева, Толстого или Достоевского полтора века назад, но и в появлении в реальной жизни персонажей, похожих на героев романов. Несмотря на смену исторической эпохи, мы продолжаем соотносить реальные события своей жизни и реальных ее персонажей то с Онегиным, то с Левиным, то с Коробочкой. Нам кто-нибудь в жизни обязательно встречался, похожий на них. Если через 20 лет в стране вырастет поколение без всякой литературной кодировки, то каким оно будет?

По данным опроса фонда «Общественное мнение», 50 % россиян признались, что за последний год не прочли ни одного художественного произведения. В опросе приняли участие полторы тысячи россиян в ста населенных пунктах 44 областей, краев и республик России. Брали книги у знакомых и родственников 21 % читающих граждан, покупали 20 %, еще 20 % читали те книги, которые есть дома, и всего 9 % опрошенных брали книги в публичных библиотеках. За последние два года не покупали книг, относящихся к художественной литературе, 66 % респондентов, 22 % покупают и читают современную отечественную литературу, 9 % – современную зарубежную,

8 % – отечественную классику, 4 % – советскую и зарубежную классику. Из принявших участие в опросе 60 % россиян ответили, что их родственники и знакомые не дарят друг другу книги. Никогда не обсуждают со знакомыми и родственниками прочитанную литературу 58 % респондентов и только 38 % ее обсуждают. В семидесятые годы 80 % семей читали вместе с детьми, сегодня только 7 % [1].

Молодые россияне читают все меньше, а те, кто все еще проявляют интерес к чтению, отдают предпочтение не Федору Достоевскому, а Даниэле Стил и Стефани Майер. Массовая литературная культура структурируется для читателей темами, но не именами. Фамилии авторов и названия книг редко остаются в памяти читателей, потому что установка на развлечение не ориентирует на запоминание. Книга, которую читают по дороге на работу, вызывает эмоции лишь в момент чтения, она не откладывается в долгую память. Поэтому большинство опрошенных россиян (58 %) не смогли назвать книги, которые произвели на них сильное впечатление или открыли нечто новое [2, с. 66-67].

Однако стоит отметить, что положение дел с чтением художественной литературы в России не является чем-то из ряда вон выходящим, скорее, это стандартное отношение к книгам и чтению в современном обществе. По статистике, в Великобритании около 40 % людей не прочитали ни одной книги в жизни. Как показали результаты исследования, проведенного группой Orange Prize for Fiction, британцы предпочитают газеты. Среднее время, которое ежедневно тратится на чтение ради удовольствия, сократилось всего до 11 минут. Газетам жители туманного Альбиона уделяют в среднем 17 минут в день.

В общем, чтению посвящается лишь шесть часов в неделю, в то время как на просмотр телепрограмм тратится ежедневно три часа. Выяснилось также, что в среднем британцы проводят семь минут в день в Интернете и пять минут посвящают чтению журналов. А самым популярным местом для чтения, по данным опроса, является постель. Семью, в которой есть два автомобиля, в настоящее время можно встретить гораздо чаще, чем дом, где оба супруга читают художественные произведения.

Россия в рейтинге самых читающих стран в мире занимает седьмое место. Первое место занимает Индия – 10,7 часа в неделю, затем идут Таиланд – 9,4 часа, Китай – 8 часов, Филиппины – 7,6 часа, Египет – 7,5 часа, Чехия – 7,4 часа, Россия – 7,1 часа, Швеция – 6,9 часа, Франция – 6,9 часа, Венгрия – 6,8 часа [1].

Между тем, по данным ВЦИОМ, в 2010 году 37 % россиян вообще не читали ни книг, ни газет. Покупательский спрос на книги в первом полугодии 2010 года по сравнению с аналогичным периодом 2009 года упал на 10 % [3, с. 40]. Тем не менее, каждый второй читает газеты, каждый третий – книги, каждый четвертый – журналы. Мало читающие граждане России больше интересуются легким чтением на повседневные темы (37 %), и лишь потом – художественной литературой (29 %); литературой по специальности – 21 %; публикациями, связанными с различными хобби, – 18 %; публикациями на общественно-политические и экономические темы – 16 %; учебной и справочной литературой – 14 %; научно-популярными текстами – 10 % и религиозными текстами – 5 % [1].

Период массового чтения, начавшийся в середине XIX века, закончился в Западной Европе во второй половине XX века. В России этот период продлился до начала 90-х годов XX века. Если опросы общественного мнения до сих пор строились по принципу «кто и что читает», то в связи с окончанием эпохи массового чтения вопрос сейчас сводится к простой формулировке «читаете вы или нет». В настоящее время большинство людей читают в основном в рамках своей профессиональной деятельности и лишь меньшинство читают художественную литературу, постепенно превращаясь в одну из субкультур.

Чтение книг традиционно связывалось с системой образования, с возможностью и необходимостью получения многоступенчатого образования в целях профессионального роста и всестороннего развития личности. Эстетическая потребность в чтении являлась характерной чертой городской социальной элиты и деревенской интеллигенции. Практическое значение чтения проявлялось в повышении уровня социальной мобильности индивида.

Сегодня эти функции выполняет Интернет: «Сейчас странное время в культуре, когда все самое интересное переместилось в область Интернета. Это самая живая часть культуры... Там у огромного количества людей есть возможность живого самовыражения» [4, с. 61]. Пользователи электронных библиотек считают, что электронные книги по своему содержанию, как и традиционная книга, являются трансляторами информации, меняется лишь их форма. Через три - четыре года общий объем электронных книг в России достигнет 30% книжного рынка. Интернет-магазин Ozon.ru планировал с середины сентября 2010 г. продавать свой Ozon Galaxy со встроенным 3G, который позволил скачивать книги из Интернета [3, с. 40].

Россия наряду с Западной Европой и США с 2000 года участвует в создании и развитии программы ЮНЕСКО «Информация для всех». Целью программы является доступное информационное обеспечение в любом уголке страны. Так, в октябре 2010 года в отдаленных районах Иркутской области начал курсировать библиомобиль, укомплектованный художественной литературой и оборудованный компьютерной базой, для ликвидации правовой и информационной неграмотности населения. Редакция журнала «Книжная индустрия» проводит анкетирование граждан по вопросам роли чтения в сетевых библиотеках и магазинах электронных публикаций.

Библиографический список

1. Электронный ресурс: [http // sociocom.ru /2008/09/22/book](http://sociocom.ru/2008/09/22/book)
 2. Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Чтение и общество в России 2000-х годов // Социологические чтения. 2009, № 7.
 3. Мильчин К. Четыре года до конца // Русский репортер. 2010, № 35.
 4. Мильчин К. Мы живем в эпоху мутации национального характера / Интервью с Б. Акуниным // Русский репортер. 2010, № 33.
-

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

А.С. Франц
(РГППУ, Екатеринбург)

ПОЛИВАРИАНТНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НРАВСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Трудно в современной России встретить человека, который не испытывал бы огорчений, страданий и даже бед от воздействия окружающих нравов. И не только от окружающих! Очень многие из наших соотечественников даже не подозревают о том, что наши собственные, как нам кажется, нравственные и полезные намерения и действия порой не безопасны для самочувствия нас самих и наших близких. Современные российские нравы нередко вытесняют оберегающее отношение людей друг к другу, способствуют обострению конфликтов, снижают жизненные силы людей. Распространились и стали для многих привычными такие действия, как достижение цели любыми средствами, использование человека в качестве средства для достижения целей и т.п. Процесс этот в той или иной мере протекал в России в течение почти всего прошедшего века, но сдерживаемый идеологическим прессом КПСС протекал подспудно. Легализовался и усилился он в условиях либерализации вызванных перестройкой общественных отношений.

Сторонники традиционной нравственности шокированы такими нравами. Некоторые граждане пытаются с особой настойчивостью требовать от окружающих (более всего, от молодежи) осященного традиционной нравственностью единообразия поведения. Но эти усилия все реже заканчиваются успехом. Наиболее талантливые из наших писателей (Ф.А. Абрамов, В.П. Астафьев, В.Г. Распутин, В.А. Солоухин и др.) воспроизвели в литературных произведениях привлекательность нравственных ценностей традиционной культуры. Однако, несмотря на трепетное их воспроизведение в искусстве, никому из сторонников традиционной культуры не удалось сколько-нибудь за-

метно усилить ориентации современных российских граждан на ее нравственные идеалы. В нравственной культуре продолжает существовать многообразие норм поведения, причем почти каждый человек не сомневается в том, что именно его поведение является наиболее нравственным.

Современное состояние российской нравственной культуры единодушно оценивается как кризисное. Оно вызывает опасение не только за судьбу нравственности, но и за судьбу страны. Ситуация расценивается нередко как кризис нравов и связывается с неизбежным наступлением апокалипсиса. Но сама по себе констатация неудовлетворенности состоянием общественных нравов не содержит в себе ничего конструктивного и едва ли может быть достаточным основанием для возрождения нравственности. Становится все более ясно, что высокие душевные порывы по поводу необходимости облагораживания нравов должны быть дополнены объективным теоретическим анализом этого процесса.

Всеобщая озабоченность состоянием нравственной культуры не случайна, ибо нравственность во все времена считалась одной из самых значимых социальных ценностей. Стимулирующую роль нравственности для жизнедеятельности человека и общества и в настоящее время мало кто подвергает сомнению. Ее цементирующее воздействие на сохранение целостности человеческого сообщества, на облагораживание человеческих отношений, на сохранение здоровья человека не нуждается в особых доказательствах.

Трагическое восприятие нашим обществом проблемы падения нравов актуализировало необходимость научного анализа феномена нравственной культуры. Внимание советских ученых еще во второй половине XX века было обращено на выявление ее сущности и специфики (Анисимов А.С., Архангельский Л.М., Бакштановский В.И., Ганжин В.Т., Гринберг Л.Г., Гусейнов А.А., Дробницкий О.Н., Согомонов Ю.В., Титаренко А.И. и др.). Удалось показать ее связь с человеческой деятельностью и с другими формами культуры, сформулировать ряд ее функций. Однако для практического использования потенциала нравственной культуры в процессах управления, семейного и общественного воспитания, в поиске человеком оптимальных путей самореализации этих знаний оказывалось недостаточно. Перед наукой встала задача дифференцированного осмысления характерных для общества реальных нравов.

На протяжении веков нравственная культура общества складывалась на основе совокупного общественного опыта, позитивные выводы которого принимали форму обычаев и традиций. Как неоднократно отмечено в истории культуры, «понятия о добре и зле вырабатывались... не на основе того, что представляет добро или зло для отдельного человека, а на том, что составляет добро или зло для всего рода» [1, с. 77]. В этом заключается одно из фундаментальных положений наиболее привычной для россиян (да и не только для них!) традиционной нравственной культуры. Но образ, казалось бы, привычной традиционной нравственной культуры в отсутствии единообразия в поведении людей в обыденном сознании российского населения стал терять четкие очертания. Посредством этико-культурологического анализа автору данной статьи удалось реставрировать ее сущность, структуру, функции и основные нормы поведения.

Сложившаяся традиционная нравственная культура определяла и определяет ценность деятельности человека в соответствии с мерой его *полезности* для общества. В этом контексте не удивительна дискуссия 60-х годов прошлого века о том, кого из утопающих необходимо спасать первым: физика или лирика. Поскольку физики в те времена считались наиболее полезными для общества людьми по сравнению с лириками, немалое число участников дискуссии не имели сомнений в том, что физика нужно спасать первым. Ради полезности для общества в традиционной нравственной культуре приветствовалось не только *жертвование чужой жизнью*, но и *самопожертвование* как добровольное служение интересам общества; высшим проявлением самопожертвования был *героизм*. Такие нравственные качества, как *бескорыстие, милосердие, скромность, готовность к терпеливому перенесению любого страдания* ради поддержания общего блага, помогали человеку традиционного общества соответствовать главному требованию нравственной культуры – *быть «как все»*. Эти нормы поведения человека были основными условиями его самоуважения и одобрения со стороны окружающих.

Система традиционных нравственных норм поведения подчинена принципу *авторитаризма*. Авторитет возраста человека или его иерархического положения в человеческом сообществе определял целый блок не подвергаемых сомнению норм нравственного поведения: *уважение старшего младшим, ответственность старшего за действия младшего, беспрекословное по-*

слушание младшего по отношению к повелениям старшего. «Тем, кто старше тебя, честь воздавай и кланяйся», – поучает Домострой [2, с. 20]. Это практически исключало возможность проявления любого конфликта. На фоне беспрекословного послушания авторитаризм неизбежно превращался в *вождизм*. Культ вождя как самого высокого земного авторитета вызывал у его подопечных к жизни целую гамму необходимых качеств: *верность, надежность, постоянство*. Все эти качества формировали состояние *соборности*. В советском обществе это качество часто называли *коллективизмом*. Коллективизм обязывал подчинять личные интересы общественным. Система веками складывающейся традиционной нравственной культуры была бы неэффективной без существования в ней такой ценности, как *патриотизм*. Характерный для традиционной нравственной культуры патриотизм безоговорочно делил всех людей на «своих» и «чужих», подчеркивая при этом возможные достоинства «своих» и неизбежные недостатки «чужих». Патриотические чувства человека должны были постоянно подтверждаться им в поведении.

Система традиционной нравственной культуры безупречно функционировала благодаря существованию так называемого *порядка* и безоговорочного подчинения каждого человека его требованиям. Под порядком понимались знание и выполнение каждым человеком своих нравственных обязанностей и жесточайшие санкции общественного мнения в адрес нарушителя. *Порядок* обеспечивал должный уровень занятий людей трудом, гарантировал сохранение семьи, проявление взаимопомощи. Следование человека порядку делало его *порядочным*.

Завершая воссоздание образа традиционной нравственной культуры, нельзя не отметить характер проектирования человеком отношений к себе окружающих его людей. Для традиционных нравственных взаимоотношений была характерна *вера* человека в возможность получения помощи со стороны окружающих людей. Не подлежала сомнению и его *надежда* на поддержку и помощь «своих» и проявление *любви* к любому принадлежавшему к «своим» человеку как подобию Божию.

Таким примерно вырисовывается на основе этико-культурологического анализа исторических исследований, художественной и мемуарной литературы, наблюдения традиционного поведения людей в современных условиях *образ традиционной нравственной культуры*.

В условиях традиционных обществ восприятие человеком принципов и норм нравственной культуры не требовало особой рефлексии. Содержание ее норм воспринималось им *интенционально*, т. е. посредством духовного, чувственного познания в процессе наблюдения их многократного повторения в поведении окружающих. «В реальной жизни, – писал по этому поводу Н.О. Лосский, – ценностный момент встречается в неразрывной связи с бытием» [3, с. 7]. Отклонение поведения человека от общепринятых стандартов практически было невозможно, так как непосредственный социальный контроль окружающих санкционировал любой не соответствующий нравственным представлениям его шаг. Таким образом, традиционное общество обеспечивало человеку возможность почувствовать и понять общепринятые различия между добром и злом, усвоить обязательные для всех требования морали и достойные, нравственные способы их реализации в поведении.

В посттрадиционных обществах ситуация кардинально меняется. Хотя значимость нравственной культуры для функционирования общества и для жизнедеятельности человека не уменьшилась (а в связи с появлением возрастающих разрушительных террористических технологий и экологических катастроф даже увеличилась!), воспользоваться человеку облагораживающим воздействием нравственной культуры становится все труднее. Сложившийся в прошлом способ ее восприятия человеком становится малоосуществимым. Единообразие поведения людей постепенно, но неуклонно сменяется многообразием форм проявления как добра, так и зла.

В результате предпринятых автором данной статьи исследований удалось выяснить, что современная российская нравственная культура имеет *плюралистический* характер. Она уже не может быть отождествлена с традиционной системой нравственных ценностей. В силу изменений условий жизни и процесса развития человеческой индивидуальности в обществе постепенно сложился ряд других, не совпадающих с ней по содержанию систем нравственных ценностей.

Знакомая для всех россиян традиционная нравственная культура продолжает существовать, но сфера ее функционирования значительно сократилась. Субъектом ее воспроизводства остаются культурные группы, предрасположенные к *репродуктивному* типу деятельности. В течение последних столетий традиционная нравственная культура стала стартовой площадкой для формирования на ее основе других типов нравственных культур: *гедонистической* (интеллектуально-творческой), *прагматической* (организационно-предпринимательской) и *нигилистической*.

Растущий процесс разделения труда обусловил формирование различных направлений деятельности людей, требовавших для реализации каждого из видов деятельности не совпадающих по содержанию систем нравственных ценностей и оценок. Субъекты каждого вида деятельности все более превращались в автономные культурные группы. Характерные для одних культурных групп нравственные ценности нередко переставали восприниматься людьми других культурных групп как таковые. Например, такие предпринимательские нормы, как компромисс, трезвый расчет, воспринимаются часто другими кругами как аморальные. Естественно, что для сопоставления норм традиционной нравственной культуры с нормами иных сосуществующих с ней культур целесообразно кратко представить образы этих нравственных культур.

Гедонистическая нравственная культура начинает формироваться в тех исторических условиях, когда общество могло позволить себе процесс *осмысления особенностей человеческого существования*. Процесс осмысления какого-либо явления человеком возможен, прежде всего, при условии *развития его индивидуальности*. Поэтому постепенно в культурной группе, объединяющей людей с предрасположенностью к интеллектуально-творческой деятельности, сложилась отличная от традиционных нравов система нравственных ценностей. Труд человека не рассматривается в гедонистических нравах как обязательная доля в общем труде, а представляет собой инициативное стремление самого человека испытать удовольствие от процесса художественного или научного осмысления мира. Истины ради стоит заметить, что результаты интеллектуально-творческой деятельности людей объективно, как правило, становятся полезными для всего общества.

Система гедонистической нравственной культуры придала статус ценностей таким качествам людей, как их *потребность в дружбе* и умение дружить, как *потребность восхищаться* проявлением индивидуальности другого человека и умение ее рассмотреть и оценить. Мера уважения к людям определялась уровнем их познания и опытности в каком-либо отдельном предмете. Предрасположенность человека к интеллектуальному творчеству невольно создает у субъектов других нравственных культур, не знакомых с особенностями этой созидательной деятельности, а нередко и у самих творцов видимость их праздной, следовательно, аморальной жизни.

Нехарактерно для этого типа нравственной культуры и не отмечено высокой моральной оценкой проявление людьми практичности или расчетливого стремления преуспевать в чем-то, ибо нравственным признавалось только сосредоточение внимания человека на творческом процессе и на сопровождающей его высокой духовности. Отличительной ценностью этой нравственной культуры является и *гордость*, понимаемая как стремление человека не обременять окружающих своими радостями или неприятностями, не эксплуатировать их доброжелательного отношения к себе. Кстати, патриотическая гордость за свою Родину постепенно дополняется *космополитизмом*, т.е. потребностью восхищенного отношения ко всему достойному восхищения во всем мире.

Оберегающее отношение человека к окружающим и уверенность в их добропорядочности стимулировали его к проявлению *великодушия*. Нравственные идеалы в сознании людей этой культуры принимали настолько изысканный и привлекательный характер, что не требовалось контролировать поведение друг друга. *Чувство собственного достоинства* и постоянное *стремление к самосовершенствованию* не позволяли им опускаться в своем поведении ниже их нравственных идеалов. Если названные ценности дополнить характерной для этого типа культуры возможностью проявления чувства *любви* между мужчиной и женщиной, *верой* в преобладание у людей лучших качеств и *надеждой* на победу добра над злом, то складывается основа для описания *образа гедонистической нравственной культуры*.

Мало общего с традиционной и гедонистической нравственными культурами выявляется в сложившемся *образе прагматической нравственной культуры*. Само ее название не лишено дискуссионности, ибо прагматизм в российском менталитете традиционно рассматривался как антипод нравственности, противоречил, например, такой ее характеристике, как бескорыстие. Опуская описание драматизма формирования в России прагматической нравственной культуры, ее идеалов и норм, целесообразно проанализировать их с позиций полезности по отношению к процессу сохранения целостности общества. *Служение* человека *делу* и его стремление *сохранить свое здоровье и работоспособность* являются определяющими нравственными ценностями. Для следования им прагматическая культурная группа резко меняет образ жизни. В Европе, например, в связи с этим резко уменьшилось потребление населе-

нием крепких спиртных напитков и увеличилось потребление тонизирующих – чая и кофе. Такое бережное внимание к себе, на первый взгляд, оценивалось нередко как *эгоизм*, который традиционно считался аморальным. Но только – на первый взгляд!

Постепенно расчетливое отношение предпринимателей к сохранению своей работоспособности многие вынуждены были признать нравственным, ибо прагматики оптимизируют экономические условия существования современного общества. Без формирования и использования этих качеств людей невозможно обеспечить многие условия сохранения социальной целостности общества. К ним относятся *организация продуктивного обеспечения общества* необходимым количеством товаров и услуг, *благотворительность*, которая постепенно заменяет уменьшающееся во взаимоотношениях людей милосердие, взимание достаточного объема налоговых поступлений в бюджет государства, а значит, и реализация государственной социальной политики и т. п.

Для поддержания материального производства как одного из условий развития общества нравственной ценностью в прагматической нравственной культуре становится *сотрудничество*. Не идеализируя прагматические нравы, вырастающие первоначально из жесткого насилия, следует отметить созданную ими нравственную ценность таких качеств, как *неутомимость, постоянство, систематичность и добросовестность* людей по отношению к труду и порождаемую *предусмотрительностью добропорядочность в деловых отношениях*. В качестве новых нравственных ценностей необходимо отметить ценность *компромисса, веру* прежде всего *в свои силы, надежду* только *на себя и любовь*, конечно же, *к себе*. Попытка реабилитации эгоизма в системе моральных оценок (Т. Гоббс, М. Вебер, Н. Г. Чернышевский, М. М. Петров и др.) была, по-видимому, необходимым шагом в рефлексировании людей по поводу неизбежного в новых условиях переосмысления сущности нравственных ценностей. В прагматической нравственной культуре повышается ценность *самообладания*. Формируется способность слушать собеседника.

Самый значимый аргумент настороженного отношения к приведенным нормам поведения людей заключается в том, что предпринимательская деятельность усиливает социальное неравенство. Аргумент опровергается тем, что сама идея социального равенства является утопией, ибо уже при рождении люди обладают несовпадающим

потенциалом физического, психического, интеллектуального и других сторон развития человека.

Значительно более проблематично обсуждение *системы нигилистических нравов*. Заметим, что понимание российского нигилизма существенно отличается от понимания и проявления европейского нигилизма. В силу определенной совокупности причин нигилистические нравы начали складываться в российском обществе около полутора веков назад. Их теоретики и последователи не сомневаются в том, что истинной нравственной культурой являются исключительно нигилистические нравы. Для подтверждения или опровержения этого мнения российских нигилистов необходимо представить совокупный образ нигилистических нравов. Поскольку понятие *нигилист* для большинства россиян ассоциируется с известным для всех образом Базарова, следует оговориться, что созданный И.С. Тургеневым образ нигилиста не имеет ничего общего с сутью российского нигилизма. Это неоднократно подчеркивали многие российские нигилисты.

Российские нигилистические нравы сложились под воздействием такого понимания морали, в котором абсолютизируется *добро*. В социальной практике, по мнению идеологов нигилизма, должно быть уничтожено все, в чем просматривается хоть какой-либо элемент зла. В целях тотального уничтожения зла оптимальными средствами для достижения этой цели (нравственными ценностями?) нигилистами были приняты *борьба* и *бескомпромиссность*. Характерное для нигилизма атеистическое мировосприятие сконцентрировало внимание нигилистов на вере в *силу* человека, на восхищении силой подавления.

Романтизация этих состояний привела к *обесцениванию жизни* любого человека. Наиболее привычным самовосприятием для нигилистов становится состояние *жертвы*, на которую должен быть способен любой нигилист ради достижения главной цели – уничтожения зла в мировом масштабе. Одним из высших проявлений нравственной культуры нигилисты считали *способность* человека к *конфликтности*. Она знаменовала собой его неудовлетворенность жизнью. Одним из самых высоких, с точки зрения нигилизма, ценностей считалось *самообожествление*. На место изгнанного из души Бога нигилист ставил себя и именно себя, как отмечал философ и теолог С.Н. Булгаков, считал единственным источником нравственности и истины. Наиболее опасным последствием нигилистиче-

ского мировосприятия стала концентрация внимания человека на выявлении в любом другом человеке *только его недостатков* и вытекающая из этого потребность по любому поводу выражать всеми и всегда свое возмущение.

В силу нецелесообразности созидательного труда до полного уничтожения мирового зла в образе жизни нигилистов начинает формироваться эйфорическая инерция *ничего неделания*. Она подкреплялась *пренебрежением* не только к *богатству*, но и к элементарному материальному обеспечению жизни. *Бедность* воспринималась российскими нигилистами как *символ высокой нравственности*. Нельзя не упомянуть и об упрощении, обеднении и милитаризации речи, об усилении в общении нигилистов элементов ненормативной лексики, о доминировании в процессе общения повелительного наклонения. Для завершения образа системы нигилистических нравов следует отметить в качестве определяющего состояния нигилиста *недоверие по отношению к любому человеку*, *безнадежность* по отношению ко всему на свете и *невозможность любви* ни между родителями и детьми, ни между мужчиной и женщиной, ибо поиски недостатков друг у друга, по-видимому, просто опустошают душу и не позволяют увидеть достоинства другого человека.

Субъективизм в понимании нравственности привел нигилистов к фактическому отказу от нее. Субъектом формирования нигилистических нравов на рубеже XIX и XX веков, по мнению авторов «Вех», была интеллигенция. Хотелось бы предложить в этом вопросе некоторые уточнения. Нет основания считать, что вся интеллигенция предпочитала нигилистические нравы всем другим: большая ее часть усердно и продуктивно работала в сферах интеллектуального труда (образование, медицина, искусство, наука и т. п.). Последователями нигилистических нравов была, согласно нашим исследованиям, лишь *леворадикальная часть интеллигенции*. Из всей системы нигилистических псевдоценностей нравственным критериям отвечают лишь добрые намерения, а способы и результаты их реализации аморальны. Следовательно, нигилистические нравы не отвечают критериям нравственной культуры, а могут быть квалифицированы как *псевдокультура*, хотя постмодернизм настойчиво квалифицирует нигилизированное поведение людей как вариант культуры. В заключение необходимо отметить, что наряду с традиционной нравственной культурой сложились и стали необходимыми для общества гедони-

стический и прагматический ее типы. Нигилистические же нравы, разрушающие и общество, и каждого отдельного человека, представляют собой псевдокультуру.

Сосуществование нескольких образов нравственной культуры сложилось объективно и делает невозможным проявление единообразия в поведении людей. Пока почти для каждого субъекта нравственной культуры представляется единственно «правильной» только нравственность своей культурной группы. Человека традиционной нравственности возмущает нередко не только нигилистическое поведение окружающих, но и аристократический стиль поведения человека («И чего из себя строит!?»), и прагматический стиль жизнедеятельности предпринимателей или организаторов («Им что ли больше всех надо?»). Толерантное отношение друг к другу субъектов различных типов нравственных культур пока наблюдается не часто.

Интенционального восприятия человеком нравственной культуры для полноценной социализации в обстановке плюралистического сосуществования ее различных вариантов становится недостаточно. Оно должно быть дополнено возможностью осознанного выбора человеком индивидуальных нравственных ориентаций на основе сопоставления им ценностных характеристик каждого типа нравственной культуры, осознанного отказа от элементов нигилистического мировосприятия и формирования на основе информированности толерантного отношения каждого человека ко всем позитивным типам нравственной культуры.

Можно констатировать, что ощущение нравственного кризиса навеяно не только широким распространением нигилистических нравов, но и актуализацией аристократической нравственной культуры. По-видимому, речь идет не о разрушении нравственной культуры, разрушаются лишь привычные представления о ней. Ожидание апокалипсиса несколько преувеличено. Реально кризисными являются только нигилистические нравы, они пока еще широко распространены, но популярность их снизилась. Если сравнить нормы поведения россиян начала 90-х годов XX века с сегодняшним далеким от идеального стилем их поведения, то нельзя не отметить положительной тенденции.

Проведенное автором исследование феномена нравственной культуры позволяет сделать вывод о том, что в современных условиях сложилось несколько типов нравственных ценностей, которые могут претендовать на статус различных типов нравственной культуры.

Библиографический список

1. Кропоткин П. А. Этика. М., 1991.
2. Домострой. Ярославль, 1991.
3. Лосский Н.О. Ценность и бытие. Харьков, М., 2000.

С.Ф. Масленникова
(УГЛТУ, Екатеринбург)

**О ФОРМИРОВАНИИ ЭКОЛОГО-ГУМАНИСТИЧЕСКИХ
ЦЕННОСТЕЙ У СТУДЕНТОВ ЛЕСОТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА**

Современный вуз должен давать студенту не только определенную совокупность знаний и умений, но и воспитывать, развивать его личность. У выпускников вуза должны быть сформированы определенная система ценностей, личностные качества, способности, обеспечивающие устойчивость их развития, социальную мобильность, созидательную нравственную позицию и гибкую адаптацию ко всем изменениям, происходящим в обществе.

Такие государственные документы, как Конституция Российской Федерации, законы «Об образовании», «О высшем и послевузовском образовании», «Об охране окружающей природной среды», федеральная целевая программа «Экологическое образование населения России» и др., наметили приоритетные направления профессионального образования – экологическое и нравственное воспитание учащейся молодежи.

В связи с этим чрезвычайно актуальным становится формирование эколого-гуманистических ценностей у студентов Уральского государственного лесотехнического университета, профессиональная деятельность которых в будущем будет связана с проблемами охраны окружающей среды, принятием решений по экологизации технических и сельскохозяйственных производств, работой в различных природоохранных структурах.

В научно-педагогической литературе ценности трактуются как характеристики объектов и процессов, имеющие важнейшее позитивное значение для людей, а также как результативные компоненты любой культуры, воплощающие идеалы и представления об эталоне

[1, с. 19]. Классифицируя все многообразие ценностей, ученые выделяют общечеловеческие, духовные, практические и личностные ценности (В.А. Сластёнин), общественно-педагогические, профессионально-групповые и индивидуально-личностные (И.Ф. Исаев), ценности творчества, ценности переживания и ценности отношения (В. Франкл), терминальные и инструментальные ценности (М. Рокич) и т.д. Президент РАО Н.Д. Никандров отмечает в качестве наиболее важных общечеловеческих, гуманистических ценностей такие, как человек, мир, свобода, семья, любовь, познание, здоровье, гуманизм, равенство и т.д., содержащиеся в системе моральных норм. Именно этими ценностями руководствуются большинство людей, что в сложившейся ситуации крайне важно, поскольку растет влияние факторов, примитивизирующих развитие личности, поощряющих упрощенное, часто циничное отношение к другим людям [2].

Проф. И.К. Джерелиевская в монографии «Человек в социокультурной реальности» обращает внимание на особую роль в жизни человека личностных ценностей, которые она определяет как осознанные общие смысловые образования, определяющие нравственную позицию человека и помогающие ему совершить поступок, который в отличие от бесконечного числа действий, производимых им, есть акт нравственного самоопределения. По мнению автора, именно личностные ценности закрепляют единство и самотождество личности в значительных отрезках времени, надолго определяя ее стержень, ее нравственность [3, с.75-76].

Для личности студента лесотехнического вуза крайне необходимыми являются сформированные не только вышеназванные гуманистические, но и такие экологические ценности, как сохранение лесного биологического многообразия, естественной лесной динамики, разнообразных отношений леса с почвой, разнообразных отношений леса с водой, разнообразных отношений леса с атмосферой.

Помочь формированию этих ценностей у студентов вуза могут гуманитарно-художественные дисциплины «Культурология», «Мировая культура и искусство», «История декоративно-прикладного искусства», «Народные промыслы Урала». Именно эти дисциплины, обладающие ярко выраженной аксиологической направленностью, способны дать студенту системное представление о ценностях природы, современного мира, о месте человека в нем, сориентировать в представлениях о смысле жизни, в обоснованных и правильных жизненных выборах.

В курсе гуманитарно-художественных дисциплин студенты изучают историю искусств, знакомятся с шедеврами мастеров прошлого и настоящего, осваивают художественные ценности. Великие произведения искусства служат средством познания мира, жизни. Творения Гомера, Софокла, Данте, Шекспира, А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Рембрандта, В. Сурикова, И. Левитана, Бетховена, П.И. Чайковского и других великих представителей искусства помогают нам изучить историю нравов во всей ее многокрасочности и неповторимости, лучше понять, какие помыслы двигали поступками людей, чего они желали, к чему стремились. Также великая сила искусства состоит в том, что художник, воспроизводя действительность, показывает тенденции, направления ее развития, и подлинно выдающиеся творения искусства, в какую бы эпоху они ни были созданы, неизменно служат движению общества вперед.

На лекциях и практических занятиях студенты обращаются к истокам, духовно-нравственным основам, на которых веками зиждилась мировая и отечественная культура. Особую роль для студентов, живущих и воспитывающихся в России, играет изучение духовной жизни их предков, знакомство с духовно-нравственными традициями православия, духовным искусством, родившимся как результат этой жизни. Понятия «добро» или «зло», «прекрасное» или «безобразное», «праведное» или «неправедное» могут быть названы гуманистическими ценностями, а связанные с ними взгляды, убеждения – ценностными идеями, которые могут оцениваться как приемлемые или неприемлемые, оптимистические или пессимистические, активно–творческие или пассивно–созерцательные. Человек–слушатель, воспринимающий музыкальное, литературное произведение, или зритель, изучающий шедевры изобразительного, театрального искусства и кино, соединяет свое поведение с той нормой (идеалом, целью), которая выступает в этом произведении в качестве образца, эталона.

С целью получения информации о сформированных у студентов лесотехнического вуза ценностях в октябре 2009 г. и в январе 2010 г. нами был проведен анонимный опрос 70 первокурсников факультета механической технологии древесины Уральского государственного лесотехнического университета, обучающихся по специальности 250403 «Технология деревообработки».

Респондентам задавались вопросы об их отношении к гуманистическим (терминальным) и экологическим ценностям. Согласно модифицированной методике М. Рокича, студентам было предложено проранжировать:

– шестнадцать гуманистических (терминальных) ценностей: активная, деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни), жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемый жизненным опытом), здоровье (физическое и психическое), интересная работа, красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и искусстве), любовь, материальное благополучие (отсутствие материальных затруднений), дружба (наличие хороших и верных друзей), общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе), познание (возможность расширения своего образования, кругозора, интеллектуальное развитие), продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей), развлечения, свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках), счастливая семейная жизнь, счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа и человечества в целом), творчество (возможность творческой деятельности) [4, с. 99];

– пять экологических ценностей: сохранение лесного биологического многообразия, сохранение естественной лесной динамики, сохранение разнообразных отношений леса с почвой, сохранение разнообразных отношений леса с водой, сохранение разнообразных отношений леса с атмосферой.

Результаты анкетирования, касающиеся формирования эколого-гуманистических ценностей у студентов лесотехнического университета, приведены в таблице.

Ранжирование эколого-гуманистических ценностей
с позиций первокурсников УГЛТУ

Место	Ценности	Процент респондентов, поставивших ценность на первые пять мест	
		Октябрь 2009	Январь 2010
1	2	3	4
1	Здоровье	77,1	81,4
2	Любовь	55,7	61,7
3	Дружба	55,7	54,5
4	Счастливая семейная жизнь	55,7	53,4
5	Сохранение лесного биологического многообразия	53,5	53,5
6	Свобода	37,8	56,3
7	Материальное благополучие	37,8	29,6

Продолжение таблицы

1	2	3	4
8	Сохранение естественной лесной динамики	37,8	40,2
9	Жизненная мудрость	34,2	40,2
10	Сохранение разнообразных отношений леса с атмосферой	34,2	56,3
11	Активная, деятельная жизнь	34,2	42,4
12	Интересная работа	27,0	15,5
13	Познание	27,0	26,8
14	Продуктивная жизнь	32,9	25,7
15	Общественное признание	22,5	12,7
16	Развлечения	10,8	5,6
17	Творчество	9,9	9,9
18	Счастье других	9,9	12,7
19	Сохранение разнообразных отношений леса с почвой	9,9	15,5
20	Сохранение разнообразных отношений леса с водой	9,9	12,7
21	Красота природы и искусства	7,1	17,6

Анализируя данные двух этапов анкетирования, мы убедились, что для студентов высока ценность здоровья (77,1% / 81,4%), любви (55,7% / 61,7%), дружбы (55,7% / 49,8%), счастливой семейной жизни (55,7% / 53,4%), сохранения лесного биологического многообразия (53,5% / 53,5%). Достаточно значимы ценности сохранения естественной лесной динамики (37,8% / 40,2%), жизненной мудрости (34,2% / 40,2%). Считаем, что повышение значимости данных ценностей может свидетельствовать о повышении уровня осмысленности студентами жизни. С другой стороны, повышение значимости ценности активной, деятельной жизни (34,2% / 42,4%) говорит о высоком уровне самоуважения, аутосимпатии, ожидания положительного отношения от других и самоуверенности.

Особо стоит отметить изменение ранга таких ценностей, как сохранение разнообразных отношений леса с атмосферой (34,2% / 56,3%), почвой (9,9% / 15,5%), водой (9,9% / 12,7%), красота природы и искусства (7,1% / 17,6%), счастье других (13,5% / 17,1%). Нам кажется, что это связано с выросшим пониманием непреходящей ценности искусства, природы и ее охраны.

Об этом нужно задуматься и помочь студентам осознать тот факт, что их будущее после окончания университета будет связано с работой в природоохранных структурах, возможно, им придется руководить трудовыми коллективами в сложных условиях рыночной экономики.

Таким образом, в процессе формирования экологогуманистических ценностей актуальными для педагогической теории являются разработка подходов к интеграции естественнонаучных и гуманитарных дисциплин в подготовке будущих выпускников вузов лесного профиля, использование в образовательном процессе духовно-практических способов освоения студентами актуальных для общества ценностных ориентиров. Усиление в воспитательном процессе лесотехнического вуза роли гуманитарно-художественных дисциплин (философия, история, культурология, мировая культура и искусство, эстетика и др.) позволит сформировать у студентов экологогуманистические ценности, а также личностно значимое ценностное отношение к окружающему миру, в том числе к природе, внутренние ориентиры и регуляторы, необходимые в будущей профессиональной деятельности.

Библиографический список

1. Савченко Е.А. Концепция воспитания будущего педагога – субъекта культуры / Е.А. Савченко. // Вестник Московского университета. 2008. № 3. С. 17–25.
2. Никандров Н.Д. Россия: ценности общества на рубеже XXI века: Монография / Н.Д. Никандров. Екатеринбург, РГППУ, 2000, 255 с.
3. Джерелиевская И.К. Человек в социокультурной реальности: Монография / И.К. Джерелиевская. М.: Московский психологосоциальный институт, 2005.
4. Журавлева Н.А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе: Монография / Н.А. Журавлева. М.: «Институт психологии РАН, 2006. 335 с.

Н.Е. Кричевцова
(УГЛТУ, Екатеринбург)

«ФРУСТРАЦИЯ УТРАЧЕННОГО СМЫСЛА» И ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ Л.Н. ТОЛСТОГО

Вынесенный в заголовок термин В. Франкла чрезвычайно точно характеризует духовное состояние нашего общества сегодня, в котором до недавних пор царил пафос отрицания целей и ценностей социалистической модели жизнеустройства. Обретя вождленную «свободу от», растерянно оглядываемся в поисках «точки опоры» для нашего нынешнего существования. Суматошное копание в куче идейного «секонд-хенда» общества потребления, установка «братъ от жизни всё» после непродолжительной эйфории вызывают у каждого нормального человека вечный вопрос: "Зачем?" Раньше на него отвечала политическая идеология, еще раньше внедрялась в сознание религиозная. Отвернувшись от коммунистической теории и практики, испытав панику аномии, обыватель кидается в объятья веры, мистики, эзотерики по контрасту с низвергнутым материализмом в теории и современным вещиизмом на практике. Мы теперь не народ, не общество, мы атомарные индивидуумы и у каждого своя «истина», не открытая наукой, а порожденная в недрах собственного сознания и подсознания, желаний и возможностей.

Когда речь идет о человеке во всей полноте его жизни (индивидуальной и социальной, физической и психической, материальной и духовной) необходима особая конструкция – мост между общим и частным, живым, конкретным и обобщенным, объективным и субъективным – между реальностью и смыслом.

Смыслы – удел поэзии, религии, философии как жизненной мудрости. И по отношению к ним некорректно пользоваться тем же, что и в науке, понятием истины как соответствия знаний объективной действительности. Это явления, преломленные в духе субъекта, так называемая «экзистенциальная истина» [1, с. 175], или «правда жизни». Её функция – корреляция не объективного и субъективного, а общечеловеческого и личностного смыслов бытия. Экзистенциальная истина обретается в самопознании. Процесс этот бесконечен как в силу неисчерпаемости объекта вглубь, так и по причине постоянной изменчивости «фигурантов дела» - образа «Я», физической и психической реальности, содержания и формы автокоммуникации.

В этой области всё зыбко и относительно, но жить надо сегодня, руководствоваться в конкретных поступках и выстраивании перспектив чем-то абсолютным. Связь абсолютного и относительного лежит в сфере веры. Вера – форма существования идеала. Содержание может быть различным.

Дело, однако, усложняется тем, что человек не удовлетворяется обретенной личной, экзистенциальной истиной, ведь смысл последней как раз в том, чтобы связать индивида с другими людьми, преодолеть одиночество и страх смерти. Личная вера и своя правда, которую никто не разделяет, – это удел аутистического сознания, шизофреническая самоизоляция субъекта. Мировоззренческие модели пытаются связать объективную истину и субъективную правду, предлагая разные варианты их сосуществования.

1. Философия обобщает достижения конкретных наук и на основе этого знания трактует человека, его отношения с миром, смысл жизни личности. Идеальная модель такого рода по универсальности, логичности, связи разных уровней познания – марксизм: диалектика природы, прогрессивное развитие общества по направлению к социальной гармонии и возможность для каждого человека найти свое место в этом процессе. К аналогичной модели можно отнести учение Б. Спинозы, усматривавшего единую логику мироустройства и человеческих отношений, или, например, даосизм.

2. Субъективный идеализм снимает вопрос о соотношении объективного мира и субъективного образа, замыкаясь в рамках последнего. Может быть, в силу, своего рода, снобизма эта концепция никогда не была столь популярной, чтобы определять дух времени.

3. Классический объективный идеализм Гегеля, являя по существу абсолютизированный процесс самопознания (абсолютная идея отчуждает себя и разглядывает со стороны), также универсален и логичен, но игнорирует самосознание и самочувствие приватного, конкретного человека, обыкновенного обывателя.

4. Буддизм, построенный на представлении о мировом духе, игнорирует личность как временное, единичное, несущественное и ущербное существование, в идеале субъект должен исчезнуть, растворившись в мире.

5. Христианское мировоззрение, персонифицируя духовную субстанцию, предельно сближает маленького человека с отцом небесным, разворачивает последнего к его нуждам и проблемам, поступкам, ошибкам, духовному росту. Богочеловеку есть дело до каждого

из простых смертных, и именно он служит основой их общности (братство во Христе), связывает личность с человечеством посредством общих ценностей, целей и истины. Универсальность модели, а также «легкоусвояемая» мифологическая консистенция обеспечили христианству долгожительство в западном обществе. Изменчивые исторические условия породили множество направлений и сект, а мировоззренческий стержень христианства стал частью европейской культуры.

Именно в этом качестве христианская религия привлекает внимание сегодня. Немало людей пытаются связать с ней духовное возрождение России. Интерес к культурному прошлому, конечно, похвален, но хотелось бы заметить, что и современные проблемы, и способы их решения далеко не новы. Начало теперь уже прошлого, XX века демонстрирует нам аналогичную попытку увидеть в христианстве панацею от духовных и социальных недугов.

Своеобразное восприятие христианской традиции и личное переосмысление её являет нам Л.Н. Толстой, сотую годовщину со дня смерти которого мир отмечал в 2010 г. Экзистенциальный заряд философии Л.Н. Толстого, его интеллектуальная отвага, огромная эрудиция, искренность и доверительность общения с читателем побуждают сегодня припасть к этому источнику, не замутненному временем и пропагандой.

В эпоху девальвации прежних ценностей и ориентиров велик соблазн приятия каких-то готовых форм, а то и просто «лейблов», ставших признаком современного мышления. «Хорошо забытое старое», извлеченное из исторических сундуков, объявляется снова модным и в виде культурной инсценировки заполняет духовный вакуум. Такую картину мы наблюдаем в российских социальных реалиях, когда «свято место» заняло православие в качестве официальной идеологии, «лучшего друга» российских учителей, военных, больных, осужденных и т.д. и т.п.

В этой связи возникает жгучее желание обратить внимание наших современников на вдумчивое, глубокое, эмоционально и интеллектуально процеженное учение Л.Н. Толстого о православной церкви (которая с тех пор мало изменилась) и нравственной проповеди Иисуса Христа. Ревизия, которой классик подверг церковно-христианскую доктрину, до сих пор вызывает священное негодование православных идеологов.

Прежде всего, само понятие религии, сформулированное Л.Н. Толстым, является взглядом на нее «с колокольни» более общей системы, исходя из понимания духовности, культуры, особенности человека как существа мира – антропологии, по-нашему говоря: «Истинная религия есть такое согласное с разумом и знаниями человека, установленное им отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками» [2, с. 204].

Далее, религия служит уяснению смысла человеческой жизни, понятому, опять же, не в церковно-индивидуалистическом ключе (земное существование как дорога в рай), а как единение людей, путь самопознания, развития, самосовершенствования, возрастания духовного начала: «Спасение не в обрядах и исповедании веры, а в ясном понимании смысла своей жизни» и существования человека вообще. Назначение религии – «предвидеть и указывать путь жизни, по которому должно идти человечество, она дает идеал, к которому должно стремиться» [3, с. 43]. «Религия открывает смысл жизни людей» [4, с. 109]. И не просто единый для всех смысл, а спроецированный на каждого конкретного человека, кем бы он ни был. «Религия Толстого, – отмечает Б. Сушков в предисловии к сборнику религиозно-философских сочинений писателя, – обращена не к "массам", а к отдельному человеку, к личности, к его сознанию, его душе...» [4, с. 25].

Религия, в толстовском ее понимании, побуждает человека сопоставлять жизненную реальность с идеалом и стремиться в своем поведении выполнять хотя бы «программу-минимум», содержащуюся в христианском учении. Социальная действительность предстает злой карикатурой на идеал: войны, тюрьмы, казни, нищета одних и роскошь других, обман, разврат... - увы, мы сегодня не можем ничего вычеркнуть из этого списка! Но человек может и должен следовать истинным путем, прежде всего, не увеличивать меру зла в мире, не применять насилия в противостоянии, противодействии жестокости людей, государства, церкви и т.д. Идеал – любить людей. Нравственный минимум – не делать и не говорить другим гадостей. Идеал – целомудрие, минимум – чистота брачной жизни. Идеал – любить врагов (то есть людей враждебного народа), норма – не делать различий между своими и чужими [3, с. 48-50].

Исполнение этих норм нужно не для достижения личного спасения (читай – «райского местечка»), а для реальной, земной, лучшей, разумной, счастливой жизни [4, с. 147]. Противоречие должного и су-

щего не извиняет моральный конформизм личности. Девиз Л.Н. Толстого: «Делай, что должно, и будь, что будет».

Религия для Льва Николаевича – прежде всего, мировоззрение и в качестве такового – необходимая основа нравственности: «Если религия есть установленное отношение человека к миру, определяющее смысл его жизни, то нравственность есть указание и разъяснение той деятельности человека, которая сама собой вытекает из того или другого отношения человека к миру» [5, с. 277]. Истинная религия универсальна, едина для всех людей и всех народов, все существенные положения ее можно найти в исламе, христианстве, иудаизме, буддизме – это «отношение человека к богу как части к целому» и назначение человека как «увеличение в себе божественного свойства» [2, с. 232].

Что же тогда в таком случае Бог? В религии Л.Н.Толстого это не ветхозаветный демиург, не «злой и мстительный» ревнитель, наказывающий людей за грехи Адама, не вершитель судеб Аллах, не христианская Троица, не личность. Иисус Христос в произведениях мыслителя – не ипостась божества, а учитель правильной жизни: «Воля Бога яснее, понятнее всего выражена в учении человека Христа, которого понимать Богом и которому молиться считаю величайшим кощунством». И если Христос называет себя сыном Бога, то только потому, что он человек, а «всякий человек по духу есть сын Бога» [6, с. 79].

Идея отцовства Бога по отношению к каждому человеку служит для Льва Толстого основанием понятия всечеловеческого братства: «Бог – духовный отец всех людей, и высшее благо человека достигается тогда, когда он сознает свою сыновность Богу и братство людей между собою» [2, с. 213]. Заповеди Иисуса Христа писатель цитирует в «Исповеди», «Круге чтения», «Пути жизни» и других своих философских и публицистических произведениях наряду с другими основателями религий, философами, мудрецами, литераторами – Конфуцием, Гаутамой, Лао-Цзы, Сократом, Марком Аврелием, Блезом Паскалем, Иммануилом Кантом.

Слово «Бог» зачастую служит Толстому для обозначения сущности человека, идеально возможного человеческого существа: «Христианство возвышает человека до сознания себя, но не себя - животного, а себя – Бога, искры Божьей, сына Божьего» [2, с. 51]. «История человечества есть не что иное, как постепенный переход от непонимания человеческого, животного, к непониманию общественному и от непонимания общественного к непониманию Божескому» [3, с. 44].

Смысл понятия «бог» раскрывается и в интерпретации Толстым христианской любви, как чувства, направленного не на каждого конкретного человека (среди людей есть преступники, сумасшедшие, алкоголики), а на Бога в человеке [3, с. 50; 7, с. 71]. Воля же Бога приравнивается к совести, актуализация Бога в человеке – любовь, «желание блага всему сущему» [8, с. 46, 43].

Толстой всегда говорит о Боге иносказательно, подчеркивает принципиальную невозможность его наукообразного определения – «Бог есть жизнь», «Бог – начало всего», и даже такая усмешка мудреца: «Бог с ним, с Богом» [8, с. 43; 9, с. 28].

Столь же тщательному и критическому осмыслению подверглись и другие христианские догматы. Жизнь вечная, о которой говорит Иисус Христос, трактуется Л.Н. Толстым как жизнь общественная – «прошлое, настоящее и будущее человечества» [4, с. 129]. «Христос учит тому, чтобы люди выше всего ставили свет разума, чтобы жили сообразно с ним» [2, с. 182]. Отвергаются ад и рай, воскресение Иисуса Христа, ни словом не упоминается антипод Бога, видимо, как архаический антропоморфизм, не достойный даже серьезной критики... Не осталось места в этом учении и аскетизму: «Христос учит не спасению верою или аскетизму, то есть самовольным мучениям в этой жизни, но он учит жизни такой, при которой кроме спасения от гибели личной жизни еще здесь, в этом мире, меньше страданий и больше радостей, чем при жизни личной» [4, с. 147]. Смысл жизни каждого отдельного человека «в увеличении в себе любви», эта любовь несет блаженство здесь и сейчас (как там у Стругацких – «счастье всем, даром, немедленно и пусть никто не уйдет обиженным!»). Лев Толстой называет это состояние души «духовным наслаждением любви».

Из всего христианского Священного писания в религии Толстого остались, практически, одни Евангелия, да и те заново им переведенные, пересказанные, сокращенные, в авторской интерпретации, из них в центре внимания Нагорная проповедь, но из 12 христовых заповедей блаженства осталось только 5, которые при очень незначительном лексическом марафете преобразуются в моральный кодекс строителя коммунизма: человек человеку друг, товарищ и брат, интернационализм, равенство, уважение всех людей, супружеская верность и крепкая семья.

Конечно, совпадения источников прослеживаются не только в толстовском пересказе, сама формулировка коммунистического идеа-

ла возникла в европейском сознании в контексте западной культуры, в основании которой лежало христианство, в немалой степени сформировавшее наш тип мышления. Достаточно вспомнить, что первоначальный вариант Манифеста коммунистической партии назывался Катехизис, вспомнить параллели, отмеченные Энгельсом в современном ему коммунистическом движении и раннем христианстве, а также разошедшиеся на лозунги и жизненные максимы цитаты из Иисуса Христа: «Кто не работает, тот не ест», «Кто был ничем, тот станет всем», «Кто ищет, тот всегда найдет».

Все эти параллели говорят, главным образом, о том, что человеческой душе во все времена свойственно искать опору в общих, незыблемых идеалах, в том, что могло бы объединить всех людей и построить связь личности и человечества, увидеть критерий истинности именно в общности и преемственности, независимо от того, исходит она от Бога, мирового закона, человеческой природы или логики истории.

Общегуманистический, философско-нравственный характер толстовского религиозного учения о религии отмечен многими исследователями творчества писателя – А. Грамолиным, М. Гином, Л. Леоновым, Б. Сушковым, В. Шмелевым [12]. По меткому наблюдению Л. Леонова, высказанному в предисловии к изданию философско-религиозных сочинений мыслителя, «любому слову в философской терминологии Толстого, вплоть до царства божьего, найдется синоним в нынешнем гуманистическом словаре» [6, с. 25].

Словом, «что мне от любви (то есть от религии) осталось ныне? Только имя». Точнее, понятие-символ, которое играет незаменимую социокультурную роль. Специфика символа состоит в том, что он, по словам А.Ф. Лосева, создает «бесконечную смысловую перспективу» [10, с. 258]. Символ как смысловая конструкция указывает на нечто иное, отличное от данного образа, понятия, вещи; это полисемантический подтекст, прочтение которого обусловлено системой культуры, в которую он вписан, установкой и мерой компетентности воспринимающего, наконец, теми оттенками значения, коими наделяет символ данный автор. Всякий символ есть обобщение, причем такого рода, что позволяет одновременно уловить, коснуться разных сторон бытия. Это некий смысл, стоящий за наглядностью и объединяющий явления, попавшие в спектр его значений, именно этим имманентным смыслом. В силу такой нагрузки – раскрытия мира в его смысловом значении для субъекта – символ несет в себе эмоциональный заряд, воспринимается не только сухо логически, отвлеченно-интеллектуально, но

проецируется на чувства человека, резонирует в сердце.

Не будет, пожалуй, большой натяжкой сказать, что понятие религии вообще, не только у Льва Толстого, за рамками собственно богословия имеет черты символа и расшифровывается в зависимости от контекста: если говорят «мое *credo*», имеется в виду отнюдь не христианский Символ веры. «Ах Арбат, мой Арбат, ты моя религия» Булата Окуджавы совсем не то же самое, что социалистическая религия богостроителей, гуманистическая религия Людвиг Фейербаха, видение атеизма как специфической религии. Перечисления можно продолжить, но, наверное, достаточно для восхождения к сущности: за словом «религия» стоит не просто система взглядов (даже, как видим, не обязательно идеалистических), но и жизненная позиция, некая пассионарная преданность идее, готовность к жертвенности «во имя», имманентная включенность ее в структуру личности, побуждение к деятельности ради ее торжества.

Поэтому Л.Н. Толстой настаивал на мысли, что жизнь человека без религии пуста, бессмысленна, скорбна, бездуховна [4, с. 32]. «Человек есть слабое, несчастное животное до тех пор, пока в душе его не горит свет Бога. Когда же свет этот загорается (а загорается он только в душе, просвещенной религией), человек становится могущественнейшим существом мира» [2, с. 239].

Религия для Льва Толстого первична по отношению к философии и науке, так как объясняет цели и границы применения научной методологии [5, с. 271-272]. Душу как целое, как живое изменчивое «я», то, что свято в этой жизни и в этой душе, то, что выше каждого из нас, но именно в нас проявляется, – это нельзя разложить по полочкам научных понятий и философских категорий: «Бога и душу я познаю не путем определения, но совершенно другим путем. Определение разрушает во мне это знание... К несомненности знания Бога я приведен вопросом: откуда я? К знанию души я приведен вопросом: что я такое?» [4, с. 29].

Религией называет Л.Н. Толстой способ познания экзистенциальных явлений, язык разговора о них, форму существования подобных движений души. Мировоззренческая позиция человека при этом может быть любой, вплоть до атеистической, как справедливо заметил А.Б. Грамолин, анализируя толстовское определение религии [11, с. 156].

По значимости и роли в человеческой жизни то, что называется в произведениях Л.Н.Толстого религией, близко по значению в быденном языке понятию «вера». Вера как стимул творчества, привер-

женность идеалам, мотив самоотверженной деятельности, озаренность жизни смыслом. Вера противоположна не знанию, а сомнению, скепсису, духовной анемии. В российской культуре от протопопы Аввакума до А.И. Солженицына «истинная вера» всегда выступает опорой личности на правильном пути – «жить не по лжи», как сформулировал эту установку сильных духом наш выдающийся современник, впитавший традиции российской «философии жизни».

Вера – тоже понятие-символ, своеобразная эмблема внутреннего мира. Религия – только одна ипостась веры. Через призму символа могут быть рассмотрены и другие термины учения Льва Толстого – душа, любовь, совесть, добро. Данные понятия-символы вообще судьбоносны для русской философской мысли, в которой историко-социологический ракурс являет идею богочеловечества, соборности (богоискатели, славянофилы), онтологический ракурс упирается в концепцию всеединства (В. Соловьев), гносеологический – в софиологию (В. Соловьев, Е. Трубецкой) и христианскую антропологию (Н. Бердяев); наконец, этика пронизывает собой все философские вопросы, выступает как цель, смысл и ядро человековедения.

Для русского (российского) человека философствовать – значит говорить «за жизнь», то есть о ключевых ценностях и смыслах. Потому наши мыслители, сами несомненно искушенные в абстракциях европейской, прежде всего немецкой классической философии, ориентированы на диалог с таким читателем, который в литературе искал жизненной мудрости, а от философии ждал «душевности»; да и собственный их исследовательский запал срабатывал от экзистенциальной искры.

От деревенского мужика до университетского профессора в России высшее знание, истина имеет значение прежде всего как подлинное, настоящее, как Правда. «Пострадать за правду», «служить верой и правдой», стоять «за правое дело», быть «правдолюбом» – сколько аналогичных выражений стали родными и осеняют наше сознание от фольклора до периодической печати! И такая преемственность служит для личности духовным стержнем, связью времен, признаком бессмертия своей души через прикосновение к вечному. Как говорят сегодня, «вера, которую никто не разделяет, называется шизофренией». Но не только это пугало толкает людей в объятия «общепризнанных» святынь: смысл жизни не может замыкаться на индивидуальность, он – мост к общечеловеческому. Вот такая вознесенность и выражается зачастую словом «религия».

Для россиянина XIX – XX веков (а для многих и сегодня) религия – это основание идеологии, а то и сама идеология, которая понимается не с партийно-классовым уклоном, как политически ангажированное мировоззрение, а на основе родства понятий «идея» и «идеал», как духовная основа общности людей, направляющая и организующая их материальную, социальную, духовную деятельность и дающая экзистенциальный смысл индивидуальной жизни, служащая преодолению одиночества человека среди людей. Именно так интерпретировал Лев Толстой учение Христа: «Христос сказал мне: живи для блага... Благо есть твое единство со всеми людьми». «Я верю, что учение это дает благо всему человечеству... и дает мне здесь наибольшее благо» [4, с. 186].

Какое б ни было у нас «тысячелетие на дворе», во всяком живом и мыслящем человеке неистребима потребность ощутить свою причастность к тому, что выше и долговечнее каждого из нас. Философия Л.Н. Толстого особенно созвучна нам сегодня, так как она – «открытая система», побуждающая нас к собственным размышлениям. И сам писатель всю жизнь находился в поиске, менялся, развивался, не пугаясь начать все сначала, устремленный к Истине как к цели и стимулу деятельности, как к Вере и Правде.

Библиографический список

1. Пивоваров Д.В. Гносеология религии / Д.В. Пивоваров. Екатеринбург, 2009.
2. Толстой Л.Н. Что такое религия и в чем сущность ее / Л.Н. Толстой // Толстой Л.Н. В чем моя вера? Тула, 1989.
3. Толстой Л.Н. Царство Божие внутри вас, или христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание // Толстовский листок. № 9. Москва – Санкт-Петербург, 1996.
4. Толстой Л.Н. В чем моя вера? / Л.Н. Толстой. Тула, 1989.
5. Толстой Л.Н. Религия и нравственность // Толстой Л.Н. В чем моя вера? Тула, 1989.
6. Толстой Л.Н. Краткое изложение евангелия // Евангелие Толстого. Избранные религиозно-философские произведения Л.Н. Толстого М., 1992.
7. Толстой Л.Н. Исповедь // Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 томах. Т. 16. М., 1983.

8. Христианская этика // Систематические очерки мировоззрения Л.Н.Толстого. Екатеринбург, 1994.

9. Сушков Б.Ф. Религия совести: Предисловие // Л.Н. Толстой «В чем моя вера?». Тула, 1989.

10. Лосев А.Ф. Логика символа // А.Ф. Лосев. Философия, мифология, культура. М., 1991.

11. Грамолин А.Б. Мировоззрение Льва Толстого как философия эпохи автоэволюции / А.Б. Грамолин // «Лев Толстой и судьбы современной цивилизации»: Материалы XIX международных Толстовских чтений. Ч. II. Тула, 2003.

12. Шмелев В.Д. Антропологическая направленность религиозных исканий Л.Н.Толстого // Философия, антропология и педагогика ненасилия. Екатеринбург, 2006.

О.Н. Новикова, К.А. Ротарь
(УГЛТУ, Екатеринбург)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Обеспечение духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России является ключевой задачей современной государственной политики Российской Федерации. Законопослушность, правопорядок, доверие, развитие экономики и социальной сферы, качество труда и общественных отношений – всё это непосредственно зависит от принятия гражданином России общенациональных и общечеловеческих ценностей и следования им в личной и общественной жизни.

Духовность, в самом общем смысле, – это совокупность проявлений духа в мире и человеке. В социологии, культурологии, а ещё чаще в публицистике духовностью часто называют объединяющие начала общества, выражаемые в виде моральных ценностей и традиций, сконцентрированные, как правило, в религиозных учениях и практиках, а также в художественных образах искусства. В рамках такого подхода проекция духовности в индивидуальном сознании называется совестью и утверждается, что укрепление духовности осуще-

ствляется в процессе проповеди (увещания), просвещения, идейно-воспитательной или патриотической работы.

Духовность прежде всего проявляется через традицию бережного отношения к самому себе, окружающим людям, окружающему миру, передающуюся из поколения в поколение. Практика свидетельствует, что основные духовные ценности воспитываются в семье. Чем крепче семья, крепче в ней связь между поколениями, тем выше шансы воспитания в ней духовно развитого человека. Духовность – свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными.

В культуре повседневности к духовной жизни относят, как правило, знания, веру, чувства, переживания, потребности, способности, стремления и цели людей. Взятые в единстве, они составляют духовный мир личности. Будучи порождением общественной практики, духовная жизнь тесно связана с другими сферами жизни общества и представляет собой одну из подсистем социума. Поскольку духовная жизнь общества порождается все-таки жизнью материальной, то и ее структура во многом схожа с последней: духовные потребности, духовная деятельность (духовное производство) и созданные этой деятельностью духовные блага (ценности).

Первым звеном в этой цепочке выступают духовные потребности, представляющие собой объективную нужду людей и общества в целом создавать и осваивать духовные ценности. Нередко в философской литературе духовные потребности трактуются еще и как определенное психическое состояние людей, побуждающее их к созданию и освоению духовных ценностей.

В отличие от материальных, духовные потребности не заданы биологически, не даны человеку от рождения. Они формируются и развиваются в процессе социализации личности. Особенность духовных потребностей состоит в том, что они имеют принципиально неограниченный характер: пределов роста для них не существует, а единственными ограничителями такого роста являются лишь объемы уже накопленных человечеством духовных ценностей и желание самого человека участвовать в их приумножении.

Ради удовлетворения духовных потребностей люди организуют духовное производство. Под духовным производством обычно понимают производство сознания в особой общественной форме, осуществляемое специализированными группами людей, профессионально занятыми квалифицированным умственным трудом. К результатам

духовного производства относятся идеи, теории, образы и духовные ценности, духовные общественные связи индивидов, сам человек как существо духовное. Отличительная особенность духовного производства заключается в том, что его продуктами являются идеальные образования, которые не могут быть отчуждены от их непосредственного производителя.

Духовная сфера жизни общества охватывает различные формы и уровни общественного сознания: нравственное, научное, эстетическое, философское, религиозное, политическое, правовое сознание. Соответственно ее элементами являются мораль, наука, искусство, религия и право.

Философия определяет мораль (лат. *moralis* – касающийся нравов) как один из основных способов поведения человека. Мораль охватывает нравственные взгляды и чувства, жизненные ориентации и принципы, цели и мотивы поступков и отношений, проводя границу между добром и злом, совестью и бессовестностью, честью и бесчестьем, справедливостью и несправедливостью, нормой и ненормальностью, милосердием и жестокостью и т. д.

Мораль социально детерминирована. Социум выступает в качестве внешних общественных причин, вызывающих определенное поведение человека.

Нравственность – термин, чаще всего употребляющийся в речи и литературе как синоним морали, иногда – этики. В более узком значении нравственность – это внутренняя установка индивида действовать согласно своей совести и свободной воле – в отличие от морали, которая, наряду с законом, является внешним требованием к поведению индивида. Мораль – понятие более тонкое, чем нравственность, связанное не только с системой нравов, но и с духовным миром человека, его ориентацией на внутренние ценности, через реализацию его правовой культуры.

Право выступает как совокупность правил (норм), определяющих обязательные взаимные отношения людей в обществе. Правовая культура человека проявляется в умении и навыках пользоваться правом, ориентации собственной деятельности на право, а также в оценке собственных знаний правового толка. Как неотъемлемая часть общей культуры народа, право базируется на её началах, является отражением уровня её развития, менталитетом народа. Формирование правовой культуры происходит в комплексе с развитием других видов культуры – политической, моральной, эстетической. Их объединяет общность

задачи – создание морально-правового климата в обществе, который гарантирует реальную свободу поведения личности в соединении с ответственностью перед обществом; обеспечение права личности, социальной защищённости, уважение её достоинства ставит человека в центр экономических, социальных, политических, культурных процессов.

На начальных этапах своего существования наука не оказывала сколько-нибудь заметного влияния на развитие общества. Однако с течением времени положение изменилось. Примерно с XIX века наука начинает играть заметную роль, опережая развитие материального производства, которое, в свою очередь, начинает изменяться в соответствии с логикой развития науки. Наука становится особым видом духовного производства, продукция которого предопределяет появление новых отраслей материального производства (химии, радиотехники, ракетостроения, электроники, атомной промышленности и т.д.). Огромную роль приобретают так называемые научные модели общественного развития, с помощью которых общество получает возможность, не прибегая к таким методам познания, как эксперимент, определять цели и направление своего развития.

Выполняя свои социальные функции, наука познает и объясняет, как устроен мир и каковы законы его развития (познавательно-объяснительная), помогает человеку не только уяснить известные ему знания о мире, но и выстраивает их в целостную систему, рассматривает явления окружающего мира в их единстве и многообразии (мировоззренческая); позволяет человеку не только изменить окружающий мир согласно своим желаниям и потребностям, но и прогнозировать последствия таких изменений (прогностическая функция).

Религия – особая форма осознания мира, обусловленная верой в сверхъестественное, включающая в себя свод моральных норм и типов поведения, обрядов, культовых действий и объединение людей в организации (церковь, религиозную общину). Что же касается религии как вида духовного производства, то создаваемые с ее помощью теории и идеи играли большую роль в развитии общества прежде всего на ранних, донаучных этапах его развития, формируя у людей абстрактное мышление, способность вычленять общее и особенное в окружающем мире. Однако возникающие в рамках религиозных воззрений духовные ценности и складывающиеся на их основе общественные связи до сих пор играют важную роль в жизни многих обществ и отдельных индивидов. В одной из своих работ З. Фрейд отметил:

«Боги сохраняют свою троякую задачу: нейтрализуют ужас перед природой, примиряют с грозным роком, выступающим прежде всего в образе смерти, и вознаграждают за страдания и лишения, возлагаемые на человека жизнью в культурном сообществе» [1, с. 95].

Для многих людей религия играет роль мировоззрения, готовой системы взглядов, принципов, идеалов, объясняя устройство мира и определяя место человека в нем. Религиозные нормы – один из мощных социальных регуляторов, через систему ценностей регламентирующих общественную и личную жизнь человека. В условиях неспособности науки объяснить множество природных явлений религия предлагает свои варианты ответа на мучительные вопросы. В истории человечества часто именно религиозные предпочтения способствуют объединению наций, образованию единых государств.

Другим важнейшим видом духовного производства является искусство. Создавая художественные образы, которые с известной долей условности могут быть приравнены к научным моделям, экспериментируя с ними с помощью собственного воображения, люди могут лучше познать себя и мир, в котором они живут. С помощью искусства художники, писатели, скульпторы воспроизводят часто скрытые, незаметные, однако весьма существенные стороны окружающей действительности.

Предмет искусства – человек, его отношения с окружающим миром и другими индивидами, а также жизнь людей в определенных исторических условиях. Искусство обусловлено миром природы и общественных отношений, которые окружают индивидов. «Искусство, как считает М.С. Каган, – практически-духовная деятельность по освоению и воплощению эстетических ценностей» [2, с. 15], т.е. специализированная эстетическая деятельность. Искусство концентрировано выражает эстетическое отношение к миру. В отличие от эстетического переживания, которое может присутствовать в любом виде деятельности и сопровождать её, искусство моделирует особую реальность – художественную, в которой эстетическое освоение мира заключено в определенную «рамку» и отгорожено от целесообразно-утилитарных видов деятельности.

Эффективная модель современного образования предполагает, что получение высокого уровня профессиональной подготовки человеком не исключает, а, наоборот, предполагает развитие личностных качеств обучаемого, выявление его творческого потенциала. Поэтому сегодня задача высшего образования заключается не только в подго-

товке специалиста, способного хорошо выполнять свою работу, но и в воспитании его как гражданина, ответственно и компетентно участвующего в общественных процессах, преобразующего и создающего мир вокруг себя.

Дисциплины художественно-эстетической направленности («Культурология», «Философия», «Мировая художественная культура», «Психология общения», «Конфликтология», «Религиоведение» и др.) обеспечивают передачу духовного опыта предшествующих поколений через формирование у студента целенаправленного представления об историко-культурном развитии человечества, о возникновении, эволюции и закреплении человеческого в человеке, акцентируют внимание на общечеловеческих ценностях как незыблемой основе цивилизованного начала в обществе.

Таким образом, духовно-нравственное развитие и воспитание обучающихся является первостепенной задачей современной образовательной системы и представляет собой важный компонент социального заказа для образования.

Библиографический список

1. Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Сумерки богов. М., 1989. 398 с.
2. Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1996. 196 с.

Т.Б. Голубева
(УГЛТУ, Екатеринбург)

ПРАВОСЛАВИЕ О НРАВСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Несмотря на то, что само слово «ответственность» появилось в русском языке относительно недавно, в древних летописях и фольклоре народов России встречаются понятия вины и заслуги, покаяния и воздаяния. При отсутствии самого слова «ответственность» его понятие даётся очень доходчиво, убедительно и впечатляюще, на уровне органичного соединения житейского, обыденного сознания с самыми высокими духовными переживаниями человека. Очевидны неизбежность воздаяния за дурные и благородные поступки и то, что добро

утверждается в борьбе со злом, добродетель – в трудной борьбе с пороком, нравственное – в борьбе с безнравственным.

В летописях встречаются документальные свидетельства живого понимания жителями Древней Руси нравственной ответственности человека, в первую очередь, перед Богом. Например, в описании летописцем знаменитого похода князя Игоря и решающего сражения с половцами приведены рассуждения князей, видевших грядущее поражение и имевших возможность оставить поле битвы: «Если победим, то сами спасёмся, но чёрных людей оставим, и будет на нас грех перед Богом, что их выдали; уже лучше умрём ли, живы ли будем, все на одном месте» [1, с. 191].

Вопрос нравственной ответственности издревле поднимался Православной Церковью, во-первых, в книгах, используемых в богослужениях и древнерусском обучении (Священное Писание, из книг которого больше всего получили распространение Евангелие и Псалтырь, переводные и оригинальные сборники поучений, наставлений, молитвы, цитаты из творений греческих отцов Церкви, сочинений древних мудрецов и философов), во-вторых, в устных проповедях и рукописях таких деятелей Церкви, как Феодосий Печерский, Иларион Киевский («Слово о законе и благодати»), Климент Смолятич («Послание смоленскому священнику Фоме»), Кирилл Туровский («Притча о человеческой душе и теле»).

Философ И.А. Ильин отмечал, что «христианство принесло миру идею личной, бессмертной души, самостоятельной по своему дару, по своей ответственности и по своему призванию, особой в своих грехах и подвигах, и самодеятельной в созерцании, любви и молитве... . Личная духовность в России всегда имела свободное дыхание в области веры, ибо Православие... всегда утверждало лично бессмертную и лично ответственную душу и ... всегда культивировало тайну личного восприятия Бога, личного созерцания святыни и личного, автономного совестного делания» [2, с. 381].

В Священном Писании проблема нравственной ответственности рассматривается с позиции того, что Бог создал человека нравственно свободным, и каждый человек самостоятельно совершает свой нравственный выбор. Например, в книгах Ветхого Завета степень наказания за совершённые преступления определяется преднамеренностью поступка, там же прописана мера ответственности за конкретные нарушения Божьих заповедей: «кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти; но если кто не злоумышлял, а Бог попустил

ему попасть под руки его, то Я назначу у тебя место, куда убежать (убийце)». Однако непреднамеренность не избавляет от сурового наказания в случае безответственного, халатного отношения к своим обязанностям. В частности, человек должен отвечать за поведение тех, за кем он должен был следить, кого он должен был воспитать, даже животных: «если вол забодает мужчину или женщину до смерти, то вола побить камнями и мяса его не есть; а хозяин вола не виноват; но если вол бодлив был и вчера и третьего дня, и хозяин его, быв извещен о сем, не стерег его, а он убил мужчину или женщину, то вола побить камнями, а хозяина его предать смерти» [Исход. 21: 28-29].

В Новом Завете нравственная ответственность раскрывает перед человеком тайну искупления. Психологи, члены Союза писателей России И.Я. Медведева и Т.Л. Шишова, отмечают, что «в основе ответственности лежит жертвенная любовь, готовность утяжелить свою крестную ношу, чтобы облегчить её другому. И чем этот другой от тебя дальше, тем выше уровень ответственности. Иными словами, в низшей точке шкалы – несмышленный младенец, который не в состоянии отвечать даже за себя. А в высшей – Христос, добровольно ответивший Распятием за грехи всего мира» [3, с. 35].

Ответственность человека перед Богом, в конечном счёте, выразится в приговоре душе на частном (посмертном) суде и Страшном суде. При этом окончательный приговор душе человека на Страшном суде зависит от результатов его земной жизни – внутреннего делания и отношений с другими людьми. При этом для того, чтобы стать праведником, человеку необходимо внутреннее делание как пожизненное самовоспитание по самым высоким евангельским меркам. Выделяется необходимость видения собственных нарушений Божьих заповедей без скидок на влияние среды. Осуществлять внутренний самоконтроль собственного духовного состояния человек может через таинство исповеди. Особенно надо опасаться соблазнять своим поведением окружающих, прежде всего, молодое поколение. Так, Евангелие от Матфея предупреждает христианина: «Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит».

Об ответственности перед Богом как умении сознательно, добровольно выбирать правильную линию внутреннего и внешнего поведения христианин не должен забывать никогда, ибо он не знает, в какой час Господь "спросит плоды его жизни". Память об ответственности перед Богом за свои деяния христианин должен поддерживать по-

стоянно, читая самые распространённые молитвенные правила.

Именно поэтому и положения православной педагогики основаны на том, что наличие семьи, а также подчинённых (и даже собственности) предполагает нравственную ответственность человека перед Богом, обществом и самим собой не только за состояние своей души, но и душ, вверенных Богом людям, особенно собственных детей, а также за разумное и справедливое распоряжение своим имуществом.

К примеру, в известной русской бытовой энциклопедии времён Иоанна Грозного «Домострое» даются принципы организации семейной жизни, лейтмотивом которых является тема Божьего воздаяния как за грешную, так и за праведную жизнь: «А кто не по-Божьи живёт, не по-христиански, чинит всякую неправду, насилие и обиду, ... если всякие непотребные дела ... сам господин или госпожа творят, или дети их, или люди, или крестьяне их, а они, господа, в том не возбранят им, не уберегут от зла и управы на них не найдут, – точно все в аду ... и прокляты будут на земле... Надобно каждому человеку ... жить по силе своей и по достатку, и расчётливо на прибыль от законных средств. Ибо такая жизнь благоприятна, и богоугодна, и похвальна от людей, и надежна и себе и детям». Отдельно проводится тема педагогической ответственности родителей за воспитание собственных детей: «Если же дети согрешают по отцовскому или материнскому небрежению, о таковых грехах и ответ им держать в день Страшного суда» [4, с. 74–76].

Семья как система взаимной ответственности строится на знании каждым её членом своих прав и обязанностей. Гарант порядка – отец семейства, который является наставником не только для детей, но и для всех домочадцев, в том числе и чужих людей, призреваемых хозяевами. Такое расширительное толкование «семьи» (по Л.Н. Беленчук) имело большое значение в деле воспитания чувства нравственной ответственности [5, с. 30–32].

Правоту педагогических идей «Домостроя» доказывает тот факт, что, если в семье или воспитательном учреждении жизнь по-настоящему упорядочена, размерена, все заняты своим делом, это исправляет даже детей педагогически запущенных или с ярко выраженным девиантным поведением, что можно видеть на примерах таких разных учреждений, как школы С.А. Рачинского и Н.И. Ильминского, «трудовые коммуны» А.С. Макаренко, детский дом Я. Корчака. Упо-

рядоченной школьной жизнью с её системой взаимной нравственной ответственности детям внушается модель будущей жизни – в своей семье, обществе, государстве. Таким образом, продуманность и последовательность действий воспитателей в соответствии с православной системой воспитания направлены на соблюдение золотого правила нравственности, на проектирование в человеке лучших качеств, в том числе нравственной ответственности перед Богом, самим собой, ближайшим окружением и, наконец, перед всем обществом.

Наиболее ярким продолжателем православных идей нравственной ответственности конкретного человека за конкретный поступок был Ф.М. Достоевский. Он боролся с материалистической теорией влияния среды, снимавшей нравственную ответственность с человека как продукта социальных условий. В «Дневнике писателя» (1873) он рассуждал: «Ведь этак мало-помалу придём к заключению, что и во все нет преступлений, а во всём "среда виновата". Дойдём до того, по клубку, что преступление сочтём даже долгом, благородным протестом против "среды"». Ф.М. Достоевский был убеждён, что человек не просто «продукт среды», а творец этой среды: «...сделавшись сами лучшими, мы и среду исправим и сделаем лучшею. Ведь только этим одним и можно её исправлять» [6, с. 15–16].

Учение Ф.М. Достоевского о нравственной ответственности человека получило дальнейшее развитие в трудах Н.А. Бердяева, П.Б. Струве, И.А. Ильина и др. Так, Н.А. Бердяев в статье «Духи русской революции» писал: «Болезнь русского нравственного сознания я вижу, прежде всего, в отрицании личной нравственной ответственности и личной нравственной дисциплины, в слабом развитии чувства долга и чувства чести, в отсутствии сознания нравственной ценности подбора личных качеств» [7, с. 281].

П.Б. Струве, с его ценностями соборности, самодержавия, народности, в статье «Интеллигенция и революция» говорил о нравственной ответственности нигилистической части интеллигенции перед обществом за ее «противогосударственный характер, безрелигиозность» и отрицание необходимости личного самоусовершенствования человека. Отвергаемое же нигилистической частью интеллигенции религиозное воспитание «есть воспитание и совершенствование человека, обращающееся к нему самому, к его внутренним силам, к его чувству ответственности» [8, с. 152–159].

И.А. Ильин в работе «Путь к очевидности» писал о том, что все душевные способности даются человеку «не для злоупотребления

ими, а для благого и ответственного служения». Из чувств предстояния перед Богом, собственных призванности и ответственности вытекает обязанность людей «не мириться со всем тем, что происходит в них и во внешнем мире, обязанность оценивать, искать верных мерил, выбирать, решать и творить. Это зовёт их сразу к труду, к дисциплине и к вдохновению». Человеку важно помнить, что его духовная воля «есть дар освобождать себя от всякого неприемлемого и отвергаемого воздействия, как внутреннего, так и внешнего». Поэтому «свобода есть сила и искусство человека определять себя самого и свою жизнь к духовности, согласно своему предстоянию, своему призванию и своей ответственности». Человек, как свободное существо, отвечает не только за содержание и направление собственной жизни (в том числе как за совершённое зло, так и за имеющиеся личные заслуги), но и за духовную культуру своего времени и современное ему состояние мира: «Так созерцал, так возлюбил, так выбрал, так совершил; и потому признаю это деяние моим, поддерживаю его основания и мотивы и принимаю на себя ответственность за совершённое, признаю свою ошибку за ошибку, своё «заранее обдуманное намерение» признаю за таковое, – и вина моя, и заслуга (если она есть) моя, и последствия мною совершённого я готов нести и за них отвечать». И.А. Ильин отмечает: «обновление человека нужно начинать не с переустройства социальных условий существования, но с обновления его души и воли, с формирования у него веры, убеждённости в достижимости божественного, святости, вечной жизни... . Современный человек должен увидеть и убедиться, что его судьба зависит от того, что он сам излучает в мир» [9, с. 300–305].

Следует отметить актуализацию формирования чувства нравственной ответственности для наших современников. После долгих лет насаждения грубого материализма многие из них потянулись к православию. Однако оказалось, что не все в состоянии правильно воспринимать истины христианства именно по причине изначальной слабой сформированности чувства нравственной ответственности. Этой группе прихожан с помощью выдернутых из общего текста Священного Писания цитат удобно перекладывать ответственность за всё происходящее на духовный мир и социальное окружение. Так, игумен Евмений пишет о собственных наблюдениях: «Сегодня с уверенностью можно утверждать, что до обретения ответственности все разговоры о духовной жизни будут носить теоретический, безжизненно-книжный характер. К сожалению, в наши дни под духовной жизнью многие понимают нечто прямо противоположное ответственности:

бегство от своих обязанностей, уклонение от ответственности за то, что в этом мире происходит, стремление переложить ответственность на плечи других: в общественной жизни – на государство и политиков, в быту – на своих близких, в духовной жизни – на батюшку» [10, с. 7].

Актуальная проблема соотношения духовность – ответственность – свобода оказалась в центре внимания современных православных богословов. В известных изданиях («Свобода и ответственность: в поисках гармонии» Патриарха Кирилла; «Духовность и ответственность» игумена Евмения), выступлениях недавно почившего митрополита Антония Сурожского проводится мысль о том, что ответственность перед Богом и ближайшим окружением является началом духовной жизни христианина, мотивируя его к активной позиции не только в жизни ближайшего окружения, но и всего общества в целом. Эта спасительная идея крайне важна для современной России, не отринувшей христианские ценности предшествующих поколений, но подвергающейся мощному натиску инфантилизма, насаждаемого потребительской субкультурой.

Библиографический список

1. Нечволодов А.Д. Сказания о русской земле. Книга вторая. Репринтное издание / А.Д. Нечволодов. М., 1991.
2. Ильин И.А. Наши задачи. Статьи 1948-1954 гг. Том 1 / И.А. Ильин. М., 2008.
3. Медведева И.Я., Шишова Т.Л. Проклятие Хама / И.Я. Медведева, Т.Л. Шишова. М., 2005.
4. Домострой. Как устроить свой быт богоугодно, а жизнь свято. М., 2006.
5. Беленчук Л.Н. История отечественной педагогики: учеб. пособие / Л.Г. Беленчук. М., 2005.
6. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1873. Полн. собр. соч. в 30 томах, т. 21 /Ф.М. Достоевский. Л., 1980 .
7. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Духовная трагедия Льва Толстого / Н.А. Бердяев. М., 1995.
8. Струве П.Б. Интеллигенция и революция / П.Б. Струве// Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. С приложением «Библиографии Вех». Свердловск, 1991.
9. Ильин И.А. Путь к очевидности / И.А. Ильин. М.: Республика, 1993.

10. Евмений, игумен. Духовность как ответственность. Иваново, 2006.

Т.Н. Овчинникова
(Филиал РГСУ, г. Ивантеевка)

ВЛИЯНИЕ ЦЕРКВИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Процесс сакрализации в современной России идёт невиданно быстрыми темпами. Это и возвращение храмов, в которых располагались музеи, и обязательное изучение в средней школе основ какой-либо религии, введение в армейский штат должностей священников. По действующей Конституции церковь отделена от государства, а образование – от церкви. Однако существующие в обществе потребности сами по себе организуются в социальные процессы. Всё большее количество граждан посещают храмы, совершают паломнические поездки по монастырям, читают религиозную литературу. Средства массовой информации ежедневно информируют о новостях религиозной жизни. Первые лица государства посещают церковные службы, показывая пример нового образа жизни и мировоззрения. Партия «Единая Россия» разрабатывает проект создания православной политической партии.

Формирование гражданского общества - это создание новых общественных организаций, развитие разнообразных видов социальных институтов. Религия - это традиционный социальный институт любого общества. Социологи отмечают стабильный рост поддержки церкви за последние 10 лет. 43 % в 1998 году и 51 % в 2009 году – такой процент уровня доверия церкви говорит о том, что в публичной политике возник новый субъект, отвечающий общественным интересам. Подробный социологический анализ религиозности россиян приводит М.М. Мchedлова в статье «Роль религии в современном обществе» [1]. В современном обществе религия существует в трех аспектах:

- 1) личностный персональный религиозный опыт;
- 2) культурно-цивилизационная основа;
- 3) государственно-церковные отношения (авторитет и легитимность религиозных организаций).

По данным социологических исследований, религиозность россиян носит противоречивый характер. 58 % заявляют о своей вере в

Бога. Это на 11 % больше, чем в 2000 году. Само содержание веры неопределенно: 19 % респондентов верят в приметы, 13 % – в некую сверхъестественную силу, а не в личностного Бога. В этой группе большой процент молодёжи и людей с высшим образованием. В России традиционно самой распространённой конфессией является православие. К его последователям относят себя 75 % опрошенных, это на 14 % больше, чем число сказавших, что они вообще верят в Бога. Этот факт говорит не о религиозности отдельных индивидов, а об опоре на культурное основание, государственность, образ жизни, которые сложились под влиянием православия. В свободное время только 11 % россиян посещают церковь. Женщины более религиозны: 71 % верят в Бога, а 49 % – в себя. У мужчин соответственно 41 % – в Бога, 67 % – в себя. Среди социальных институтов гражданского общества церковь пользуется авторитетом у 63 % россиян. Больше доверяют только президенту – 66 %, правительству – 60 %, армии – 52 %.

Однако 14 % православных не доверяют церкви и ещё 23 % затрудняются с оценкой. В кризисных условиях жизни верующие настроены более оптимистично. В то же время они менее активны, реже работают по совместительству. Православные респонденты главной причиной экономического кризиса считают мировой капитал (26 %). 37 % неверующих видят причину в экономической политике российского правительства. Но никто из этой группы не намерен вступать в политическую партию для защиты своих интересов. В возможности профсоюзов верят только 4 % православных, ещё меньше – неверующие.

Россияне в ответ на ухудшение жизненных условий всё же ориентированы не на акции протеста, а на жизнь без потрясений. Верующие больше доверяют властным структурам. Массовое религиозное сознание формируется в условиях социальной неопределённости. Доминирующими пока остаются светские ориентиры. Однако данное исследование информирует о большом потенциале влияния церкви на социальный климат в России. Религиозность молодого поколения показывает устойчивость фундамента российского общества как культурно-цивилизационной основы. На этой же основе формируется и гражданское общество как совокупность экономических, моральных, культурно-духовных, религиозных, национальных интересов различных слоёв населения. Это сфера проявления свободной воли индивидов, деятельности различных ассоциаций и организаций граждан.

Институтами гражданского общества являются общественные

движения, клубы по интересам, независимые средства массовой информации, общественное мнение как социальный институт, религиозные общины, православные приходы, православные гимназии. Примером последнего может служить Свято-Алексеевская пустынь в Ярославской области. Сюда неоднократно выезжали студенты филиала РГСУ, обучающиеся по специальности «Социальная работа». Пустынь объединяет в себе специфику монастыря и учебного заведения. Она имеет Православный детский Центр-пансион долгосрочной социальной реабилитации, Православную классическую гимназию-интернат, Культурно-музейный комплекс, Клуб путешественников Фёдора Конюхова, конный кадетский корпус.

Пустынь стала возрождаться с 1991 года на месте небольшого женского монастыря усилиями священнослужителя Алексея Василенко (ныне иеромонах Пётр). Преподаются как обычные предметы средней общеобразовательной школы, так и церковные дисциплины. Гимназисты поступают не только в Свято-Тихоновский Богословский университет, но и в светские вузы. Действительно, в этой обители пытаются сформировать некую новую общность церковного и традиционного русского уклада. Проводятся научно-практические образовательные конференции, издаётся альманах «Православная гимназия». Прекрасные коллекции музеев, академически оформленные и организованные, привлекают многочисленных туристов. Но у будущих специалистов – социальных работников возникло и много вопросов по поводу детского труда, режима дня, гигиены. Тем не менее, это уникальное место и, несомненно, элемент гражданского общества.

В деле воспитания и образования, а также в других сферах церковь строит диалог с обществом, чтобы влиять на все значимые социальные институты. Поможет ли вообще православная идея сформировать устойчивую социокультурную модель российского общества? Некоторые авторы религиозной доктрины считают, что православие – это сила, равная национально-государственной традиции России [2].

Российская цивилизация, по их мнению, строится на православной традиции. С другой стороны, светские идеологи – авторы книги «Проект Россия» говорят о каком-то православном царстве, где страна сокрушит нечистый дух, а сама будет существовать вечно [3].

И те, и другие, на мой взгляд, вовсе не способствуют формированию гражданского общества в современной России. В истории России уже были призывы типа «Православие. Самодержавие. Народность». И хорошо известно, к каким негативным последствиям это

привело. Выбрав путь демократического развития, формируя институты гражданского общества, Россия должна обдуманно и осторожно выстраивать взаимоотношения общества, государства и церкви. Как полагает современный социолог Т. Луман, сейчас происходит трансформация религии в новую социальную форму, содержащую определённые наборы религиозных и светских ценностей, норм и образцов поведения. В этом смысле каждый человек волен выбирать подходящую ему систему религиозных ценностей.

Библиографический список

1. Мчедлова М.М. Роль религии в современном обществе» // Социс. 2009. № 12.
2. Русская доктрина. Сергиевский проект. М., 2008.
3. Проект Россия. Вторая книга. Выбор пути. М., 2008.

МИФОЛОГИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

И.В. Назаров
(УГЛТУ, Екатеринбург)

МИФЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Трудно назвать страну, в жизни которой мифы играли бы такую большую роль, как в России. Во многом это объясняется тем, что создание различного рода мифов всегда было любимым занятием русской интеллигенции. Огромную роль мифы играют в кинематографии, в средствах массовой информации, в политике. Национальное самосознание также формируется во многом из мифов. Много мифов в истории страны, мифологизируются и военные события, и мирная жизнь.

С помощью мифов можно манипулировать общественным мнением и направлять энергию масс в нужном направлении. Занятие это довольно опасное, потому что в созданные интеллигенцией мифы она сама начинает верить и убеждать в их истинности народ, а зачастую пытается переделать действительность в соответствии с этими мифами. Так было с ленинизмом – мифологемой о возможной победе социализма в одной, отдельно взятой стране, причем не обязательно экономически развитой. Миф этот был чисто русским, ибо К. Маркс утверждал, что социализм победит одновременно в нескольких, наиболее развитых странах, где капиталистические производственные отношения не только не способствуют развитию производительных сил, но и значительно тормозят это развитие.

Мифы зачастую дают надежду людям. Без надежды, без мечты человеку трудно жить, особенно в сегодняшнее, полное трансформаций время. Мифы уводят человека от бед и ужасов повседневности, от прозы жизни, дают повод для национальной гордости, часто мнимой. А смотреть правде в глаза, трезво оценивать страну и самих себя очень трудно. Гораздо легче национальным бахвальством компенсировать

ровать свои недостатки, бедность, лишения. Это соответствует менталитету русского человека, в котором самомнение и национальное бахвальство часто сочетается с отсутствием достоинства, с рабской покорностью. С одной стороны, мы привыкли гордиться успехами, реальными и мнимыми, с другой стороны, не научились ценить и уважать человека, его труд и достоинство, склонны заискивать перед иностранцами. На это обстоятельство русской души указывал еще Н.А. Бердяев.

Часто мифы создавались под явным или скрытым давлением правящих слоев, различных уровней власти. Бюрократия и элита всегда, во всех случаях заинтересованы в приукрашивании действительности, в раздувании своих заслуг перед народом. Это оправдывает ее господствующее положение в обществе, привилегии и почести, которыми она награждает себя от имени народа. Интеллигенция помогает бюрократии создавать государственную идеологию, способствует превращению этой идеологии в общенациональную.

Иногда реальные проблемы страны, требующие анализа и решения, наоборот, объявляются мифами, легендами, мнимыми вопросами, мешающими развитию страны. Так, В. Мединский, автор трилогии «Мифы о России», объявляет таковыми проблемы пьянства, лени, жестокости, воровства, долготерпения русского народа. По его мнению эти «черные мифы невероятно мешают нам: и внутри страны, и на международной арене... Внутри России мифы парализуют нашу волю, нашим врагам дают «право» теснить Россию политически и экономически... Россия не сможет стать современным и богатым государством, пока не отбросит их» [1, с. 259 – 260]. Объявить эти проблемы мифами, конечно, можно, отбросить их нетрудно, но при этом ничего не изменится, и Россия не станет «современным и богатым государством».

В. Мединский полагает, что проблема пьянства в стране – это псевдопроблема, миф, легенда, созданная, как и другие подобные выдумки, или русскими интеллигентами, или службами Запада. Он не замечает или не желает верить статистическим данным, согласно которым в России выпивается 15 литров абсолютного алкоголя (чистого спирта) в год каждым жителем. А по данным Всемирной организации здравоохранения, при восьми литрах алкоголя на душу населения в год нация начинает вырождаться, причем и физически, и морально.

Общественность страны бьет тревогу, положение с алкоголизацией общества обозначается как катастрофа, в стране объявлена оче-

редная антиалкогольная компания, разрабатывается программа по борьбе с алкоголизмом, а для Мединского пьянство на Руси – только сказка, легенда.

Россия занимает первое место в Европе по смертности от отравления алкоголем, водка становится причиной смерти полумиллиона россиян ежегодно, в стране официально 2,6 млн человек страдают алкоголизмом (реально в два раза больше). Только в 2007 г. около 89 тыс. человек умерли от чрезмерного потребления алкоголя. И это не «черный миф», а суровая российская действительность. Алкоголизм приобрел в России, по словам Президента страны В.А. Медведева, характер национального бедствия. Экспертами признаются алкоголиками 3,4 % взрослого населения страны, а злоупотребляющих алкоголем еще больше. Причем алкоголизм поразил не только мужчин, но и женщин – в стране 473 тыс. алкоголичек. На этом фоне заявление Мединского о том, что «проблема женского алкоголизма, к счастью, в России не является угрожающей» [1, с. 272], кажется насмешкой над здравым смыслом. К тому же для доказательства пьянства в Европе, а не в России автор книги прибегает к «лукавым цифрам». Так, он пишет, что «по потреблению вина на душу населения мы занимаем 20-е место в мире... . В среднем россияне потребляют в год 6,1 литра вина на человека. Возглавляет таблицу Франция с 55,4 литра на душу населения в год, за ней следует Португалия – 52,6 литра, на третьем месте Италия – 51,1 литра» [1, с. 267].

И становится непонятно, почему же именно наши газеты полны заголовками «Спивается деревня», «Пьянствуют поселки и города». С алкоголизмом надо бороться, проблема эта сложная, комплексная, но объявление пьянства мифом вряд ли поможет решить эту проблему. Больше того, она должна быть четко, недвусмысленно названа, исследована, всесторонне рассмотрена, обсуждена, и это позволит наметить пути, способы преодоления алкоголизма в нашей стране, потому что мы пьем много, сразу и часто. А вывод Мединского, что «мы живем в одной из самых здоровых стран мира, с самым качественным генофондом и низким уровнем алкоголизации» [1, с. 354] основан на желании видеть жизнь лучше, чем она есть, и противоречит фактическим данным и по продолжительности жизни россиян, и по числу погибших от алкоголизма. Из-за алкоголизма у нас продолжительность жизни мужчин на 12–14 лет меньше, чем у женщин.

В итоге, нельзя не согласиться с Г.Г. Заиграевым, который в статье, посвященной алкоголизму в России, пишет: «Будучи для России и

в прежние времена исключительно злободневной, проблема пьянства в начале XXI в. приобрела особенно болезненный для общества характер. По своему разрушительному воздействию на судьбы людей, физическое и нравственное здоровье народа нынешние масштабы алкоголизации общества не идут ни в какое сравнение с их историческими размерами. Практически по всем своим параметрам – уровню потребления алкоголя, заболеваемости, смертности населения, преступности на почве злоупотребления спиртными напитками, подверженности алкоголю подростков и женщин – острота проблемы пьянства приобрела характер, серьезно подрывающий социально-экономические, духовно-нравственные основы жизнедеятельности общества и государства, национальной безопасности» [2, с. 74]. Он указывает и на разнообразные причины алкоголизации и пьянства: экономические, социально-экономические, социально-психологические, психологические, социокультурные, психофизиологические. Причем в массовом сознании умеренное потребление алкогольных напитков выступает как социальная норма, как часть бытовой культуры и образа жизни.

Мифами является представление о соборности, высокой духовности народа, его доброжелательности, братском отношении друг к другу. Много пишется о природной доброте, «широте души» русского человека, проявлении любви к друзьям, родственникам, близким людям. Утверждается, что на Западе господствует бездуховный техницизм и индивидуализм, а россияне – носители высокой культуры и духовности. Иначе и быть не может в стране «мечтателей и ученых».

Часто о высокой духовности народа предлагают судить по тем талантливым, гениальным людям, которые внесли вклад не только в национальную, но и в мировую культуру. И действительно, русский народ дал миру гениальных ученых, писателей, композиторов, художников, поэтов. Мы склонны судить о народе, нации, стране не по типичным представителям, не по большинству населения, а по его лучшим представителям. Но А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, П.И. Чайковский (перечень может быть очень длинным) были представителями дворянской культуры, которая была недоступна большинству населения.

В массовом сознании духовная жизнь характеризуется примитивностью, отсутствием уважения к человеку и результатам его труда, правовым нигилизмом.

Россия занимает первое место в мире по торговле людьми, потреблению алкоголя, второе место – по числу умышленных убийств,

третье место – по числу заключенных на 100 тыс. населения. В год регистрируется 3,5 млн преступлений, а, по мнению бывшего Генерального прокурора В. Устинова, совершается 9 млн, т.е. 17 преступлений каждую минуту. Это значит, что 2,6 % граждан являются преступниками, а с учетом латентной преступности – 6 %. Социологические исследования показали, что выявленные криминологами черты личности правонарушителей (импульсивность, эгоистичность, агрессивность, мстительность, пренебрежение к закону, беспринципность и жестокость) во многом присущи населению в целом.

Ежедневно от руки домашнего тирана в семье погибает 41 женщина, 36 тыс. подвергаются избиениям. По официальным данным, каждая четвертая семья страдает от домашнего насилия, а по анонимным опросам, – каждая вторая. В стране 3 млн беспризорных детей, официально насчитывается 810 тыс. сирот, за последние 10 лет их число увеличилось вдвое. При этом большинство из них – социальные сироты, у которых живы родители. Ежегодно в родильных домах матери оставляют 12 – 13 тыс. младенцев. Страна, которую пытаются представить чуть ли не святой, является безусловным лидером по количеству отказных детей и занимает первое место в мире по числу детей – сирот.

Сейчас нередко высказывается мнение, что если бы духовность была присуща всему народу, то он не допустил бы кровавую бойню революции и гражданской войны, коллективизацию, голод и ГУЛАГ. Оригинальные идеи о причинах жестокости русского человека развивал Н.А. Бердяев. Он считал, что душа человека имеет три начала: святое, человеческое и звериное, причем человеческое начало у русского человека развито слабее, чем у других народов. «Святая Русь, – писал он в размышлениях о русской душе, – имела всегда обратной своей стороной Русь звериную. Россия как бы всегда хотела лишь ангельского и зверского и недостаточно раскрывала в себе человеческое. Ангельская святость и зверская низость – вот вечные колебания русского народа, неведомые более средним западным народам. Русский человек упоен святостью, и он же упоен грехом, низостью» [3, с.30].

Особенно это проявляется в экстремальных ситуациях, хотя нередко и в обычных, о чем мы хорошо знаем из классических произведений отечественной литературы. Достаточно вспомнить чеховские повести «В овраге», «Мужики», «Барыня». В них дается изображение всех кругов «деревенского ада». Великий русский писатель разоблачает славянофильские мифы о якобы изначально заложенной в русском народе христианской сущности, его особой избранности и духовной высоте по

сравнению с другими народами.

За годы советской власти в национальном характере русского человека произошли значительные изменения. Первое и самое главное – уменьшилась роль святого начала. Это связано с массовым отходом от религии, господством атеистической идеологии. Кроме того, ожесточенная классовая борьба, уничтожение враждебных классовых элементов не способствовали развитию духовности. В.И. Ленин писал, что без жестокости нельзя победить в революционной борьбе, он призывал к массовому террору, расстрелу священников, репрессиям; и призывы эти попали в благодатную почву. И.В. Сталин развязал массовый террор в стране в мирное время, что привело к гибели сотен и сотен тысяч соотечественников. Этот террор не только способствовал произволу и насилию, но и калечил души людей, вел к нравственному разложению во всех слоях общества.

В настоящее время по числу убийств на 100 тысяч жителей Россия занимает одно из первых мест в мире. В большинстве европейских стран совершается 1–3 убийства на 100 тысяч жителей, в США вдвое больше – 5,6. Жители нашей страны истребляют друг друга намного активнее – 19,9 убийства. По числу заключенных, содержащихся в тюрьмах, на 100 тысяч человек Россию опережают лишь Руанда и США из 172 стран мира [4, с. 637].

Когда В. Мединский пишет, что «мы добрее, мягче, меньше склонны к жестокости и кровопролитию... . Крови в русской истории пролилось меньше потому, что таков характер нашего народа» [1, с. 450], то это противоречит историческим фактам, реальному положению в стране.

Отчего так популярен миф о высокой духовности народа? Что позволяет говорить об этом вопреки очевидным фактам и результатам статистики? Объясняется такое положение, во-первых, тем обстоятельством, что в русском обществе, действительно, всегда были и есть высокодуховные люди, которые живут интересами общества, глубоко чувствуют страдания народа и стараются облегчить их. Это отдельные представители интеллигенции, которые думают в первую очередь о своем народе, о его развитии, просвещении, успехах и только в последнюю очередь о себе и своих близких. Жизнь их и деятельность настолько ярка и значима, что их величие переносится на весь народ, не обращается внимание на то, что таких людей очень мало, и не они определяют характер народа в целом.

Вторая причина идеи о высокой духовности народа – страстное

желание иметь эту духовность, это богатое воображение ее авторов, это острое желание в чем-то превосходить другие народы. Так, политолог В.В. Аксютин отмечает, что « в настоящее время русский народ в целом деградирует и вымирает. И не потому, что достиг дряхлого возраста или иссякли его жизненные силы. Главная причина – невиданные испытания XX века» [5, с.75]. Но, игнорируя этот вывод, он оптимистически заключает: «Россия призвана современной ситуацией стать мировой державой нового качества, духовно определяющей судьбы человечества... . Наша трагическая история наделила нас уникальным духовным опытом, который обязывает к трагическому оптимизму» [5, с. 79, 84]. Как вымирающий народ создаст нормальную, достойную жизнь себе, а тем более будет определять судьбы других народов, сторонник «трагического оптимизма» не раскрывает.

Третья причина – трудность измерения этой духовности, отсутствие объективных критериев ее оценки. Утверждать наличие и высокий уровень духовности своего народа всегда предпочтительнее, и такое утверждение благожелательнее воспринимается общественностью, чем любые другие утверждения.

Одним из мифов, активно насаждаемых средствами массовой информации, является утверждение об обреченности России быть великой державой мира. Действительно, Россия была и долго будет огромной по размерам территории страной, но величие страны – это понятие историческое и четко не определенное, по крайней мере, однозначно не связанное с размерами страны. Если взять за отсчет обладание атомным и водородным оружием и средствами его доставки, то Россия – в ряду великих держав, а если взять уровень благосостояния, – страна, скорее, среднеразвитая, а если уровень урожайности зерновых, – скорее, относится к слаборазвитым странам.

Академик Л.И. Абалкин отмечал, что «нам очень важно восстановить державное мышление... . И мы эту задачу можем решить, поскольку мысли о державе, об исторической судьбе России заложены в генах нашего народа. Державное мышление должно стать принципом реальной политики и реального поведения, доказать свою способность к общенациональному единению в решении стратегических задач» [6, с. 6].

Л.И. Абалкин сожалеет об ощущаемом им сегодня дефиците державного мышления. Последнего так ему и не хватает. Он совсем не беспокоится о том, что большинство населения не всегда может обеспечить себя всем необходимым, не может свести концы с концами

и ему не до державного мышления. Более того, эта державность дорого обходится простому россиянину. Это начинают понимать все больше и больше населения страны. Так, согласно опросу россиян в ноябре 2005 г., проведенному Аналитическим центром Ю. Левады, 62% опрошенных предпочитают видеть Россию «страной с высоким уровнем жизни, пусть и не одной из самых сильных стран мира». При этом, по результатам опроса, 36 % респондентов хотят, чтобы Россия была «великой державой, которую уважают и побаиваются другие страны». Одной из основных проблем, которая волнует большинство россиян, – это низкий уровень собственного благосостояния. Поэтому повышение уровня жизни, что непосредственно связано с материальной ее составляющей, кажется россиянам более значимым, нежели статус великодержавности.

Идея о величии тесно связана с мифом, предполагающим самостоятельность, независимость России от других стран и остального мира в целом. Страна представляется как бы самодостаточной; считается, что она может прожить без связи со странами Востока и Запада. Но мы тесно связаны со всем миром и даже зависим от него, в частности, от мировых цен на нефть. А. Нецадин верно отмечает, что «в мире давно существует разделение труда между развитыми странами, и ни одна из стран не боится того, что по ряду позиций она находится в состоянии критического импорта. Стремление к самодостаточности присуще только России, как стране, врагом которой является весь остальной мир. Но, в реальности, уже несколько десятков лет мы зависим от поставок продовольствия от других стран» [7, с. 287].

Во всех наших бедах мы привыкли винить всегда врагов, как внешних, так и внутренних. А так как наша история полна бед, несчастий, поражений, то врагов всегда насчитывалось немало. К внешним врагам относились печенеги, половцы, монголы, ляхи, шведы, турки, все империалисты, страны НАТО. Внутренними врагами считались на разных этапах нашей истории бояре, евреи, студенты, в советское время – демократы, агенты влияния, либералы. В повести «Поединок» (1905 г.) А.И. Куприн рассказывает, как солдат учили, что «внутренними» врагами Отечества являются «бунтовщики, студенты, конокрады, жида и поляки».

Эта тенденция частично сохранилась, и ровно через сто лет, в 2005 году, снова, но сейчас уже 20 депутатов Государственной Думы пишут о необходимости запрета всех еврейских организаций как экстремистских и опасных для общества.

Профессор В.В. Согрин отмечает, что «восприятие евразийской, или антизападной, концепции обрекает Россию продолжать нести многовековое имперское ярмо и не дает никаких шансов вырваться из бедности, а тем более осуществить успешную модернизацию и стать современным обществом. Это наиважнейший урок российской истории и это неопровержимый вывод, извлекаемый из анализа современных тенденций. ... Антизападная идеология, которая в прежние эпохи имела откровенно пропагандистскую направленность, сегодня превратилась в абсолютный миф» [8, с. 22]. Он справедливо считает, что угрожают современной России не США, Германия, Франция, а собственная бедность, массовые болезни, внутренняя коррупция, бюрократия, терроризм, преступность, невежество. В эпоху глобализации Россия может продвигаться вперед только в самом тесном сотрудничестве с западной цивилизацией, единственной живущей уже в постиндустриальном мире. Высшей ценностью общества должно быть не величие и мощь всепоглощающего государства, а благосостояние нации и благополучие каждого ее гражданина.

История знает такие примеры, когда, избавившись от великодержавных амбиций, страна обретает покой, богатство и процветание. Так, Швеция в начале XVIII в. была великой и могущественной державой, доминировавшей в Скандинавии и на севере Европы. Но она оставалась бедной страной и страдала от своих имперских амбиций. После поражения в войне с Россией в Швеции были пересмотрены взгляды и ориентиры, она отказалась от великодержавности в пользу идей демократии, нейтралитета и социальной защиты. Современная Швеция – это государство, которое руководствуется принципами равенства и социальной справедливости, с тем чтобы все слои населения могли жить достойно, чтобы не существовало больших контрастов между имущими и малообеспеченными, у всех было приемлемое жилье, качественное обслуживание и обеспеченная старость.

В качестве примера можно привести заботу страны о подрастающем поколении – каждая семья получает пособие на ребенка в течение 16 лет ежемесячно в сумме ста долларов. И старение в Швеции не является драматичным процессом – пенсия составляет 75 % от сравнительно высокой зарплаты, и только 2 % пожилых людей считают, что живут плохо.

Много мифов создано и в военной истории России. Новые опубликованные документы, исторические исследования, мемуары позво-

ляют дать более адекватную картину военных событий, все более отойти от стереотипов, пропагандистских схем. Историк Б. Соколов отмечает, что «та история, которую мы привыкли читать и видеть (в документальных и особенно художественных фильмах), за редким исключением напоминает сильно протертый и пресный диетический суп. Правда о войне до сих пор сокрыта в очень высоких архивах... . Из того же, что писали советские историки да генералы-мемуаристы, война редко представляла подлинной трагедией не только для побежденных, но и для победителей... . Как и всякая война, Великая Отечественная война и события, ей предшествовавшие, начали мифологизироваться еще в ходе боевых действий, в 1941 – 1945 годах. Основой мифа стали героизм и жертвенность. Основой мифологии стали выступления и приказы Сталина... Эта война по-прежнему остается наиболее мифологизированным периодом российской истории... . При этом мифы конструируются с самого верха, а затем транслируются государственно (националистически) настроенными публицистами и историками [9, с. 13, 80, 209].

Одним из таких мифов является представление о «вероломном фашистском нападении на ни о чем не подозревавший, миролюбивый Советский Союз». Но это не соответствует действительности и рассматривается как пропагандистское оправдание наших поражений в начале войны. На самом деле подготовка советского нападения на Германию началась вскоре после того, как две империи «по-братски» поделили Польшу. Нападением на Польшу 17 сентября 600-тысячная Красная Армия нарушила, как минимум, 9 международных договоров, в том числе пакт о ненападении, срок которого истекал 31 декабря 1945 года. В результате четвертого раздела Польши к СССР было присоединено 202069 км территории (51,4% площади Речи Посполитой), где проживало 13 млн человек. СССР на первых порах рассчитывал на мирную оккупацию и аннексию тех территорий, которые выторговал у Гитлера. Так получилось с Польшей, с государствами Прибалтики и Румынией, принявшими советские ультиматумы. Но вот с Финляндией пришлось воевать и заключать мир, предусматривающий, по крайней мере на ближайшее время, независимость ее, пусть и в урезанном виде.

Если бы СССР успел первым напасть на Германию, его никто не осудил бы ни в сражающейся Англии, ни в готовящихся вступить в войну США, ни в оккупированных Германией странах Европы, хотя с формальной стороны это была бы агрессия.

СССР активно готовился к войне. Так, к началу Великой Отече-

ственной войны в Красной Армии насчитывалось 23106 танков и самоходных артиллерийских установок, из них в западных округах 12782 танка и САУ, включая 1475 новейших Т-34 и КВ. Всего в Красной Армии имелось 19583 боевых самолета, из них на Западе 10743, в том числе 1317 машин новых типов.

У Германии на Востоке было не более 2534 боевых самолетов и 3680 танков [9, с. 58].

По численности личного совета Красная Армия, даже не осуществившая еще полной мобилизации, превосходила своего противника на Западе в 1,25 раза.

«К 22 июня 1941 года Красная Армия в целом имела почти в 6 раз больше танков и в 3 раза больше самолетов, чем вермахт, имела 5 воздушно-десантных корпусов против одной парашютной дивизии у немцев» [9, с. 78]. Исходя из такого превосходства Сталин готовился к наступательным действиям на вражеской территории, придерживаясь догмы о непобедимости и «легкой победе» Красной Армии. Громадная боевая мощь бронированных ударных сил, наличие новейших танков КВ и Т-34 позволяли Красной Армии вести обширные наступательные операции.

В мае 1941 года Сталин приказал призвать еще 800000 резервистов, так что наготове стояли около 300 дивизий, недоукомплектованных до боевой численности лишь на 2500 человек каждая. Были проведены секретная мобилизация и тайное стягивание войск к западным границам под видом учебных сборов. Народ и армию стремились убедить в том, что воевать придется «малой кровью» и на чужой территории, а вражеское нападение будет с легкостью отражено, да еще СССР придут на помощь братья по классу в капиталистических странах.

Поскольку миф о миролюбии СССР и неготовности к войне очень устойчив, Соколов приводит подробные доказательства подготовки СССР к войне и именно к наступательным действиям, т.е. к нападению на своего союзника – Германию.

Об этом свидетельствует характер расположения войск, когда особенно «мобильные», т.е. механизированные, моторизованные и кавалерийские соединения, были сосредоточены преимущественно на глубоко вдававшихся в германскую территорию фронтальных выступлениях под Белостоком и Львовом.

Секретная концентрация авиации, развертывание авиационного тыла и тыловых служб были также уже почти завершены к 22 июня 1941 года. В непосредственной близости от государственных границ

была сконцентрирована мощная наступательная группировка авиации и оборудована в этой зоне плотная сеть оперативных аэродромов. Явные наступательные намерения выдавало и подтягивание всех материальных ресурсов вооруженных сил непосредственно к западной границе государства. Огромные склады с боеприпасами, оружием, со всеми мобилизационными запасами создавались практически в сфере досягаемости вражеского огня.

Верным признаком широкомасштабных наступательных планов являлись карты, которыми были оснащены части Красной Армии. Это были карты, сориентированные глубоко на Запад, в глубь германской территории.

О советских наступательных планах говорит и тот факт, что военные игры последних лет, штабные учения и т.п. были принципиально наступательными и носили атакующий характер.

«Сохранилось немало бесспорных, неопровержимых свидетельств того, что Сталин собирался напасть на Германию летом 1941 года. Так, первоначально напасть на Германию предполагалось еще в июне 1941 года..., уже в мае срок начала наступления был передвинут с июня на июль» [9, с. 60, 61]. Согласно плану Генштаба, предполагалось нанесение «упреждающего удара» на юго-западном направлении, где 152 советские дивизии разгромят 100 немецких и на 30-й день наступления, захватив район Катовице, выйдут на рубеж Олмоуц, Оппельн, Крейцбург, Лодзь, Модлин, Остроленка. Затем наступающие должны были повернуть к Балтике и отрезать немецкие силы в Польше и Восточной Пруссии.

Еще одним решающим доказательством в пользу намерения Сталина начать вторжение в Европу именно в июле 1941 года служит решение Политбюро от 4 июня о формировании к 1 июля в составе Красной Армии 238-й стрелковой дивизии, «укомплектованной личным составом польской национальности и знающими польский язык» общей численностью в 10298 человек.

Германо-советская война была неизбежной. Оставался открытым лишь вопрос о том, какая из двух держав сможет опередить противника. С учетом огромного превосходства Советского Союза в вооружении, особенно в танках, самолетах и артиллерии, над войсками вермахта июнь 1941 года представлялся Гитлеру последним возможным сроком, когда вообще еще можно было вести превентивную войну. Считается, что Сталин предполагал развернуть военные действия против Германии в июле 1941 года.

Таковы некоторые мифы современной России. Они мешают видеть реальные проблемы страны, и если мы будем опираться на эти мифы, будем продолжать строить воздушные замки, то в стране будут только нарастать социальные противоречия, она будет по-прежнему отсталой и бедной. При разработке вопросов развития страны необходимо избавляться от подобных мифов и исходить из реального положения России.

Библиографический список

1. Мединский В.Р. О русском пьянстве, лени и жестокости. / В.Р. Мединский / Изд. 2-е. М., 2009.
2. Заиграев Г.Г. Алкоголизм и пьянство в России. Пути выхода из кризисной ситуации / Г.Г. Заиграев // Социс. 2009. № 8.
3. Бердяев Н.А. Судьба России. Самопознание / Н.А. Бердяев. Ростов н/Д, 1997.
4. Ключев Н.Н. Россия на мировой карте социального благополучия / Н.Н. Ключев // Вестник РАН. 2009. № 7.
5. Аксютин В.В. Национальный образ России / В.В. Аксютин // Вестник УрО РАН. Наука. Общество. Человек. 2003. № 1(3).
6. Абалкин Л.И. Н.Я. Данилевский о России, Европе и славянском единстве / Л.И. Абалкин // Социс. 2003. № 5.
7. Нецадин А. Россия, которую мы ищем / А. Нецадин // Экономика и общество. 2000. № 9–10.
8. Согрин В.В. Уроки российской истории и современные реформы / В.В. Согрин // Вопросы философии. 2002. № II.
9. Соколов Б. Красный колосс. Почему победила Красная Армия? / Б. Соколов. М., 2007.

Н.Ф.Старыгина
(УГЛТУ, Екатеринбург)

**МИФОЛОГИЗИРУЕМЫЙ МИР
В СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЕ**

Рекламная коммуникация, как и всякая массовая культура, является одной из форм реализации современной мифологии. Это выража-

ется, прежде всего, в особом способе переживания реальности (иррациональном, нерелексивном, некритичном) и в особом способе структурирования мира.

Реклама по типу ее создания и использования вполне может быть отнесена к сфере мифологии, в то время как, по сути, является псевдомифологией, ибо реклама формирует якобы жизненно значимые ситуации, придает высокий жизненный статус событиям и действиям рутинно-обыденного характера, иными словами, нарушает порядок уровней бытия и иерархию статусов, фактически разрушая то, что почиталось задачей подлинного мифа [1].

В настоящее время печатная реклама оказывается тем самым средством массовой коммуникации, которое приводит к унификации и распространению одной и той же культурной продукции, одних и тех же моделей поведения и одних и тех же мифов.

Одна из основных причин называть рекламу мифологической коммуникацией – сознательное конструирование в ее рамках тех или иных моделей поведения потребителей и даже предварительное прогнозирование их психологических реакций [2]. Иррационализм современного мифотворчества не является бессознательным, естественным, как это было у первобытных носителей мифического сознания. Он вводится и используется сознательно для того, чтобы сконструировать мифологическую реальность и заменить ею существующую.

По мнению критиков массовой культуры, подобное конструирование мифологической реальности нужно для того, чтобы проникнуть в глубины «человеческого бессознательного», актуализировать существующие там архетипические структуры и подключить их к переживанию нынешних впечатлений, тем самым усилив их воздействие [2].

Корнилова Е.Е. отмечает, что реклама создает иной, нереальный мир в противовес существующему, тем самым разрушая мифологическое единство или замещая его. Но этот вымышленный, мифологизированный мир всегда предстает или как идиллический, или как победивший хаос [2].

Для того чтобы иметь возможность произвольно сопоставить друг с другом мир реальный и мир нереальный, в рекламе они должны иметь «отчетливую фиксацию нашей психической системой не в форме образов, наполненных содержанием, а вначале лишь в формах без содержания, представляющих просто возможность определенного типа восприятия и действия, т.е. в виде архетипов» [1, с. 464].

Архетипы становятся основой рекламы. Более того, многие ис-

следователи утверждают, что реклама может быть классифицирована исходя из типологии архетипов, где выделяются позитивные архетипы (герой, воин, дар, женщина), архетипы экзистенциального содержания (путь, полет, падение, тьма, жизнь, смерть), архетипы жизнеустроительные (земля, родина, ось мира, мировое древо), архетипы времени (золотой век, счастливое детство) и т.п. Что касается восприятия времени, то имеется в виду образное отражение таких характеристик окружающего мира, как длительность, скорость проявления, последовательность [1]. Архетипы в рекламном тексте существенным образом влияют на отражение человеком так называемого «социального времени», специфика которого обуславливается общим культурно-историческим контекстом.

Получается, что реклама, создавая свой особый архетипичный мир, может использовать каждый предмет мира в качестве нового имени, шифра, в которых отражаются замысел создателя, актуализированные или потенциальные их значения, а также представление о возможных культурных контекстах этого предмета. А поскольку любой предмет человеческой культуры существует в исключительно сложном семантическом культурном контексте и «специфика человеческого взгляда на предмет заключается в способности видеть культурные шифры предметов», сам процесс означивания, называния, каталогизации предметов становится предметом культурного творчества. А. М. Бауман отмечает, что в этом смысле реклама создает своеобразное виртуальное пространство, вполне реальное и в то же время иллюзорное, которое имеет смысл исключительно в качестве суррогата, искусственного заменителя, знака иной действительности – существующей, но недостижимой [3].

Принимая во внимания все вышеизложенное, мы полагаем, что в современной рекламе туризма могут быть реализованы похожие механизмы. Один из них – это сознательное моделирование рекламного туристического текста с точки зрения включения в его структуру двух миров: мира реального (существующего) и мира моделируемого (виртуального).

Вообще современное понятие реального мира (лат. *realis* – действительный, существующий) используется специалистами и исследователями в качестве мира объективной внечеловеческой данности, т.е. реальный мир – это мир, окружающий человека, порождающий энергию. Реальный мир представляет собой противоположность призрачного мира иллюзии, где ничто не порождает энергию [4, с. 23].

Моделируемый мир – это своеобразный гиперреальный мир видимостей (фантомов сознания), которые не имеют к реальности никакого отношения. Согласно мнению Ж. Бодрийара, современная реклама является своего рода симулякром, предлагающим человеку моделируемый ею мир. Само же понятие симулякр трактуется им как образ, который заменяет, а впоследствии и вытесняет реальность [5].

Моделируемый мир интерпретируется средствами образного искусственного мира, передается человеку через ощущения. А для предоставления потребителю возможности погружения в такой мир должно использоваться реальное время, имитируемая обстановка должна быть смоделирована с высокой степенью реализма, потребитель должен иметь возможность воздействовать на обстановку с обратной связью. Бауман отмечает, что моделируемый мир целостен, а это значит, что он содержит все существенное для продолжения своего бытия. Все, чего он не содержит, несущественно и может не приниматься в расчет [3, с. 79].

Кроме этого, моделируемый мир в рекламных текстах использует энергетику архетипических символов. Адресуя потребителю рекламное сообщение, создатель рекламы фактически использует архетипические образы (символы) в качестве ключа к подсознанию потребителя. Архетипическое моделирование мира в рекламе позволяет достичь эмоциональной связи между маркой и архетипическим символом. Оно направлено на формирование ассоциативных связей между продвигаемым товаром и его торговой маркой. Благодаря энергетике архетипического мира, такая «эмоциональная связка» позволяет товару приобрести символическую ценность в глазах потребителя.

Таким образом, архетипическое моделирование мира позволяет переносить символическое значение архетипического образа на торговую марку товара, а затем и на сам товар.

Неразгаданность, тайна, метаморфоза моделируемого мира в рекламе позволяют нам находить в нем новые значения. Благодаря новым интерпретациям рекламного текста, реклама, в частности, в туризме постоянно видоизменяется.

Туризм – одно из средств удовлетворения человеческой потребности в разнообразии. Благодаря приобретению новых знаний и расширению кругозора происходит повышение культурного уровня человека. Прагматическая направленность туристических рекламных текстов является решающим фактором, обуславливающим специфику

определенной картины мира человека. Картина мира понимается как система знаний о мире, его закономерностях и устройстве, о человеческом бытии.

Благодаря изучению семантического пространства предметной области «туризм» мы можем получить представление о конкретном фрагменте картины мира, общечеловеческие универсалии. По нашим наблюдениям, туристический рекламный текст (в дальнейшем – ТРТ) представляет собой функционально-семантико-структурное единство и обладает определенными правилами построения. Структурная организация ТРТ находится в прямой зависимости от его функций и семантической установки.

Принимая во внимание многоаспектность феномена ТРТ, мы придерживаемся, прежде всего, его коммуникативного понимания как любой последовательности знаковых единиц, основными свойствами которой являются текстовые категории, функционирующие в сфере маркетинговых коммуникаций. Однако значительно чаще представленные вербальные компоненты ТРТ так тесно взаимосвязаны, что в отрыве друг от друга теряют свою самостоятельность как коммуникативные единицы. Они настолько структурно взаимообусловлены, что их нельзя рассматривать иначе, нежели как особое коммуникативное и структурно-смысловое объединение.

Функционально-семантическая структура ТРТ представляет собой систему турпредприятий, функционирующих с целью предоставления и реализации туристских услуг, а также осуществления туристской деятельности для отдельных групп населения.

Туристический рекламный текст содержит несколько обязательных функционально-семантических элементов:

- 1) адресант – отправитель, который предлагает основные, сопутствующие и дополнительные услуги;
- 2) туристский продукт – тур, который включает основные, сопутствующие и дополнительные услуги;
- 3) потребитель – турист, который пользуется услугами турпредприятия.

Создание привлекательного туристского продукта является первой и самой важной задачей любого турпредприятия. Эта сфера деятельности связана непосредственно с производственными процессами. Товарная политика туристских компаний требует принятия согласованных решений между производством и реализацией, а также решений, касающихся ассортимента туров, программ обслуживания и

количества туристского продукта.

Туристский продукт может быть представлен в различных формах в зависимости от направленности на удовлетворение тех или иных потребностей туристов и их предпочтений. Это могут быть как отдельные услуги (например, проживание в гостинице, авиабилеты), так и комплекс подобных услуг (тур), объединенных и взаимосвязанных единой целью путешествия и предлагаемых туристам в одном турпакете. По сути, само понятие турпакет и есть турпродукт.

Пакет услуг (турпакет) – это произведенный туроператором турпродукт, состоящий из определенного набора услуг: перевозки, размещения, питания, экскурсий и т.д. [6, с. 18]. Пакет услуг на туре формируется в зависимости от целей путешествия и потребностей туристов по выбранному ими виду туристского отдыха.

Практическая ценность туристского продукта определяется набором атрибутов – существенных, объективных свойств и характеристик, воспринимаемых и оцениваемых потребителями. Поэтому туристский продукт следует рассматривать с позиции многоуровневой мультиатрибутивной модели, являющейся основой для принятия решений по его формированию, развитию и совершенствованию [7].

В рамках дальнейшего исследования ТРТ следует подробно рассмотреть каждый уровень указанной модели. В основе любого туристского продукта лежит необходимость удовлетворения какой-либо потребности. Поэтому «сердцевину продукта, его сущностную сторону представляет так называемый замысел (ядро) продукта, то есть его направленность на решение определенной проблемы, удовлетворение конкретной нужды» [7].

Получается, что, в действительности, турист приобретает не продукт как таковой, имеющий определенный набор свойств, а его способность удовлетворить некоторую потребность. Следовательно, для туристского предприятия огромное значение имеет представление и распространение не свойств продукта, а реальной пользы и выгоды от него. Решающим является то, каким образом продукт по замыслу реализуется и представляется в ТРТ – это первый уровень.

Если замысел туристского продукта выступает как его содержательная сторона, то по форме «туристский продукт в реальном исполнении (реальный продукт) представляет собой именно определенный набор свойств, позволяющих реализовать этот замысел, то есть удовлетворить некую потребность туриста» [7]. Поэтому на втором уровне туристского продукта рассматриваются его свойства и характери-

ки: уровень качества, комфорт, престиж, экономичность, безопасность и впечатления. Они обычно помогают привлечь потребителей к товарной марке и отличить данный продукт по замыслу от предложений конкурентов.

Третий уровень – туристский продукт с подкреплением (расширенный продукт) – связан с характеристиками, которые дополняют его потребительскую ценность. В этом смысле А.П. Дурович отмечает, что деятельность туристского предприятия должна быть направлена на формирование дружеских отношений с клиентом, оказание ему всесторонней помощи, предоставление дополнительных и символических выгод [7]. А это может быть достигнуто благодаря высокому уровню качества и скорости обслуживания, с помощью консультаций, информирования, неформального общения и т.д.

Рассмотрение туристского продукта с позиций многоуровневой мультиатрибутивной модели чрезвычайно важно для организации эффективной туристской деятельности и взаимосвязано с нашими представлениями о природе создания турпродукта в рекламном тексте. В первую очередь эта взаимосвязь касается уже упомянутого нами описания рекламы с точки зрения мира реального и мира мифологизируемого. Если брать за основу уровни мультиатрибутивной модели турпродукта, то можно их сопоставить с указанными мирами, а точнее, предположить, что мир мифологизируемый есть продукт по замыслу, мир реальный – это реальный продукт, а продуктом с подкреплением является дополненный (расширенный) реальный мир в ТРТ.

Библиографический список

1. Геращенко Л.Л. Мифология рекламы / Л.Л. Геращенко. М., 2006.
2. Корнилова Е.Е. Слово и изображение в рекламе / Е.Е. Корнилова. Воронеж, 2008.
3. Бауман А.М. О постмодерне / А.М. Бауман. // Социологический журнал. 1994. № 4.
4. Сидоров Е.В. Коммуникативный принцип исследования текста / Е.В. Сидоров. М., 1987.
5. Бодрийар Ж. Система вещей / Ж. Бодрийар. М., 2001.
6. Морозов А.В., Морозова Н.К. Реклама в социально-культурном сервисе и туризме / А.В. Морозов, Н.К. Морозова. М., 2002.
7. Дурович А.П. Организация туризма / А.П. Дурович. – СПб.,

2009.

В.Н. Попова
(УрГУ, Екатеринбург)

МИФОЛОГИЗАЦИЯ ПРАЗДНИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Важной методологической посылкой при изучении сущности праздника является различие между историей и мифом, различие между фактами и памятью. Любое припоминание истории уже до некоторой степени обретает мифологическую окраску, поскольку проходит через индивидуальное, субъективное сознание, обусловленное, в свою очередь, коллективным сознанием и историко-культурным контекстом. Каковы бы ни были факты, важно выяснить не то, как было на самом деле, а почему именно те или иные события остаются в памяти культуры и почему именно в такой форме они закрепляются в памяти людей – носителей культуры. Истинность воспоминания при этом предопределена идентичностью, которая формируется культурной памятью.

«Проживая» мифы, мы выходим из времени хронологического, светского и вступаем в пределы качественно другого времени, времени «сакрального», одновременно исходного, первоначального и в то же время бесконечно повторяющегося» [1, с. 23]. Миф как одна из несущих конструкций культуры, безусловно, является одним из структурообразующих элементов праздничной культуры. Мифологизация праздника при этом является основой и истоком его сакрализации. В.Н. Топоров писал, что наиболее часто праздник мотивируется мифом – событие, рассказываемое в мифе, рассматривается как прецедент, отмечаемый соответствующим праздником, в котором может воспроизводиться, в частности, и сам этот миф.

«Праздник предстает как актуализация первых времен мироздания, изначальной эры великого творения, когда все вещи, живые существа, социальные институты сложились в своей традиционной и окончательной форме. Это та самая эпоха, когда жили и действовали божественные прародители, чью историю рассказывают в мифах» [2, с. 223]. «Новое погружение в вечность», которое происходит во время праздника, дает обществу возможность омолодиться, противостоять времени и обветшанию за счет воспоминания о «золотом веке» и проведения параллелей с ним в настоящее. Немаловажное значение

при этом обретают «места памяти» (термин П. Нора) – праздники зачастую проводятся в пространстве, также наделенном сакральной силой. Так, религиозные праздники разворачиваются в храмах, святынях, праздники XX века, посвященные революции, – на площадях, праздники, призванные воскресить в памяти воспоминания о военных победах, – на местах сражений либо же около собственно памятников, символизирующих данные победы. Таким образом, пространство обретает мифический характер, «места памяти» становятся вехами, напоминающими о героях и их деяниях. Поль Рикер называет эти метки для памяти «указателями, призванными защищать от забвения» [3, с. 65].

Актуализация мифического прошлого происходит не только за счет нахождения в географическом пространстве или за счет воспоминания о событии. Чтобы вызвать в настоящем мифические образы, применяются самые различные приемы. С развитием технических средств передачи информации появилась возможность транслировать ее чрезвычайно широко. Если речь идет о памятных военных датах, то реализуется это и за счет показа хроник, и за счет съемки фильмов – новых «подтверждений» мифических событий. Кроме того, как и в первобытном празднике, мифическое время и мифические герои «оживают» за счет перевоплощения живых носителей культурной памяти в своих умерших предков; яркий пример тому – театрализованные представления, инсценировки, разыгрывания событий прошлого. Роже Кайуа отмечает, что во время праздничного взрыва гражданские и административные власти «частично или полностью теряют свой авторитет, уступая его не столько регулярной касте священнослужителей, сколько тайным обществам или же выходцам с того света – лицедеям в масках, олицетворяющим богов или покойников» [2, с. 278]. До некоторой степени это актуально и для более поздних этапов развития общества, не только для первобытного праздника или для средневековых карнавалов. Однако применительно к праздникам, бытующим при тоталитарных режимах, это справедливо лишь отчасти. Скорее, речь идет не о потере авторитета действующих властей (хотя бы и на время), но о еще большем закреплении и легитимации этого авторитета за счет «богов» и их славных деяний. На таких празднествах правители настоящего получают сакральное значение правителей прошлого и тем самым гарантируют свое будущее.

В то же время и сами праздники обладают собственной мифологической аурой. С течением времени складываются история появления праздника (в данном случае речь идет не о фактической истории,

а именно о мифологической), традиции его празднования, расставляющие акценты и закрепляющие праздники в культурном пространстве и памяти. Вновь появившимся праздникам необходимо создавать «историю», тем самым упрочивая их положение в общественном сознании. «Любой миф о происхождении дает нам и обосновывает какую-либо «новую ситуацию» – новую в том смысле, что она не существовала с самого начала мира. Мифы о происхождении продолжают и делают более полным и завершенным космогонический миф: они рассказывают, каким образом этот мир был изменен, обогащен или обеднен» [5, с. 26]. Такие мифические рассказы о происхождении либо об изменении мира не исчезли с первобытной культурой, они продолжают бытовать и сейчас. Приведу пример подобного современного мифа о происхождении. День защитника Отечества, отмечаемый 23 февраля, возник в 1918 году как день рождения Красной Армии. Но ни 23 февраля 1918 года, ни в другие ближайшие к этой дате дни Красная Армия не одерживала побед над кайзеровскими войсками Германии. Более того, самой Красной Армии тогда еще не существовало. 23 февраля было объявлено Днем Красной Армии только в 1922 году. С 1946 года он стал называться Днем Советской Армии и Военно-Морского флота.

Любые обосновывающие истории Ассман называет «мифом»; «прошрое, закреплённое и интериоризованное до состояния обосновывающей истории, есть миф совершенно независимо от того, фиктивно оно или действительно» [4, с. 80].

История, ставшая мифом, претендует на нормативность и обладает формирующей силой. Создание «истории» праздника, снабжение его мифологической аурой, а вместе с тем и создание нового варианта историко-культурной памяти имеют огромное значение и с точки зрения укрепления государственной идеологии. «Праздник – это, главным образом, символическая игра, которая реориентирует практику в направлении мифа, придающего ей смысл» [5, с. 69]. Немецкий исследователь советской культуры Штеффан Плаггенборг приводит в своей работе один из планов празднования 1 Мая 1919 года (план этот не был реализован, но его содержание весьма показательное), которым предусматривалась постановка мифа о Прометее. «Легенда о Прометее, добывшем для людей огонь, связывалась в ней со сказаниями о рождении солнца весной. Вслед за мрачной сценой, изображавшей порабощение людей идолом, следовала сцена, в которой из гущи народа появляются красноармейцы и сокрушают идола, прогоняют его прислужников и освобождают от оков Прометея, одетого в характер-

ную синюю блузу рабочего. Вздвигается красное знамя освобождения человека, несущего мир и радость. Отряд разбивает свое оружие, тягостный, старый пережиток в царстве света и красоты, потому что не будет больше рабства на земле. Появляются мальчики и девочки в белых одеждах, поют и танцуют, и праздник заканчивается общим исполнением "Интернационала"» [6, с. 30].

Несмотря на то, что в этом плане было отражено немало «идентификационных» моментов, план этот не был осуществлен, очевидно, по той причине, что миф о Прометее не находил широкого отклика у народных масс. В связи с этим Плаггенборг отмечает, что подобные инсценировки вряд ли служили созданию революционного мифа. Каждая эпоха создает свою мифологию, и зачастую она основывается на современном материале, подобно системе знаков и символов, складывающейся в каждой конкретной культуре. И как значение того или иного символа одной культуры не будет понято другой культурой без соответствующей подготовки, так и использование «чужой» мифологии не будет иметь должного эффекта. Несмотря на неостребованность античной мифологии в советское время, процесс мифологизации истории все же имел место, он находил свое выражение в том числе и в праздничной культуре, утверждая через «красный календарь» новую систему мифов в культурной памяти поколений. Как пишет Новиков, «мы живем уже в постидеологическую эру, когда новые режимы и новые политические элиты прямо не объявляют о замене одной идеологии на другую. Но помимо «словесной идеологии» есть еще идеология символов, язык сакральных и сакраментальных культов, находящих свое выражение, прежде всего, в артефактных событиях (праздниках)» [7, с. 212]. Артефактами автор называет все праздники, возникшие «после исторических действий, предметом которых они пытаются стать». Здесь важны уже не сами исторические события, важны отношение к ним, их интерпретация. Подобное произошло с празднованием 9 Мая. Победа в Великой Отечественной войне стала еще одной точкой отсчета истории, режим интерпретировал ее как собственную победу. Безусловно, это не было полностью мифом, понимаемым как вымысел. Другое дело, что имела место расстановка необходимых власти акцентов в историческом материале.

Точку отсчета как точку опоры ищет и современная власть, создавая свой праздничный календарь. В символике современных официальных праздников нет явных идеологических акцентов. Прежде всего это связано с тем, что в постсоветском обществе не выработана

четкая идеологическая платформа современной власти. Хотя в последние годы можно наблюдать тенденции, схожие с теми, что были характерны для советского общества, когда власть посредством праздничного календаря и мифологизации легитимизировала себя и закрепляла вновь установленную структуру общества. Так, учрежден целый ряд Дней воинской славы России, призванных подчеркнуть преемственность культуры, развить в обществе уважение к российской истории и патриотизм. Масштабные торжественные мероприятия, приуроченные к тем или иным праздникам, призваны укрепить в обществе ощущение принадлежности к России как сильному государству.

В современной России историческому и культурному наследию уделяется повышенное внимание. В праздничной культуре одним из ярких тому примеров является установленный в 2005 году День народного единства (4 ноября), демонстрирующий «извлечение» исторических фактов, событий, придание им современного смысла и снабжение соответствующей мифологической аурой. Создание «истории» праздника, а вместе с тем и нового варианта историко-культурной памяти имеет огромное значение с точки зрения укрепления государственной идеологии, а также закрепления праздника в общественном сознании. Предполагалось, что объектом сакрализации нового праздника станет некое «единение», «народное единение», но дело в том, что метафизическая категория не может быть сакрализована, объект должен быть конкретным или символическим. Ни того, ни другого не было предложено взамен праздника Октябрьской революции – символа социального равенства и справедливости.

В российском обществе День народного единства воспринимается очень неоднозначно. Для большинства этот праздник стал еще одним выходным днем и не несет никакой смысловой нагрузки. Это подтверждают и данные социологических опросов, согласно которым только половина россиян знает о том, какой праздник отмечается 4 ноября. Искусственное создание праздничной даты вызвало необходимость объяснения ее истории и значения для населения, чего не требуют праздники сформировавшиеся, а не «сформированные».

Официальное информационное сопровождение Дня народного единства связано с событиями польской интервенции начала XVII века и победой над интервентами народного ополчения под предводительством Минина и Пожарского. Событие, конечно, значимое, однако в памяти населения оно уже не вызывает никаких ассоциаций, а потому и праздник, ему посвященный, не находит живого отклика. Это об-

стоятельство, безусловно, понимают и власти, установившие новый праздник, и поэтому делается все необходимое для того, чтобы растолковать смысл этого дня и его историческую важность. Все информационные сообщения, оповещающие о приближении Дня народного единства и программе его празднования, как правило, сопровождаются следующей «легендой» (оформление, конечно, может варьироваться, но основа сохраняется): этот праздник историей возникновения обязан 4 ноября 1612 года, когда воины народного ополчения под предводительством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского штурмом взяли Китай-город, освободив Москву от польских интервентов и продемонстрировав тем самым образец героизма и сплоченности всего народа вне зависимости от происхождения, вероисповедания и положения в обществе. С тех пор 4 ноября является национальным праздником, но по традиции того времени он назывался Днем иконы Казанской Божией Матери, перед которой молились ополченцы накануне решающей битвы. Таким образом, утверждается не столько новизна праздника, сколько возвращение к истокам.

На возвращении забытой даты делают акцент и представители Русской Православной Церкви. Надо отметить, что Московский Патриарх выступил одним из инициаторов этого «возвращения». С момента учреждения Дня народного единства накануне его празднования нередко проводятся дебаты, посвященные тому, насколько необходима эта праздничная дата, что за ней стоит, и может ли она стать столь же значимой для современной России, сколь значимо было 7 Ноября для России советской.

Создание особой истории праздника, его мифологизация традиционны. В то же время смена мифологии (а в случае с Днем народного единства и смена даты, пусть и близкой к существовавшей ранее) демонстрирует процесс ремифологизации, модернизации праздничной культуры. Сейчас ко Дню народного единства организуются разного рода мероприятия в основном патриотической направленности, снимаются и выходят в прокат (причем обязательно на общедоступном официальном канале) фильмы, нередко – псевдоисторические. Делается это, очевидно, с целью закрепить в общественном сознании значимость событий, к которым должна отсылать дата 4 ноября. Об особой новизне подхода со стороны государства говорить не приходится, однако, есть и отличия. Если советская власть во многом строила культурную политику на отрицании роли церкви и религии в целом, то сейчас мы можем наблюдать обратный процесс: сближение церкви и государства и в ряде случаев даже опору государства на цер-

ковь, как символизирующую традицию и культурно-историческую преемственность.

Еще одной отличительной особенностью современной ситуации является то, что если советская власть четко обозначала свою идеологическую позицию и уже исходя из этого работала с населением, в том числе, выстраивала стратегию в сфере культуры, то современная Россия такой цельной идеологической платформы до сих пор не имеет. Хотя отдельные попытки ее создания предпринимаются. Пока же в основу празднования 4 Ноября положено несколько абстрактное понятие «единство». Отсюда и появление различных новых праздничных «сценариев», обыгрывающих «единство», в зависимости от того, что под этим понимают конкретные организаторы праздничных мероприятий. Взрослое население весьма скептически относится к новому празднику, поскольку в их памяти еще сохранились воспоминания о традициях празднования 7 Ноября, и 4 Ноября не вытеснило их за столь короткий срок. Молодое же поколение, зачастую не зная, что надо отмечать 4 Ноября, в то же время уже не знает, какой смысл несет празднование 7 Ноября. События 1917 года, дни Октябрьской социалистической революции представляются им чуть ли не столь же «древней» историей, как и события польской интервенции XVII века, они уже не вызывают отчетливых ассоциаций у поколения, не заставшего даже конец советской эпохи. Поэтому гораздо проще заложить новые традиции празднования именно в сознание молодых людей.

Еще одним примером оформления праздника с помощью мифа служит День памяти святых Петра и Февронии – всероссийского Дня супружеской любви и семейного счастья, отмечаемый в России 8 июля.

По церковному календарю 8 июля – День святых Петра и Февронии, чья любовь друг к другу считается эталоном семейного счастья. Большинство исследователей отождествляют Петра и Февронию с известным по летописям муромским князем Давидом Юрьевичем и его супругой Евфросинией. Инициатива проведения праздника принадлежит жителям города Муром, где захоронены тела святых Петра и Февронии. Эта идея была поддержана депутатами Государственной Думы РФ, и в 2008 году праздник получил официальный статус. Появление этой даты в праздничном календаре вписывается в политический курс, объявленный государством. Куратором празднования Дня Петра и Февронии стала супруга действующего Президента России.

Новый праздник должен стать своего рода альтернативой Дню влюбленных (День святого Валентина), который православная церковь не признает. Появление Дня св. Петра и Февронии, представ-

ляющего собой симбиоз церковного и государственного праздника, могло бы возродить, реконструировать эту систему традиционных ценностей, и в то же время данный праздник находится в русле провозглашаемой государственной политики, направленной на повышение рождаемости в стране и укрепление института семьи. Перспективы закрепления «установленного сверху» праздника довольно неясны. Тому есть несколько причин. Во-первых, появление Дня памяти св. Петра и Февронии не носит органического характера, что противоречит сущности праздника. Во-вторых, всероссийский День супружеской любви и семейного счастья, совершенно очевидно, направлен на более взрослую часть населения, тогда как День св. Валентина, культивирующий исключительно романтические отношения, традиционно отмечает молодое поколение, подростки, не задумывающиеся о создании собственной семьи. В-третьих, складывающаяся социокультурная ситуация в России в целом не поддерживает тех ценностей, которые призван укрепить в обществе новый праздник, а, скорее, наоборот, отрицает их.

Говоря о мифе как о способе объяснения мира, мирового устройства, и о его актуализации как возвращения к сакральному переживанию, истокам, можно рассматривать праздник как феномен культуры, позволяющий соответствующим образом пережить заново это «возвращение к первоначалам». В этом смысле хронотоп праздника обеспечивает условия такого переживания и приобщения к изначальному сакральному.

Библиографический список

1. Элиаде М. Аспекты мифа / Пер. с франц. / М. Элиаде. М., 2000.
2. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное / Р. Кайуа. М., 2003.
3. Рикер П. Память, история, забвение / Пер. с франц. / П. Рикер. М., 2004 (Французская философия XX века).
4. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М.М. Сокольской / Я. Ассман. М., 2004.
5. Жигульский К. Праздник и культура / К. Жигульский. М., 1985.
6. Плаггенборг Шт. Революция и культура: культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / Пер. с нем. Ирины Карташевой / Шт. Плаггенборг. СПб.: Журнал «Нева», 2000.

7. Новиков А. Праздник нового типа // Знамя, 2000. № 6.

ПРОБЛЕМЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ В РОССИИ

С.М. Верзилов
(УГЛТУ, Екатеринбург)

СОСТОЯНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЛЕСНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Известно, что Россия располагает сравнительно богатыми лесными ресурсами. Однако располагать богатством и уметь им пользоваться не одно и то же. Лесной комплекс страны включает лесное хозяйство, лесозаготовительное производство, деревообработку, ЦБП, гидролизное и химическое производство. По своей совокупности вклад отрасли в ВВП равен примерно 2%. В соизмеримости с «зеленым богатством» доля чрезвычайно мала. В структуре отрасли лесное хозяйство занимает основное положение. Оно призвано подготовить леса к эксплуатации в соответствии с требованиями времени.

Успешное развитие лесного комплекса предполагает наличие государственной лесной политики, отвечающей требованиям времени и запросам общества. Лесную политику государства условно можно разделить на четыре составляющие.

Глобальный уровень связан с пониманием значения леса в жизни человеческой цивилизации. На глобальном уровне лесная политика проявляется в постановлениях международных форумов, межправительственных соглашениях по лесам, например, конвенции по биологическому разнообразию, принятие критериев и индикаторов в области лесопользования, Киотский протокол и другие документы. На данном уровне Россией подписано около сорока различных документов, касающихся лесопользования. Эти документы обязывают российское правительство разработать свою национальную лесную политику.

Государственный уровень проявляется и находит отражение во внутренней политике. На данном уровне формируется внутренняя нормативная база, регулирующая эксплуатацию лесов. Она нашла от-

ражение в принятии таких документов, как Лесной кодекс, Концепция развития лесного хозяйства на 2003 - 2010 годы, Стратегия развития лесного комплекса до 2020 года и ряде других документов. При всем уважении к принятым документам их нельзя назвать современной лесной политикой. Многие из них страдают серьезными недоработками, а порой носят декларативный характер. Например, в упомянутой Концепции развития лесного хозяйства до 2010 г. почти не уделено внимания экологической составляющей ведения лесного хозяйства. В действующем Лесном кодексе (2006 г.) лес понимается «как экологическая система или как природный ресурс»*. В роли природного ресурса может выступать, что угодно. Поскольку нет ясного и четкого определения, что такое «лес», вряд ли возможно выстраивать нормативно-правовую базу, тем более говорить о лесной политике государства.

На *региональном уровне* лесная политика необходима поскольку леса России расположены неравномерно: где-то они есть, где-то их нет.

Локальный уровень должен отражать политику на муниципальном уровне и уровне конкретного предприятия. На этих уровнях лесная политика проявляется в проведении аукционов на вырубку лесных участков, в определении условий аренды, соблюдении экологических приемов заготовки древесины, лесной сертификации. На этих уровнях лесная политика делает пока первые шаги.

На региональном и локальном уровнях лесная политика в значительной мере будет определяться развитием ее на государственном уровне, пока же видны только ее элементы.

Перечисленные документы создают впечатление о существовании в стране современной государственной лесной политики. К сожалению, это далеко не так. Лесные пожары лета 2010 г. – яркое тому подтверждение. К началу сентября в стране было зарегистрировано 1600 возгораний, из которых 990 по вине людей, 9 из-за природных факторов, в 447 случаях причины возгорания установить не удалось. Приведенный цифровой материал можно трактовать по-разному, включая сознательный поджог, возможно, в коммерческих интересах. В целом же вопрос об охране лесов от пожаров, от вредителей леса, проблемы собственности на леса, платы за лесные ресурсы остаются

* Лесной кодекс Российской Федерации. М., 2009.

пока открытыми.

Современная лесная политика призвана охватывать не только структурные составляющие ЛПК, её основные направления сформулированы в простой формуле Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) как «устойчивое управление лесным хозяйством без нарушения экосистем». В практической плоскости рекомендации можно свести к следующим требованиям:

- 1) сохранение биологического разнообразия;
- 2) полная утилизация отходов от лесопиления и деревообработки;
- 3) противодействие незаконным рубкам леса;
- 4) учет интересов малых народов;
- 5) поощрение научных исследований о лесе;
- 6) формирование среди населения современного знания о лесе как сложной экологической системе, основе жизни на земле.

Без выполнения этих требований многие решения будут выглядеть как пустые пожелания.

Формирование государственной лесной политики происходит в сложных условиях, но необходимо осознать и другое – мы живем не в 1992, а в 2011 г. Лесная политика должна обеспечить создание Федерального лесного ведомства, разработку нового лесного кодекса на основе современной лесной политики, восстановление Федеральной службы по охране лесов от пожаров и вредителей леса, развитие теоретической и прикладной науки о лесе, превращение лесного сектора экономики страны в высокорентабельное производство, влияющее на повышение качества жизни населения.

Таким образом, необходимость разработки современной лесной политики России обусловлена как внешними, так и внутренними факторами.

И.А. Хусаинов, Н.К. Антропова
(УГЛТУ, Екатеринбург)

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ: АНАЛИЗ, ОЦЕНКА И ПУТИ РЕШЕНИЯ

В процессе своей хозяйственной деятельности человек долгое время занимал по отношению к природе позицию потребителя, не-

щадно эксплуатируя ее, полагая, что природные запасы являются неисчерпаемыми. Одним из негативных результатов человеческой деятельности стало истощение природных ресурсов, загрязнение окружающей среды. В результате, опасные для жизни и здоровья человека вещества выбрасывались в атмосферу, разрушая ее, попадали в почву. Загрязнению подверглись и воды Мирового океана. Это привело как к вымиранию отдельных видов животных и растений, так и к ухудшению генофонда всего человечества в целом.

До середины XIX столетия природа еще могла компенсировать сама тот урон, который наносило человечество, отравляя природную окружающую среду. Но со стремительным развитием научно-технической революции неизмеримо увеличились объёмы роста промышленности, началось крупномасштабное загрязнение гидросферы, атмосферы, почвы отходами производства – вредными газами и металлами. Природная среда уже сама не могла с этим справиться, и человек поневоле начал дышать загрязненным воздухом и пить относительно отравленную воду. Сама промышленность своими отходами начала действовать отрицательно на человека.

Таким образом, одновременно, будучи причиной всех экологических проблем, человек является и первой по списку их жертвой, причем в планетарном масштабе. Способствуя различного рода загрязнениям окружающей среды, мы сами, того порой не ведая, медленно, но уверенно уничтожаем самих себя. Колоссальный урон природе был нанесен человечеством на протяжении XX столетия, и уже сейчас видно, как это отразилось на здоровье человека.

Ежегодно только в России из-за загрязненности воздуха умирают до 40 тысяч человек; увеличился процент смертей от сердечно-сосудистых заболеваний; имеют место развитие злокачественных опухолей из-за высокой радиации, аллергия, прогрессирующая благодаря ослаблению иммунной системы людей большим количеством загрязнителей, различные инфекционные заболевания.

Поскольку первопричиной всех проблем является человечество, то борьбу с проблемами должно осуществлять общество в целом, а не отдельные люди. Без осознания всем мировым сообществом губительности сложившейся ситуации проблемы просто физически не удастся разрешить. Во-первых, необходимо выработать высокий уровень человеческой сознательности, который станет надежным фундаментом в деле разрешения экологических проблем. Необходимо, чтобы человек учился заботиться о природе с детства, любить её. Для этого требуется введение экологических дисциплин в систему началь-

ного и среднего образования во всемирном масштабе.

Параллельно должна проводиться политика экологической пропаганды среди населения. Как показал опыт последних лет, такая деятельность приводит к успехам. Так, благодаря экологическим роликам на телевидении и в Интернете, за последнее десятилетие уровень бытового загрязнения в США упал на 5,4 %, в Канаде на 5,9 %, в Финляндии и Норвегии почти на 7,5 % [1].

Во-вторых, необходимо провести тщательное накопление и систематизацию достоверных данных о современном состоянии окружающей среды. Должен осуществляться процесс мониторинга окружающей среды, заключающийся в наблюдении за природными процессами и явлениями, в оценке состояния среды и прогнозировании ее изменений. Результаты, полученные в ходе мониторинга, должны быть комплексно и всесторонне изучены.

На основе полученных данных требуется осуществить разработку, создание и воплощение комплексной системы эффективных природоохранных мер. На данном этапе необходимо опираться на возможности научно-технического прогресса. Организация производств должна вестись с позиций экологической безопасности. В последнее время появился новый термин «экоэкономика», подразумевающий такой тип экономической деятельности, который являлся бы оберегающим для планеты. Примерами такого типа служат достижения ряда стран в энергетической отрасли. Так, свыше 30 % энергии в таких странах, как Великобритания, Нидерланды, Дания, Норвегия и Швеция, производится ветром. Ряд современных автомобильных концернов внедряет в производство автомобили с водородными двигателями, работающими на безотходном водородном сырье. В настоящее время на смену бензину все чаще приходят электрические батареи и газовое топливо - пропан и бутан, являющиеся более безопасными для среды по причине полного сгорания. Сейчас в мире около 20 % автомобилей работает на газовом топливе. Как итог, в результате развития программы экоэкономики существенно сокращается число промышленных выбросов.

Не менее важной является роль отдельно взятых государств в области ужесточения наказания за экологические преступления и правонарушения. В настоящее время рассматриваются вопросы ужесточения наказаний за потенциально возможные экологические преступления. Серьезные экономические и уголовные последствия уменьшили число экологических преступлений в среднем по миру на 15 - 20 %

за последние 5 - 7 лет, что можно считать успехом правосудия в области экологии.

Также национальные правительства должны всячески поощрять и способствовать деятельности экологических правозащитных организаций, выступающих против особо грубых экологических нарушений. Так, по состоянию на данный момент, офисы международной природоохранной организации «Гринпис» действуют в 43 странах мира, в том числе и в России. За 39 лет своего существования активистам организации удалось привлечь внимание мировой общественности к более чем 100000 экологических проблем в разных регионах мира, благодаря действиям организации прекращена деятельность около 30000 вредоносных производств [2].

Существует и другой тип экологических организаций: структуры, которые стимулируют и спонсируют природоохранную деятельность. В течение 40 лет Фонд дикой природы (WWF) сыграл ведущую роль в создании новых охраняемых территорий и заключении международных соглашений о расширении задач и методов охраны природы. Спасены популяции африканских носорогов, амурских тигров, ягуаров, китов и многие другие [3].

Уже сейчас в нашей стране можно видеть плоды деятельности различных природоохранных организаций. Например, фонд «Центр охраны дикой природы» в результате тесного международного сотрудничества с европейскими коллегами добился того, что ведущие финские и шведские лесопромышленные компании объявили мораторий на рубку и покупку древесины из старовозрастных лесов Карелии и Муромской области.

Особенно важную роль в работе по охране природы играют государственные заповедники. Баргузинский заповедник, основанный в 1916 г., сохранил популяцию соболя, находящегося на грани исчезновения. В данный момент на территории заповедника обитают около 40 видов млекопитающих и 220 видов птиц.

В Хоперском заповеднике была восстановлена численность выхухоли до необходимого предела. Также довольно хорошо прижились речной бобр, пятнистый олень, стали появляться лоси и кабаны. Создан питомник чистопородных зубров.

Также есть результаты работ по предотвращению загрязнения атмосферного воздуха. В Саратовской области в ходе проведения операции «Чистый воздух» было проверено 2700 автопредприятий, 79 станций технического обслуживания. На предприятия, допускающие

загрязнение окружающей среды, были наложены штрафные санкции.

Сохранение чистоты водоемов – также немаловажная проблема. Для промышленных предприятий была предложена оборотная система водоснабжения, или повторного использования воды. Например, в Челябинске внедрение оборотного водоснабжения уменьшило потребление речной воды с 8,8 до 5,5 тыс. м³ в сутки и сократило сброс сточных вод в канализацию.

На основании анализа современной экологической ситуации можно сделать вывод, что следует говорить, скорее, не об абсолютном решении экологической проблемы, а о перспективах хотя бы частичного решения проблем. Чтобы в корне улучшить положение, понадобятся целенаправленные и продуманные действия. Ответственная и действенная политика по отношению к окружающей среде будет возможна лишь в том случае, если человечество повысит уровень экологической культуры, накопит надёжные данные о современном состоянии среды, разработает новые методы уменьшения и предотвращения вреда, наносимого природе.

Природа, не тронутая цивилизацией, должна оставаться резервом, который со временем, когда большая часть земного шара будет служить промышленным, экономическим и научным целям, станет приобретать все большее эстетическое значение. Поэтому необходим рациональный, научно обоснованный подход к практике расширения областей девственной природы, заповедников, к охране вымирающих животных и растений, восстановлению их популяции.

Библиографический список

1. Васильева В.Н. Формирование экологического мышления в процессе образования // Сборник материалов конференции. Серия “Symposium”, выпуск 29. СПб., 2003.
2. Электронный ресурс. <http://www.greenpeace.org/russia/ru/>
3. Электронный ресурс. <http://www.wwf.ru/>

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

В.Л. Бенин
(БГПУ, Уфа)

О РЕЛИГИОЗНОЙ КУЛЬТУРЕ, СВЕТСКОЙ ЭТИКЕ И НОВЫХ ПРОВАЙДЕРАХ (Полемические заметки по известному поводу)

В самом начале «лихих девяностых» годов коллектив авторов из Башкирского педагогического института выпустил небольшую книжечку «Возвращение к нравственности: В помощь учителю» (Уфа, 1993). Она не стала бестселлером тогда, мало кто помнит ее сейчас. Но именно в ней ставились те вопросы, которые выдают за откровение нынешние поборники введения в школе нового предмета «Основы религиозных культур и светской этики».

«Сегодня уже невозможно оспаривать, что страна и общество находятся в глубоком нравственном кризисе. Эта печальная реальность нашей жизни многогранна и многолика, поэтому не видим необходимости перечислять ее конкретные проявления. Может быть, стоит упомянуть лишь те, которые вызывают особое беспокойство и тревогу за будущее: резкое снижение трудолюбия, порядочности, ответственности перед семьей и обществом, разгул психологии иждивенчества, бесчестья» [1, с. 3]. Цитате из этой книги 18 лет. Дети, родившиеся в том году, сегодня кончают школу. Что изменилось? Ничего? Увы, многое! Но не в лучшую сторону. Вот несколько моральных штрихов к портрету современного российского общества.

По данным Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, в России на «социальное дно» опустились 14 млн чел., из них 4 млн бомжей, 3 млн нищих, 4 млн беспризорных детей, 3 млн уличных проституток. По данным ВЦИОМ, в России не менее 80 % работников имеют деградированное трудовое сознание. Из

60 млн трудоспособного населения примерно одна треть (20 млн) хронические алкоголики, 4 млн – наркоманы, 1 млн – заключенные [2]. Средний возраст последних – 31,5 года. 106 тысяч из них страдают психическими расстройствами, 70 тысяч больны туберкулезом, 35 тысяч инфицированы ВИЧ [3, с. 94-95].

По признанию первого заместителя Генерального прокурора РФ Александра Буксмана, объем рынка коррупции в современной России сопоставим по доходам с федеральным бюджетом и оценивается в 240 млрд долл. [4].

По числу детей-сирот, приходящихся на каждые 10 тысяч детского населения, Россия занимает первое место в мире. Почти 50% детского населения страны (около 18 млн) находится в зоне социального риска [5, с. 164]. Прорастая, эти «зубы дракона» дают «всходы», для которых нет ничего святого.

8 мая 2010 г. в Кемеровской области на шахте «Распадская» произошел взрыв метана. Погибли 66 горняков. Не успели СМИ сообщить о том, что семьи погибших получают по два миллиона рублей от владельцев шахты и по миллиону рублей из бюджета, как Интернет отстучал новость: к семьям погибших пришли рэкетеры. Они потребовали отдать им по 500 тысяч рублей из выплат, полагающихся за каждого погибшего [6].

Впору вспомнить Э. Хемингуэя: «Не спрашивай, по ком звонит колокол». Так что сама постановка проблемы о необходимости моральной реанимации российского общества вопросов не вызывает, чего не скажешь о средствах, предлагаемых для её решения.

Если уйти от риторики и предельно упростить мотивацию, то средство это его разработчикам видится в поголовном воцерковлении (вомечетельнии, вопагодалении и восинагогалении) россиян, причем силами школы в конце четвертого и в начале пятого класса.

Мне кажется абсолютно естественным стремление любой организации (религиозной в том числе) расширять свое влияние, увеличивая число своих сторонников. Поэтому о позиции религиозных конфессий говорить не будем. С ними все ясно, а потому не интересно. Меня больше интересует позиция светской власти, верной Конституции и провозглашенному в ней принципу свободы совести.

Впервые в нашей новейшей истории вопрос о введении религиозных предметов в школе был поднят Патриархом Алексием II, обратившимся в Министерство образования РФ с предложением вести их как факультативы по желанию учащихся. В 2002 г. министр В. Фи-

липпов издает приказ о введении факультативной дисциплины «Основы православной культуры». В 2004 г. уже министр А. Фурсенко объявляет о скором введении в школьную программу новой дисциплины – История мировых религий. Как видим, здесь уже другое название предмета и иной статус, о факультативности речь не идет.

В июле 2009 года состоялась встреча Президента РФ Д.А. Медведева с представителями религиозных конфессий, в результате которой появилось его Поручение Председателю Правительства РФ В.В. Путину: «Прошу обеспечить решение организационных и финансовых вопросов, касающихся введения в 2010 году в 18 субъектах Российской Федерации, а с 2012 года во всех субъектах Российской Федерации в общеобразовательных учреждениях новых предметов: Основы православной культуры, Основы исламской культуры, Основы буддийской культуры, Основы иудейской культуры, Основы мировых религиозных культур и Основы светской этики – для изучения учащимися по их выбору или по выбору их родителей (законных представителей)». Итог: с 1 апреля 2010 г. преподавание названных предметов началось в 19 регионах России, в 12 тысячах школ (из них 53 начальные), в 20 тысячах классов. У 256 тысяч учащихся их ведут 44 тысячи учителей.

Итак, новый педагогический эксперимент начался. Итоги его еще неизвестны, но результаты с 2012 года предписано внедрить повсеместно. То ли разработчики так уверены в исходе (почему бы тогда сразу не ввести сию новацию во всей стране, чем остальные субъекты федерации хуже отобранных девятнадцати?), то ли в нашей педагогике появились качественно новые эксперименты, итоги которых подводить вовсе не обязательно? Похоже, второе. Ведь не подвели же серьезных итогов экспериментального введения ЕГЭ, что не помешало его повсеместному внедрению. Но дело в том, что по своим масштабам и общественным последствиям все эти переходы на ЕГЭ, стандарты нового поколения и подушевое финансирование, в ряду которых стоит и введение обсуждаемого комплекса предметов, представляют собой не очередное нововведение в образовательной сфере, а социальное явление. А коли так, то и анализировать его необходимо не с педагогических, а с социокультурных позиций.

Мне не хочется разделять позицию многочисленных блогеров, утверждающих в Интернете, что «действующей власти умный народ не нужен!!! Им нужно быдло..., им нужно вдолбить в голову народа, что на все воля божья» [7]. Думаю, дело сложнее.

Итак, тотальный моральный кризис общества налицо. Ситуация и вправду грозит катастрофой. Что делать?

Логика обыденного сознания подсказывает простой ответ: «исконная Россия» была верующей, потому с моралью в ней все было хорошо. Советская Россия была неверующей и с моралью все стало плохо. Вывод: надо восстанавливать веру «как в старые добрые времена». Для культуролога в таком взгляде нет ничего необычного, ибо в нем проявляется обычный реакционный аспект культуры. Но поскольку культурология не относится к числу всеми почитаемых знаний, поясню.

С легкой руки Гесиода и Овидия, идею золотого века люди связывали с прошлым. Ряды ее сторонников в поворотные моменты истории возрастали многократно. Путь в "светлое будущее" виделся через возвращение к прошлому. Почему? Память – вот слово, играющее здесь главную роль.

Чем дольше человек живет, тем грустнее ему становится, ибо он отчетливо понимает, что счастье, как правило, исчисляется днями, если не часами, а в основном жизнь проходит довольно сложно, тяжело и совсем не так радостно, как нам хотелось бы. Однако, если постоянно в своих воспоминаниях акцентировать внимание только на том, что было плохого, тяжелого и безрадостного, можно сойти с ума или наложить на себя руки. И естественная защитная реакция нашей психики прежде всего высвечивает те моменты, которые добавляют нам оптимизма, а не уменьшают его. Но память народов складывается из памяти людей. Память культур складывается из памяти народов. Величественный и гармоничный Аполлон, а не скорченный раб символизирует для нас античную Грецию. Я это называю эффектом аберрации исторической памяти.

На все встающие перед ним вопросы человек ищет ответ в усвоенной им культуре. Но она предлагает ему не слишком богатый выбор – современный или прошлый опыт. Нельзя использовать то, чего нет. Образно говоря, потерявший спички Робинзон Крузо не может воспользоваться газовой зажигалкой. Эта удобная вещь его времени еще неизвестна, и единственное, что ему остается, – это трение палочки о палочку, «как в старые добрые времена». А старые времена нам кажутся добрыми именно потому, что при воспоминании о них мы, прежде всего, фиксируем внимание на том, что в них было позитивного.

Когда социальные катаклизмы сотрясают общество и жизнь че-

ловека становится невыносимой, а актуальная культура ни в экономике, ни в политике, ни в идеологии не дает ответа на животрепещущие вопросы, человек начинает искать ответ за ее пределами. И здесь иного, чем традиция, культура ему не дает. Люди ищут ответ на актуальные вопросы в прошлом, потому что больше им искать негде. При этом общество уподобляется человеку, идущему вперед, повернув голову назад. Насколько удобно такое хождение и чем оно заканчивается, объяснять излишне.

Полагаю, что если мы действительно озабочены решением проблем нравственной реабилитации нашего общества, то начинать следует не с введения нового школьного предмета, а с осознания того, «как мы дошли до жизни такой».

Если следовать Библии – этому древнейшему памятнику культуры и мудрости, то худые сообщества разрушают добрые нравы. Следовательно, причины кризиса следует искать в самом обществе – в его экономическом и политическом устройстве и порожденных им отношениях. Корни современной ситуации уходят глубоко. Они в том, что в советские годы мораль вытеснялась политикой и носила подчиненный ей характер: «...наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата» (В.И. Ленин). В сознание закладывалось не только атеистическое мировоззрение, но и убежденность в том, что капитализм может быть лишь безнравственным и всегда строится на бессовестном и ничем не ограниченном грабеже. Внедрили эти мысли в сознание большинства населения страны советские пропагандисты (не в последнюю очередь – учителя) хорошо. Поэтому в начале девяностых строить новый российский капитализм в массе своей стали те, кто уже не знал ни безусловных ценностей морали религиозной, ни страха сталинской поры, а потому был лишен любых моральных регуляторов.

Дальше, как у Чебурашки: «Мы строили, строили и, наконец, построили».

В ходе приватизации собственность стоимостью в 1 трлн. долл. была продана частным лицам всего за 5 млрд долл. [8, с. 129]. Как это оценивать с позиций нравственности?

В 1989 г. в Российской Федерации насчитывалось 2 млн бедных, имевших в своем распоряжении менее 4 долларов в день. По данным Всемирного банка, к середине 1990-х гг. в России проживало уже 74 млн нищих людей. 72 млн чел. обнищали за 8 лет [9]. Как это оценить с позиций высокой морали?

Академик Д. Львов отмечает страшную поляризацию общества: «...менее чем 100 семей современных олигархов владеют сегодня 92 % доходов от природных богатств страны. А 8 % приходится на более чем 140-миллионный народ России!» [10]. При этом с 1990 по 2005 г. производство станков снизилось с 74,2 до 4,9 тыс. шт. (до 6,7 %), автоматических и полуавтоматических линий для машиностроения и металлообработки – с 556 до 1 комплекта (до 0,2 %). Посевные площади сократились с 1990 по 2006 г. с 117,7 до 76,1 млн га (на 35 %), крупный рогатый скот – с 57 до 21 млн голов (на 36,8 %). Зато импорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья возрос за период с 1999 по 2006 гг. с 7,4 млрд до 21,6 млрд долл., т. е. почти в три раза [11]. Иначе говоря, создана паразитическая система беззащитного грабежа природных ресурсов. Нравственная оценка нужна?

Подведем итоги. Наше общество и прежде не отличалось чрезмерной нравственностью. Но за последние два десятилетия его аморализм возрос многократно за счет безнравственной социально-экономической системы. Государство, как ни крути, всегда было, есть и будет одним из главных воспитателей. И если его социальная и экономическая политика с моральной точки зрения, мягко говоря, весьма далека от идеала, то было бы странно ждать высокой моральной позиции от граждан. И никакие «Основы религиозных культур и светской этики» здесь принципиально ничего изменить не в состоянии. Если же руководство страны действительно желает изменить к лучшему наш моральный климат, не лучше ли вспомнить гоголевские «Мертвые души»? Только не первый том, который знают все, а финал второго, мало кем прочитанного: «Но оставим теперь в сторону, кто кого больше виноват. Дело в том, что пришло нам спасать нашу землю; что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплемennых языков, а от нас самих; что уже, мимо законного управления, образовалось другое правление, гораздо сильнее всякого законного. Установились свои условия; все оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность. И никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах поправить зла, как ни ограничивай он в действиях дурных чиновников приставлением в надзиратели других чиновников. Все будет безуспешно, покуда не почувствовал из нас всяк, что он также, как в эпоху восстания народ вооружался против врагов, так должен восстать против неправды» [12].

Что же касается нового комплекса учебных предметов, то первое, с чего, на мой взгляд, надо начать, это перестать лукавить и чест-

но сказать: то, что называется «Основами православной культуры» является не основами православной культуры, а основами православия. Аналогично и три других учебных предмета являются не основами исламской, буддийской и иудейской культуры, а основами ислама, буддизма и иудаизма. Но надо ли разделять детей в столь раннем возрасте по религиозным конфессиям и будет ли это способствовать росту толерантности в нашем обществе? Я уже не говорю о более чем странном и ничем не обоснованном разделении предмета: последняя четверть четвертого и первая четверть пятого классов.

Светский подход к проблеме культурных различий между народами заключается в поиске, описании и интерпретации этнических, социальных, мифологических, религиозных, художественных и политических символов, функционирующих в той или иной культуре, а также в их сравнении с символами других культур. Ничего подобного данные курсы не предполагают. Да и совпадают в них только «Россия – наша Родина» в начале, «Любовь и уважение к Отечеству» в финале да невразумительные «Творческие работы учащихся» при окончании четвертого класса. Причем изучать эти единые темы детям предстоит порознь!

Сколько бы ни произносил наш министр заклинания о том, что важно воспитывать «не столько терпимость, а взаимопонимание, взаимоуважение» [13], разводя детей во время этих уроков «по разным конфессиональным квартирам» (а это вам не то же самое, что на «чужие» английский с немецким на уроках иностранного!), мы, тем самым, объективно будем работать если не на межконфессиональное противопоставление, то уж, как минимум, на консервацию конфессионального незнания, непонимания и недоверия. Кстати говоря, обеспокоенные судьбой своих детей, родители прекрасно это понимают, предпочитая четырем названным предметам светский экуменический вариант. Так, в 122 школах Красноярска, где 6186 детей уже изучают названные курсы, примерно 62 % выбрали светскую этику, еще около 23 % – мировые религии (итого: порядка 85%), 15 % – основы православной культуры, 0,5 % (29 человек) – основы исламской культуры и четыре человека основы иудейской культуры [7]. Красноярский феномен? Отнюдь! Мониторинг родителей, проведенный перед началом эксперимента, показал: «Основы православной культуры» выбрали 20,6 % опрошенных (7 тыс. чел.), «Основы исламской культуры» – 1,4% (459 чел.), «Основы буддийской культуры» – 0,3% (116 чел.), «Основы мировых религиозных культур» – 23 % (более 8 тыс. чел.), «Основы светской этики» – 54,6 % (более 19 тыс. чел.). Как

видим, больше трех четвертей опрошенных избирают светский, или экуменический, вариант предмета.

Еще один крайне важный аспект проблемы – кто будет преподавать. Интернет поведал миру о позиции в этом вопросе министра А. Фурсенко. Отвечая на соответствующий вопрос, он не исключил, что интересующий нас предмет могли бы вести, например, физики, поскольку у них есть «своя система видения» [13]. И господин министр абсолютно прав! Однако «своя система видения» характеризует не только физиков. Формирование профессионального типа мышления, накладывающего специфический отпечаток на весь образ мышления и поведение человека, является давно установленным тривиальным фактом психологии. Поэтому столь же «своя система видения» существует у учителей труда или ОБЖ, не говоря уже об учителях физкультуры. Те давно проповедуют принцип «В здоровом теле здоровый дух!». И кто сегодня помнит, что провозгласившие его древние римляне (*Mens sana in corpore sano*) имели в виду не моральное совершенство, а дух вполне телесный, а потому земной и обоняемый? Дух же!

Эти маловразумительные разговоры будут идти до тех пор, пока мы не определимся с сутью предмета. И если он по сути своей религиозен, то и вести его должны представители соответствующих конфессий и нечего кивать на отсутствие у них педагогического образования. Если же это предмет светский, а я на том стою, ибо уважаю действующую Конституцию и основанное на ней законодательство, то вести его должен светский педагог. И не просто светский, а хорошо и соответственно подготовленный педагог. Таковым в сегодняшней школе является учитель, преподающий мировую художественную культуру. Во-первых, потому что нельзя преподавать МХК без опоры на мировые религии и ознакомления с ними учеников. Во-вторых, потому что нельзя преподавать МХК без опоры на моральные нормы и ознакомления с ними учеников. Наконец, потому, что учителя МХК уже давно и успешно занимаются распространением межконфессиональной толерантности и этическим просвещением. Вот лишь один (далеко не единственный) тому пример.

Более полутора десятков лет назад в первых классах уфимской гимназии № 39 были введены уроки этики. В подборе материала авторы исходили из трех принципиальных моментов [14, с. 4]:

1) курс этики в первом классе должен основываться на широком общекультурном фоне, что позволит не только познакомить учащихся с закономерностями возникновения этических норм, но и заложить

базу для дальнейшего усвоения материала по истории, литературе, религиоведению, этнографии;

2) нельзя вести речь об этике, оставляя в стороне религиозную мораль. Но говорить о ней в школе допустимо только в светском плане и с экуменических позиций, освещая все конфессии и не акцентируя внимания школьников на преимуществах какой-то одной;

3) учитывая возраст школьников, педагогу следует особо активно использовать игровые формы проведения занятий.

Уроки были столь успешны, а дети занимались на них с такой пользой и с таким удовольствием, что в скором времени по инициативе родителей в гимназии был введен авторский курс «Этика в младших классах» уже для второго, третьего и четвертого классов [15, 16]. Он основывался на убеждении автора в том, что этика является неотъемлемой частью духовной культуры общества, следовательно, и ознакомление с ее нормами должно происходить на широком историко-культурном фоне. На уроках совершались путешествия во времени и пространстве. Оказавшись в каменном веке, дети участвовали в составлении семейного табу, принимали важные решения на пиру у Зевса, слушали советы мудреца Конфуция в Древнем Китае, задумывались над запретами Гаутамы (Будды), путешествовали по страницам Библии и Корана. Такой прием не только дает возможность знакомить учеников с элементарными началами культурологии, этнографии и даже философии (что помогает в дальнейшем при изучении истории, литературы, мировой художественной культуры), но и пробуждает у них желание анализировать собственные поступки и приводить их в соответствие с общепринятыми нормами нравственности. И подобного рода разработок, действительно развивающих у учащихся моральное сознание, межконфессиональное взаимопонимание и взаимоуважение, много в школах нашей страны. Почему бы его не использовать?

Впрочем, откровенно говоря, есть во введении нового комплекса предметов и еще один, отнюдь не духовный, а очень даже светский аспект – это часы учительской нагрузки. А часы – это деньги. И делит их директор учебного заведения. А поскольку среди директорского корпуса практически не встречается учителей МХК, но широко представлены излюбленные министром физики да математики, нетрудно понять, как, исходя из «своей системы видения», они эти часы будут делить, а затем, соответственно, преподавать.

Так что же делать?

Хорошо известный педагогической общественности спор на тему о том, кто должен воспитывать ребенка – семья или школа, – дискуссия чисто советская. В прошлом ее быть не могло за очевидностью ответа. Традиционно, из века в век, ответственность за воспитание возлагалась обществом на семью и церковь. Воспитывала семья, но на тех ценностях, которые провозглашались в церкви, мечети, синагоге, пагоде. Поэтому в основе нравственного воспитания традиционно лежала религиозная мораль. Говорить о том, хорошо это или плохо, не имеет смысла. Этот факт не подлежит оценке, его надо принять как данность.

В любой религии, так или иначе, выражены моральные ценности, идеалы добра, справедливости, гуманности. Но мир противоречив. Первых пророков, призывающих к добру и терпимости, встречали непонимание, насмешки, притеснения. Гонимые, они должны были защищаться, поневоле ограничивая круг благостных своими близкими, единоверцами. По отношению ко всем остальным стала развиваться нетерпимость, доходящая до фанатизма и оттесняющая гуманистическую трактовку веры. Так идеи высокой морали, приходящие в противоречивый мир добра и зла, сами проникались его противоречивостью. «Не убивай», – предостерегает одна из ветхозаветных заповедей. Но штурмом взят Иерихон, и те, кто исповедовал эту заповедь, «предали заклятию все, что в роде, и мужей, и жен, и молодых, и старых, и волов, и овец, и ослов, все истребили мечом» [17, с. 20]. «Не следует верующему убивать верующего..., – наставлял пророк Мухаммед. – А если кто убьет верующего умышленно, то воздаянием ему – геенна, для вечного пребывания там» [18]. Но рядом многократно повторяются проклятия в адрес не вступивших на путь Аллаха и нетерпимость к «неверным».

Попытка проведения в жизнь принципа «Лучше никакой нравственности, чем нравственность религиозная», показала его ошибочность. Но и внедрение в жизнь лозунга министра Э. Днепрова «Лучше никакого воспитания, чем воспитание советское», дало плачевные результаты. Наше общество не просто поняло, оно выстрадало понимание того, что, когда нет никакой нравственности, ничего доброго не получится. Однако чем искусственно насаждаемая религиозность лучше искусственно насаждаемого атеизма? Чем соревнование по числу открытых в районе приходов лучше соревнования по числу снесенных храмов? Вера (в коммунизм ли, в Бога ли), в сущности, – сугубо личная, глубоко интимная сфера. Свобода совести – великое благо только тогда, когда в эту интимную сферу человека допускаются

лишь самые близкие – мать и отец, когда нет места атеистическому или религиозному «промыванию мозгов», государственной пропаганде. Иначе свобода совести быстро превращается в свободу от совести.

Я уверен в том, что религиозная мораль лучше, чем отсутствие морали. Но уверен я и в том, что выход не в смене в школе диктата атеистов на диктат духовенства. Не только в экономике монополия ведет к загниванию. Свободомыслие и вечный спор сторонников и противников религиозной веры – вот путь познания, следуя которым человек вернет себе высокие идеалы нравственности.

В XX в. возник феномен, который исподволь вызревал столетиями. Это осознание единства всех традиций и их источника, выразившееся в тезисе «Религий много, Бог один». Его еще рано абсолютизировать. Противостояние верований, увы, далеко от примирения. И все же хочется верить, что XXI век войдет в историю человечества как век начала осознания простой, в сущности, вещи: все люди – ближние, и не столь уж важно, в какого Бога ты веруешь. Укрепляет меня в этой вере и то, что в наших взрослых спорах дети, порой, бывают куда умнее нас, родителей. Современный взгляд на мир позволяет им решать многие проблемы, ставящие нас в тупик.

В школе, где уже введен новый экспериментальный предмет, большие дяди и тети объясняли мальчику-четвероклашке различия между буддизмом, христианством и исламом, толерантно объясняли, что Бог-то, в принципе, один, хотя верят в него по-разному. Мальчик выслушал и сказал, что он не понял, почему же верят по-разному, если Бог один. Взрослые терпеливо повторили свои разъяснения. Мальчик нахмурил лоб, минуту подумал и улыбнулся. «Я понял, – сказал он, – Бог один. Провайдеры разные!»

Библиографический список

1. Возвращение к нравственности: В помощь учителю / Сост. и науч. ред. Г.П. Ников. Уфа: БГПИ, 1993.
2. Овчинский В. Картина правды маслом / В. Овчинский // Завтра. 2008. № 1 (737).
3. Сломчинский А.Г. Гуманизация образовательного процесса в пенитенциарной системе / А.Г. Сломчинский. Екатеринбург, 2009.
4. Головенко А. Высший саботаж / А. Головенко // Завтра. 2007. № 23 (707).
5. Вогулкин, С. Возвращение домой / С. Вогулкин. // Семья и будущее России: материалы V Международ. науч.-практ. конф. Екате-

ринбург, 2008.

6. Электронный ресурс. <http://lenta.ru/news/2010/05/24/raspad/>
7. Электронный ресурс. <http://www.newslab.ru/news/316900>.
8. Панарин А.С. Искушение глобализмом / А.С. Панарин. М., 2003. С. 129.
9. Хамахер М. Великое противостояние / М. Хамахер. // Лит.газ. 2008. 13-19 февр. № 6 (6158).
10. Львов Д. Справедливость и духовный мир человека / Д. Львов // Завтра. 2007. № 15 (699).
11. Подольских Ф. Разоружение до зубов // Сов. Россия. 2008. 2 февр.
12. Гоголь Н.В. Мертвые души // Собрание сочинений. В 6 томах. Т. 5. М.: Худ. Лит., 1959.
13. Электронный ресурс. http://news.datanews.ru/id/13347/textuchitelya_iziki_mogli_bi_uspeshno_prepodava //
14. Перельман И.М., Бенин В.Л. Этика в первом классе: Поурочные разработки (Методические материалы для учителя). Уфа: Башк. пед. ин-т, 1995.
15. Перельман И.М. Этика в младших классах. Программа курса и поурочные разработки // Культура и образование: Сб. статей. Вып. 6 / Под ред. В.Л. Бенина. Уфа: Изд-во БГПУ, 2004.
16. Перельман И.М. Этика в младших классах. Программа курса и поурочные разработки // Культура и образование: Сб. статей. Вып. 5. / Под ред. В.Л. Бенина. Уфа: Изд-во БГПУ, 2003;
17. Книга Иисуса Навина, гл. 6, ст. 20.
18. Коран, 4: 94.

Е.В. Будакова
(МОУ СОШ № 31, г. Среднеуральск)

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ ВОСПИТАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ УЧАЩИХСЯ

Актуальность тематики формирования межкультурной компетенции личности определяется тенденциями развития современного общества и образования. Современное общество, которое находится

на постиндустриальном, или информационном, этапе своего развития, характеризуется взаимодействием различных культур, глобализацией всех сфер общественной жизни и ростом межкультурного и межличностного общения. Перед российским образованием ставится задача формирования у учащихся ключевых компетенций, которые представляют собой целостную систему универсальных знаний, умений, навыков, опыта самостоятельной деятельности и личной ответственности обучающихся.

Формирование образовательных компетенций учащихся средней школы, среди которых важное место отводится межкультурной компетенции, является важным вопросом современной российской педагогической теории и практики, так как предполагает подготовку молодых людей к жизни в полиязыковом и поликультурном обществе. В соответствии с Национальной доктриной образования Российской Федерации в 2009-2010 учебном году в школе № 31 г. Среднеуральска проводилось исследование, состоящее из трех этапов:

1-й этап – подготовительно-организационный заключался в определении проблемы исследования, изучении нормативных и методических документов, научно-методических источников, психолого-педагогической литературы с целью теоретического обоснования необходимости формирования межкультурной компетенции учащихся в средней школе на уроках географии и во внеурочной деятельности;

2-й этап – теоретико-экспериментальный состоял в уточнении и корректировке задач исследования, выявлении комплекса психолого-педагогических условий формирования межкультурной компетенции учащихся, апробации и выявлении эффективности методики диагностики и формирования данной компетенции. На этом этапе была осуществлена экспериментальная работа с учащимися;

3-й этап – теоретико-обобщающий предполагает теоретическое осмысление полученных результатов, анализ и обобщение материалов исследования, формулировку выводов и внедрение комплекса методов, форм и средств формирования межкультурной компетенции в педагогический процесс.

В ходе исследования было выявлено следующее противоречие: необходимость формирования межкультурной компетентности и развития толерантности у учащихся школы и малая разработанность в педагогической теории и практике обоснованных механизмов обеспечения такого процесса.

На основании данного противоречия сформулирована проблема исследования: выявление психолого-педагогических условий и форм

эффективного формирования межкультурной компетенции учащихся.

Для решения данной проблемы поставлены следующие задачи:

- выявить воспитательные аспекты в учебной дисциплине «География» и во внеурочной деятельности, влияющие на формирование межкультурных компетенций и толерантности учащихся;
- выявить основные компоненты межкультурной компетенции на основе имеющихся в психолого-педагогической литературе представлений о данной компетенции и смежных с ними понятий;
- предложить возможные способы формирования межкультурной компетенции учащихся на уроках географии и во внеурочной деятельности.

Итак, объектом исследования являются межкультурная компетенция и толерантность учащихся. Предмет исследования – процесс формирования межкультурной компетенции учащихся на основе реализации принципов диалогического подхода с использованием современных педагогических технологий, разнообразных форм и методов в рамках уроков географии и при организации внеклассной и внешкольной работы.

Гипотеза исследования: уровень межкультурной компетенции учащихся в процессе изучения географии повышается, если в педагогическом процессе учащиеся будут активно изучать и сопоставлять культуру разных народов нашей страны и других стран мира, а также, если учащиеся будут вовлечены в коммуникацию с иностранными сверстниками в рамках телекоммуникационных проектов посредством совместной учебно-познавательной деятельности.

Для решения поставленных задач и проверки исходных теоретических положений и исходной гипотезы был использован комплекс методов исследования: изучение философских, социологических, психологических и педагогических источников информации, проведение педагогического эксперимента, осуществление наблюдения, беседы и анкетирования, статистическая обработка результатов исследования.

Древние философы предостерегали: «Трех вещей нужно избегать в жизни: ненависти, зависти и презрения». Но сегодня все большее распространение в детской, особенно подростковой среде, получают недоброжелательность, озлобленность, агрессивность. Причин тому много. Взаимная нетерпимость и культурный эгоизм через средства массовой информации, социальное окружение детей все чаще проникают и в семью, и в школу. Поэтому необходимо искать эффек-

тивные механизмы воспитания детей в духе толерантности, уважения прав и свобод других, непохожих на тебя людей.

В процессе исследовательской деятельности возникла необходимость выяснения уровня толерантности учащихся в некоторых классах школы. Опытнo-экспериментальной базой исследования явилась средняя общеобразовательная школа № 31 г. Среднеуральска. В исследовании приняли участие учащиеся восьмых классов, которым была предложена анкета-игра «Проявляешь ли ты толерантность?», содержащая восемь примеров проявления толерантности.

Результаты диагностики уровня толерантности представлены в таблице.

Анкета

Вопрос	Утверждение (а)	Утверждение (б)
1. Для того чтобы не было войны...	Нельзя ничего сделать, поскольку войны будут всегда! (14 чел.)	Нужно понимать, почему они происходят. (47 чел.)
2. В школе говорят о героях, проявивших толерантность...	Это тебя не интересует. (30 чел.)	Ты хочешь узнать об этих героях. (31чел.)
3. Ты противостояшь насилию...	Насилием. (15 чел.)	Ты присоединяешься к другим людям, чтобы сказать НЕТ.(46 чел.)
4. Один товарищ тебя предал...	Ты мстишь ему. (16 чел.)	Ты пытаешься объяснить с ним. (47 чел.)
5. Когда говорят о детях, пострадавших от войны...	Ты об этом услышал и забыл. (24 чел.)	Ты ищешь возможность для того, чтобы проявить с ними солидарность. (37 чел.)
6. Ты не согласен с кем-то...	Ты не даешь ему говорить. (19 чел.)	Ты все-таки слушаешь его. (42 чел.)
7. В классе ты уже ответил...	Тебе хочется отвечать еще. (21 чел.)	Ты предоставляешь возможность другим ответить. (21 чел.)
8. Тебе предлагают переписываться с каким-нибудь иностранцем...	Ты не испытываешь ни потребности переписываться, ни потребности делиться мечтами. (23 чел.)	Ты хочешь переписываться, чтобы поделиться с ним своими мечтами. (38 чел.)

Результаты диагностики уровня толерантности

Класс	Количество участников	Высокий уровень толерантности	Средний уровень толерантности	Низкий уровень толерантности
8 «А»	25	1	24	-
8 «Б»	19	-	14	5
8 «В»	17	4	12	1
Всего	61	5	50	6

Таким образом, учащиеся восьмых классов имеют средний уровень толерантности. Они стремятся отстаивать свои идеи, проявляя любознательность и воображение, т.е. ученики могут развивать свои лучшие качества и учиться быть толерантными по отношению к другим людям. Среди участников эксперимента оказались ученики, которые имеют высокий уровень толерантности, но их меньшинство, примерно столько же учеников с низким уровнем толерантности. Хотя ученики имеют невысокий уровень толерантности, у них правильное представление о понятии «толерантность».

Учебная дисциплина «География» позволяет формировать межкультурную компетенцию учащихся, так как учебная программа реализует основополагающие задачи воспитания уважения к культуре и истории нашей страны и ее народов, а также воспитывает уважение к культуре и истории различных стран и народов.

Нами проанализирована учебная программа по географии, выявлены разделы и темы, способствующие формированию межкультурной компетентности учащихся. В 6-м классе учащиеся получают первые сведения о населении Земли как едином человечестве. В содержании курса 7-го класса увеличен объем страноведческих знаний, что усиливает гуманистическую и культурологическую роли в образовании и воспитании учащихся. При изучении данного курса учащиеся имеют возможность знакомиться с историей освоения и заселения материков, изучают культуру, религию, традиции, хозяйственную деятельность населения разных стран мира.

Курс «География России» в 8-м и 9-м классах служит одной из основ формирования духовности, воспитания патриотизма, интернационализма будущих граждан России, их уважения к культуре и истории своей Родины и населяющих ее народов, экономического и эстетического образования школьников. Данный курс позволяет знако-

мить учащихся с особенностями труда и быта разных народов нашей страны, живущих как в условиях Крайнего Севера, так и в горах Кавказа. Учащиеся знакомятся с разнообразием культурного мира, национальным и религиозным составом населения России. Курс «Экономическая и социальная география мира» в 10-м и 11-м классах завершает географическое образование школьников. Данный курс продолжает и для большинства учащихся завершает формирование знаний о географической картине мира.

В 11-м классе был проведен урок «Путешествие по Японии, Китаю, Индии». Ученики, переодевшись в национальную одежду, рисовали государственную символику, эмоционально, ярко, красочно рассказывали о культуре, религии, национальных традициях.

Таким образом, функции уроков географии не ограничиваются сегодня передачей знаний и формированием определенных навыков и умений. Полномочия школы расширяются, и, как следствие, деятельность педагога приобретает новые оттенки, на него возлагаются новые обязанности - воспитание патриота, гражданина мира, свободного от предрассудков расизма и ксенофобии.

Достижение данной цели возможно при соблюдении ряда условий.

Во-первых, развитие межкультурной компетенции является одним из важнейших условий формирования толерантного отношения подростков к различным аспектам современной жизни, таким, как межнациональные отношения, межрелигиозные отношения, уважительное отношение к людям другого поколения и социального статуса. Межкультурная компетенция предполагает диалог, взаимодействие и взаимопроникновение культур, т.е. знакомство с национальными традициями и обычаями народов, их реалиями.

В качестве форм работы по развитию межкультурной компетенции и толерантности на уроках предлагается чтение текстов соответствующего содержания с последующим обсуждением полученной информации, просмотр видеофильмов, комментирование высказываний известных людей по данной проблеме и формулировка собственных высказываний, лекции-диспуты, лекции-беседы, уроки – путешествия, сочинения – послания в другие страны мира.

Во-вторых, воспитание учащихся в духе толерантности невозможно без национальной самоидентификации. Знакомство с историей родного края, осознание влияния прошлых событий на сегодняшнюю жизнь, формирование представлений о достижениях своего народа, о

его вкладе в мировую культуру и науку вызывает чувство гордости за страну и уважение к ее богатому историческому прошлому. Подросток стремится стать частью этого огромного наследия и внести в него свой вклад. Формированию культуры межнационального общения как одной из составляющих воспитания гражданина и толерантной личности способствует включение национально-регионального компонента в содержание учебного материала, позволяющего дать представление об актуальных проблемах социально-политической жизни и развивающего чувство национального самосознания. Такой курс преподавался в 10-м классе до 2009 учебного года – это «География Свердловской области», но, к сожалению, он был отменен в связи с оптимизацией образования. Истинное понимание, принятие и толерантное отношение к чужой культуре возможно только при достаточно глубоком знании истории и культуры своей страны, своего родного края. Осознание общечеловеческих ценностей неотделимо от развития чувства национальной самобытности.

В-третьих, учет возрастных особенностей играет важную роль в процессе развития толерантности у подростков. В подростковом возрасте наблюдается направленность сознания на самого себя. Подросткам присущ повышенный интерес к своей личности, и процессы самопознания происходят часто очень бурно, что может привести к конфликтам с окружающими. Поэтому наиболее приемлемыми для них педагогическими методами являются диспуты, обсуждения, дискуссии. Характерным для данного периода является социализация мышления. Подростков интересуют сложные вопросы, связанные с такими формами общественного сознания, как мораль, этика и политика. Возникает потребность в обсуждении нравственных и этических проблем, в ходе которых происходит коррекция взглядов и убеждений, формируются духовные ценности. Живое обсуждение социально-политических и нравственных проблем, знакомство и встречи с интересными людьми, изучение информации о современной жизни страны позволяют понять суть происходящих событий. У подростков формируется чувство сопричастности к жизни не только нашей страны, но и всего мира в целом.

Формированию межкультурной компетенции способствует *проектная деятельность*. Нами разработан элективный курс «Мы создаем проект». В 2007 году это был исследовательский проект с учащимися 10-го класса «Возрождение культурного наследия России через народные художественные промыслы». Изучение народных художест-

венных промыслов дает возможность понять самобытность того или иного народа, его национальные традиции и культуру. Для нашей многонациональной страны разнообразие народного творчества, обрядов, обычаев, ремесел – не только бесценное наследие. Это наше общенациональное преимущество. Ведь культура народов России выполняет в обществе ключевую объединяющую роль, способствует сближению и взаимопониманию между людьми, утверждению принципов согласия и толерантности (Стенографический отчет В. Путина «О государственной поддержке традиционной народной культуры в России», 26 декабря 2006 г.).

В 2008 году в рамках исследовательского проекта с учащимися 10-го класса «Влияние исторических, географических и религиозных факторов на кухни народов Евразии» рассматривались вопросы развития кулинарного мастерства разных народов, тождества и различий национальной кухни. Ученицы 10-го класса подняли проблемы отсутствия кулинарной культуры, неуважения традиций других стран, равнодушия к национальным явлениям и процессам, характеризующим общественную жизнь стран.

В 2009 году в ходе исследовательского проекта с учащимися 11-го класса «Священный дар географии» (о жизни и творчестве А.С. Пушкина) ученицы рассказывали о том, что А.С. Пушкин был горячим поборником равноправия народов, их дружбы. Сам поэт гордился своим предком (по материнской линии) – Абрамом Петровичем Ганнибалом, выходцем из Африки. Дружба свободных народов – это мир на Земле, чего страстно желал А.С. Пушкин, предвидя его в грядущем: «...когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

Таким образом, сущность технологии проектного обучения заключается в личностно-ориентированном обучении, предполагающем развитие личности, способной самостоятельно добывать информацию, принимать нестандартные решения, находить пути решения локальных, региональных и даже глобальных проблем современного развития цивилизации. Технология проектной деятельности учащихся создает широкие возможности для развития многих компонентов личности: опыта творческой деятельности, мышления, эмоционального, теоретического и практического познания окружающего мира.

Научно-исследовательская деятельность учащихся в том случае, когда это групповой проект, формирует у ребят умение работать в группе, принимать чью-либо точку зрения, уважать мнение другого, т.е. происходит воспитание толерантной личности, духовно, нравст-

венно, физически и социально здоровой.

Эффективность совместной деятельности детей как средства формирования толерантности повышается, если:

- сформирована установка учащихся на совместную работу, осознаны ее цели и личностный смысл;
- осуществляются совместное планирование, организация и подведение итогов деятельности, педагогически целесообразное распределение ролей и функций между учащимися и педагогом в этом процессе;
- создаются ситуации свободного выбора детьми видов, способов деятельности, ролей;
- каждый участник может реализовать себя, добиться успеха и в то же время проявить заботу о других, внести реальный вклад в общее дело.

Внеурочная деятельность, такая, как экскурсионно-краеведческая, экскурсионно-туристическая работа с детьми, позволяет развивать межкультурную компетентность учащихся и воспитывать толерантную личность. Экскурсии по родному краю, путешествия по разным уголкам нашей страны – это ли не познание национальной культуры народов России? Учащиеся параллели 8-х классов, принявшие участие в исследовании, являются активными путешественниками. Мы побывали в увлекательных туристических поездках в города Тобольск (2007 г.), Казань (2008 г.), Волгоград (2009 г.).

Каждая поездка сопровождалась обязательным посещением краеведческого музея. Это важно именно потому, что детям дается возможность приобщиться к культуре и традициям разных народов нашей страны, увидеть своими глазами предметы быта, национальные костюмы, украшения, а иногда и примерить некоторые элементы костюма на себя, познакомиться с устным народным творчеством, героями легенд и достоверных историй, рассказывающих о том или ином народе. Замечено, что именно в краеведческих музеях дети с огромным интересом слушают рассказ экскурсовода, задают интересующие их вопросы.

Города, в которых мы побывали, являются культурными и духовными центрами нашей страны, в них переплетаются не только судьбы и культура разных народов, но и мировые религии: христианство (православие, католицизм), ислам. Обязательным в программе туристической поездки является посещение православных церквей, му-

сульманских мечетей или католических костелов. Дети просто замирают, находясь в храмах, внимательно осматривают иконы, росписи стен, покупают в церковной лавке иконки.

Не менее важным является знакомство детей с национальными кухнями. Отведав какое-то национальное блюдо, ребенок интересуется его названием, из каких продуктов его готовят. Так дети уже начинают знакомиться с культурой народа, а также проявляют уважение к традициям, отведав то или иное блюдо национальной кухни.

Таким образом, педагогический потенциал образовательных экскурсий даёт школьникам живой жизненный эмпирический опыт общения. В процессе коллективной экскурсионной деятельности у школьников формируются умения коллективно действовать, в течение нескольких дней тесно контактировать между собой, оказывать помощь, поддержку друг другу, находить компромиссы, «вживаться» в окружающую среду, как природную, так и социальную. Экскурсионная работа предоставляет уникальную возможность глубже узнать и наглядно ознакомиться с историческим и культурным наследием своей страны, пробудить у школьников чувство национального самосознания, воспитать уважение и терпимость к быту и обычаям других национальностей и народов.

В системе учебной дисциплины «География» присутствуют исторические экскурсии и оценки вражды и нетерпимости в мире, школьникам на уроках дается информация о фактах геноцида, расовых и этнических конфликтах, религиозных войнах. Однако опыт показывает, что даже хорошо проведённые разовые мероприятия по решению проблемы воспитания толерантности и формированию межкультурной компетентности учащихся не могут решить проблему формирования навыков терпимого отношения и толерантного поведения. Необходимы методы систематического и рационального обучения, которые бы способствовали улучшению взаимопонимания, укреплению терпимости в отношениях как между отдельными людьми, так и между этническими, социальными, культурными, религиозными и языковыми группами.

Нам видятся следующие возможные пути и средства решения этой задачи: возрождённые КИДы (клубы интернациональной дружбы с современными средствами коммуникации); во внеурочной и внеклассной деятельности работа над исследовательскими проектами, имеющими межкультурную направленность; деловые игры, фестивали, заочные путешествия, диспуты; недели национальных культур;

общешкольные конкурсы стихов, плакатов, рисунков, сочинений, фотографий, презентаций к Международному дню толерантности; работа школьной столовой в рамках темы «Неделя национальной кухни»; краеведческая деятельность (поездки, экскурсии); интегрированные блоки-уроки на стыке истории и географии; классные часы, анкетирование, диспуты и другие мероприятия на тему «Черты толерантной личности».

Т. Г. Бурдина
(УГЛТУ, Екатеринбург)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ: ТИПЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ

Вхождение России в глобализирующийся мир - свершившийся факт современности. Политологами различных направлений разрабатываются многообразные сценарии этого процесса: от становления России сырьевым придатком сверхдержав до достижения ею статуса одного из лидеров формирующегося многополярного мира. Полная картина процессов глобализации предполагает анализ огромного количества составляющих факторов – борьба интересов как внутри российского общества, так и на международной арене, определяемая природными, экономическими, политическими, национальными, религиозными причинами. Достичь понимания этой сложной, многовекторной, динамичной картины мирового сообщества, претерпевающего качественные, цивилизационные изменения, с научной точки зрения возможно через призму совмещения методологических потенций, заложенных в трех типах рациональности: классической рациональности, неклассической рациональности и постнеклассической рациональности [1, с. 279]. Названные *типы рациональности* имеют свою историю становления, составляющую тысячелетия (*классический тип*), столетия (*неклассический тип*), десятилетия (*постнеклассический тип*).

Весьма значимым и до конца непроанализированным является опыт русской философии начала XX века, когда предметом философ-

ского осмысления был цивилизационный перелом, переживаемый и российским государством, и всем человечеством в целом. В 20-е годы XX века в лоне русской культуры среди мыслителей, как живших в России, так и уехавших за границу, развернулась очень острая и продуктивная дискуссия о бытии России на рубеже переживаемого ею грандиозного цивилизационного изменения. Столкновение концепций было резким и бескомпромиссным. В.И. Ленин опубликовал свою знаменитую работу «О значении воинствующего материализма». В журнале «Большевик» в 1925 году печатается его статья «К вопросу о диалектике». Это ключевые работы, отстаивающие материалистическую позицию и идеи рациональности, как способности людей преобразовывать мир по лекалам исповедуемой теории.

С другой стороны, великий философ Иван Ильин, ярчайший представитель русской религиозной философии, публикует работу «Философия и жизнь», в которой раскрывает многоуровневый сложный характер бытия в целом, процессов познания, связи субъекта и объекта. «Для того, чтобы знание состоялось, - пишет он, - необходимо чтобы содержание объекта вступило, так или иначе, в пределы субъекта, ибо знание есть разновидность обладания, имения; чтобы иметь, надо взять, поять; без взятия, по-ятия, не может быть ни понимания, ни по-нятия. Это означает, что содержание предмета должно состояться, обнаружиться, выступить в душе субъекта. Познающая душа должна представить свои силы и средства предмету; это необходимо для того, чтобы принять в себя его содержание, дать ему осуществиться в себе. Предмет должен как бы прозвучать своим содержанием в познающей душе, высказаться в ней, страстись в ней, как бы выжечься в ее ткани; подлинно присутствовать в ней так, чтобы душа зажила стихией самого предмета и стала одержимой его содержанием. Только тогда человек может сказать, что он испытал предмет, что он приобрел первую основу всякого знания – предметный опыт» [2, с. 47].

Столь обстоятельный отрывок из Ивана Ильина был приведен с целью показать, что в русской философской мысли были очень нетривиальные взгляды на потаенные, ментальные, глубинные аспекты познавательного процесса, весьма отличающиеся от обкатанной привычной схемы материализма: «субъект – средства познания – объект». В работах русских философов, насыщенных духом сложности, нестабильности бытия, российского бытия на сломе цивилизаций, глубоко проступали мысли о недостаточности классического рационализма лапласовского типа, когда рациональность понимается просто как оп-

тимальное устройство мира по определенным человеческим замыслам. В сборнике «Философия и мировоззрение. Философские дискуссии 20-х годов» приводятся интереснейшие работы И.Е. Орлова «Случайность, причинность и необходимость», Б.М. Гессена «Объективный характер вероятности», в которых авторы пытаются нащупать сложную архитектуру и динамику бытия через категории диалектики, причем выходя за рамки их классического гегелевско-марксистского толкования. В упомянутой статье И.Е. Орлова четко обрисована идея о различном понимании случайности в изолированных и открытых системах. Автор приходит к следующим небезынтересным заключениям: «Необходимость различения субъективной и объективной вероятности основывается на следующих факторах [3, с. 447]:

- взаимная компенсация случайностей;
- существование законов случая, не зависящих от знания – незнания;
- выражения для вероятности системы могут представлять собой объективные константы;
- при переходе от статистического знания атомов к абсолютно точному не может получиться ни малейшего выигрыша в отношении знания общих свойств объектов».

Почти столетие, разделяющее нас и мыслителей начала XX века, ознаменовалось новым цивилизационным переломом всемирного масштаба, захватившим все стороны и российского бытия. Грандиозные изменения техники, технологий (особенно информационных) не могли не отразиться в усложнении мыслительного процесса и становлении многоуровневого типа рациональности, контуры которого провидчески только проступали в текстах русских философов.

Классический тип рациональности, сформировавшийся в научном познании с XVII до конца XIX века, характеризуется акцентацией внимания на объект при максимальной элиминации субъекта и средств деятельности. Объект в контексте классического типа рациональности – это достаточно простая постижимая система в отношении которой возможно получение объективно истинного знания. Лидирующим разделом научного знания в этот период неслучайно была механика.

Неклассическая рациональность (конец XIX – начало XX века) обращена к познанию сложных саморегулирующихся объектов, с зависимостью получаемых знаний от характера используемых средств познания. Познающий субъект оперирует одновременно несколькими истинами об объекте, содержание и природа которых зависит от

средств познания. Классическим примером, инициировавшим неклассическую рациональность в науке, явились идеи корпускулярно-волнового дуализма в физике.

Становление этапа *постнеклассической рациональности* (конец XX века) связано с реализацией сложных комплексных исследовательских программ, базирующихся на проблемном принципе, многоуровневом характере объектов, междисциплинарных исследованиях. Это программы изучения и освоения космического пространства, биотехнологии, проблемы экологического характера и др.

Образно можно утверждать, что субъект, работающий в парадигме классической рациональности, – это некий исполнитель, ремесленник, осуществляющий некие стандарты деятельности. Образ субъекта неклассической рациональности – это образ творца, созидателя, автора креативных проектов. Еще более возрастает элемент творчества при работе в поле постнеклассического типа рациональности. Субъект и объект связаны там отношениями скорее партнерства, соавторства, сотворчества, осуществляемых по избранному субъектом селективному принципу из нескольких сценариев деятельности.

Не ставя перед собой задачи обстоятельного анализа вхождения России в глобализирующийся мир (ибо это тема не для статьи), мы хотели бы остановиться на проблемах взаимосвязи названных ранее типов рациональности в процессе обучения студентов высших учебных заведений.

Задача высшего образования – это подготовка молодежи к осознанному, адекватному бытию в современном динамично изменяющемся мире. В процессе обучения явно или неявно студенты сталкиваются с тремя названными типами рациональности, и, как нам хотелось бы показать, выдвигание на первый план одного из типов рациональности не умаляет и, более того, предполагает наличие других – подобно тому, как открытие законов квантовой механики не уредило и не отменило законов классической механики.

Обратимся к классическому типу рациональности. Рациональность, в самом общем плане, – это оптимальная организация человеческой деятельности. Классический тип рациональности в современном мире представлен в виде огромного массива деятельности, подлежащей стандартизации. При этом в глобализирующемся мире многие стандарты разрабатываются на общемировом уровне. В неявной форме стандартизация присутствовала в самом начале технической деятельности человека, протекая незаметно для широкого круга людей.

Стандартизация как деятельность по рациональному отбору и фиксации человеческих достижений совершается, не прекращаясь, всю историю развития общества. Накапливаемый «материал» обобщается в нормах, правилах, стандартах, которые вбирают и аккумулируют эти достижения. Обеспечивая таким образом сохранение достигнутых результатов, стандартизация создает основы для дальнейшего развития социума. До начала 20-х – 30-х годов XX века стандартизацией занимались главным образом инженеры и техники, но это не было основным родом их деятельности.

В современном мире мы говорим уже не только о внутригосударственных, но и о международных стандартах. На различных уровнях государственных учреждений, международных организаций сформировались соответствующие институты, бюро, деятельность которых направлена на осуществление контроля за стандартами, разработку новых, отвечающих требованию времени стандартов. Простейший пример из нашей российской повседневности – это проблема ввоза «ножов Буша», которые то недотягивают до общероссийского стандарта, то, благодаря мощнейшим усилиям американских партнеров, начинают им соответствовать. Трудно перечислить, с каким громадным массивом стандартов знакомятся студенты любого вуза: стандарты на заготовку и обработку древесины, прокладку и обустройство дорог, стандарты эксплуатации различных технических устройств и т.д. Стандартизация наличествует и в такой, на первый взгляд, гуманитарной специальности, как «Культурный сервис и туризм»: определение уровня «звездочности» гостиниц, оптимального числа туристов в группе, уровня сложности маршрута, оформление финансовой и других видов документации и т.д.

Непосредственная цель стандартизации – переход от сложности к простоте, от неоправданного разнообразия к целесообразности. Основные идеи стандартизации – это сокращение безосновательного многообразия, ликвидация стихийности, отражающая взаимопонимание и согласие заинтересованных сторон, выбор оптимальных вариантов деятельности, регламентирование основных ее характеристик и параметров, обеспечение пунктуального соблюдения стандартов и, что наиболее важно, своевременный пересмотр стандартов.

На сегодняшний день идеи стандартизации представлены в учебном процессе как освоение общекультурных компетенций. Компетентностный подход, являющийся основой развития высшего образования, безусловно относится к сфере формализуемого, стандарти-

зируемого в системе знаний. Этот подход позволяет выделить уровни компетентности, создать систему критериев, которым должен отвечать выпускник вуза [4, с. 4].

Особую сложность представляет стандартизация гуманитарного знания. Если естественнонаучные дисциплины, рассматриваемые традиционно как образец научного познания, достаточно легко поддаются процессу структурирования и стандартизации, то цикл наук гуманитарного профиля требует в этом отношении особо внимательного, взвешенного подхода (специфика предмета изучения, методологии, методики, ценностно-ориентационные установки, функции в общественной жизни). Гуманитарное знание существенно отличается от естественнонаучного уровнем своей субъективности, что дает ему дополнительные степени свободы и требует принять плюралистическую концепцию истины. Однако без стандартизации, формализации гуманитарных дисциплин через построение концепции общекультурной компетенции невозможно осуществлять образовательный процесс в условиях перехода общества от индустриальной к информационной стадии развития.

Вместе с тем, в процессе преподавания бытийствует и неклассическая рациональность, так как процесс обучения невозможно формализовать абсолютно, и в процессе преподавания любой, даже жестко заданной программы наличествует элемент субъективности – одну и ту же проблему разные преподаватели, исходя из их личностных установок, интересов (даже подсознательных мотиваций), освещают по-разному. Об этом предупреждал еще М. Вебер подчеркивавший, что «ценностная нагруженность исследователя не оправдывает его злоупотребления своим служебным положением, использование им кафедры и лекционных занятий для пропаганды политических направлений и т.д.» [5, с. 151].

В процессе преподавания возникает скорее не противоречие классической и неклассической рациональности, а их взаимодополнение, наиболее адекватно отражаемое классическими категориями диалектики «сущность» и «явление». Сущность определяет явление, но явление богаче сущности, ибо как преподаватель, так и студенты уникальны как личности и их диалог невозможно ограничить строгим прокрустовым ложем стандартов. Систему «преподаватель – студенческая аудитория» можно рассматривать как многополярное образование, на бытие которого влияет целый спектр причин, от социально-экономических до природно-климатических. Механизмом, предупре-

ждающим возникновение конфликтных ситуаций в образовательном процессе, является соблюдение требований толерантности – в учебном процессе идет как бы полифония классической и неклассической рациональности. С одной стороны, общекультурные компетенции выполняют роль структурообразующего начала, с другой стороны, учебный процесс предоставляет поле творческой работы с учебным материалом, когда и преподаватель и студент выступают в роли творцов.

Неклассическая рациональность реализуется в процессе преподавания, студентами при написании творческих работ (проектов, курсовых, дипломных и т.п.), когда в контексте работы студенты знакомятся с различными взглядами, с различными способами освоения одной и той же реальности. Самым ценным в этих формах обучения является способность студента подняться через анализ дискуссионного материала до формулировки собственного видения, собственного подхода, собственных методов изучения осваиваемого предмета.

Идеи постнеклассической рациональности зародились в сфере естественнонаучного знания. Один из основателей синергетики И. Пригожин сформулировал совершенно новые методологические принципы для описания процессов в открытых саморазвивающихся системах. Кратко суть синергетической картины мира может быть сформулирована как принципиально новое видение случайностей в процессах развития. Классическая рациональность рассматривала случайность как форму проявления и дополнения необходимости. Синергетическая парадигма указывает на решающую роль случайного фактора в точках бифуркации системы (ситуациях, когда невозможно дать однозначный прогноз дальнейшего поведения системы, когда возникает некое разветвление возможных вариантов развития системы).

Можно утверждать, что самая общая методология синергетического подхода имманентно заложена в категориях «возможность», «вероятность» и «действительность». Однако следует однозначно подчеркнуть, что существенная роль случайности раскрыта именно в рамках синергетического подхода. Надо отметить, что идеи синергетики следует рассматривать не как научную теорию, а как некое учение, ибо синергетика по своей глубинной природе не дает однозначный прогноз развития системы, а ориентирует на построение возможных разнообразных сценариев развития процесса. Кроме того, перенос идей синергетики из сферы естественнонаучного познания в сферу познания гуманитарного должен быть весьма осторожной процедурой, ибо социальная, биологическая формы движения материи ор-

ганизованы по более сложным закономерностям, нежели системы неживого мира и, претерпевая даже качественные изменения в точках бифуркации, выходя на новые пути развития (аттракторы), не утрачивают полностью свою информационную память (например, генотип в живом, ментальность в социальном). Так, в монографии А.А. Горелова «Концепции современного естествознания» идеи синергетики достаточно осторожно излагаются в разделах, касающихся физической и химической форм движения материи [6]. У Г.И. Рузавина в учебном пособии «Концепции современного естествознания» представлен более широкий предмет методологического анализа постнеклассической рациональности (синергетики). Автор указывает, что «новый подход синергетики делает ее эффективным инструментом исследования сложноорганизованных систем и открывает широкие перспективы для ее применения в различных науках. Неслучайно поэтому этот подход все больше проникает и в социально-экономические и гуманитарные науки, которые занимаются исследованием сложноорганизованных систем наиболее высокого уровня. Более того, под влиянием возникшей моды на синергетику некоторые представители общественных наук рассматривают ее как новую парадигму или философский метод исследования» [1, с. 279]. Взгляды Г.И. Рузавина и его сторонников представляются нам более предпочтительными при условии соблюдения демаркационной линии живого и неживого, живого и социального, социального и духовного, ибо в названных переходах абсолютной потери «памяти системы» нет и каждый случай требует своего конкретного анализа.

Привлечение идей синергетики к анализу и содержательному развитию учебного процесса представляется нам идеей весьма плодотворной, ибо, как будет показано ниже, и в самом учебном процессе и, тем более, в социальной жизни студентам предстоит осваивать не только идеалы классической и неклассической рациональности, но иметь дело с ситуациями многофакторного характера, когда субъект и объект оказывают существенное взаимовлияние друг на друга, как бы «формируют» друг друга, а роль случайного и непредсказуемого возрастает до критических уровней.

Следует отметить статью С.С. Шевелевой, в которой она выделяет следующие элементы «открытой модели», соответствующие синергетической парадигме образования. «Соответствующая синергетической парадигме "открытая модель" образования предполагает [7, с. 132]:

- открытость образования будущему;
- интеграцию всех способов освоения человеком мира;
- развитие и включение в процессы образования синергетических представлений об открытости мира, целостности и взаимосвязанности человека, природы и общества;
- свободное пользование различными информационными системами, которые сегодня играют не меньшую роль в образовании, чем непосредственное общение с преподавателем;
- личностную направленность процесса обучения;
- психологическую установку обучающегося на сверхзадачу, в связи с чем образование находится в процессе постоянного поиска и изменения, все время формируя новые ориентиры и цели;
- изменение роли преподавателя: переход к совместным действиям в новых, нетривиальных ситуациях в открытом, изменяющемся, необратимом мире».

Нынешнее лето в России продемонстрировало со всей очевидностью узость классической рациональности, не позволяющей через экстраполяцию колебаний температур за последние 150 лет предсказывать такую засушливую и пожароопасную погоду, особенно в центральных областях. В произошедшем катаклизме задействованы такие многоуровневые факторы, начиная от разрушения в России в 90-е годы системы достаточно рационального лесопользования до незатушенного окурка. На вопросы корреспондентов газеты «Комсомольская правда» о причинах погодной аномалии заместитель директора по науке главный научный сотрудник Института глобального климата и экологии Росгидромета РАН Сергей Семенов сказал следующее: «Погода – вещь непостоянная..., но вопрос "А почему в этом году так долго стоит жара да еще на такой большой территории?" совершенно законный. Правда, ответить на него сию минуту невозможно. На него будут отвечать специалисты в течение всего года, исследовать, какие к этому были предпосылки. Самый простой ответ на сегодняшний день: "Так случилось" ... Все это климатическое оружие, изменение магнитных полюсов Земли – розовая пена, морочащая голову людям. И если кто-то говорит, что уже знает точную причину, то это не правда» [8, с. 2].

Идеи постнеклассической рациональности предполагают готовность к катаклизмам (пожарам, наводнениям и т.д.) не только на оптимальном уровне, но с определенным запасом прочности. Анализ возможных аттракторов развития должен предусматривать не только

штатные ситуации, но и возможность стихийных бедствий различного масштаба и детально «прописывать» сценарии противостояния им.

С методологией постнеклассической рациональности студенты соприкасаются в ходе изучения практически всех крупных цивилизационных проектов. Таким проектом является, в частности, проект развития нанотехнологий. Не уподобляясь неофитам, видящим в нанотехнологиях разрешение всех проблем человечества, необходимо давать более взвешенную оценку их возможностей и перспектив развития в различных сферах человеческой деятельности, ибо в сфере теории и особенно практики нанотехнологий человечество встретилося с проблемами особого рода, малоисследованными и выходящими далеко за рамки привычной методологии классической и неклассической рациональности. Прежде всего, это формирование качественно нового субъекта деятельности, который уместно было бы назвать «глобальный субъект научно-технического развития», поскольку в разработку нанотехнологий активно вкладывают средства все развитые страны мира. Особенности субъекта глобальной деятельности представлены не только и не столько в его географических характеристиках. Его принципиальная новизна состоит в том, что его элементами, кроме представителей научных школ, направлений, не в меньшей степени являются и представители социально-экономической элиты – политики, бизнесмены, банкиры, решающие, какие направления нанотехнологий признать наиболее востребованными, перспективными, какие средства выделить на их развитие.

Данная ситуация требует нового рассмотрения извечного вопроса о соотношении свободы и креативности, с одной стороны, и ответственности, с другой. Безусловно, все прерогативы научного творчества находятся в распоряжении научно-технической элиты, однако руководство и контроль за ее деятельностью уже переходит в сферы социально-политические. Сложился некий триумвират «политика – бизнес – наука», в рамках постнеклассической рациональности осуществляющий партнерские отношения по поводу создания мощнейших сценариев преобразования всех сфер жизнедеятельности человека, от материальной до духовной. В этой ситуации полезно вспомнить об идеалах классической рациональности, о создании правового поля контроля за целесообразностью внедрения нанотехнологий во все сферы жизни социума, отслеживания финансовых потоков, направленных на их реализацию.

Освоение принципов постнеклассической рациональности предполагает умение работать по очень гибким сценариям, в которых не гарантировано достижение строго определенной цели, но требуется совершенно иной стиль мышления – стиль мышления партнеров, соавторов, участников инновационного процесса. Достичь подобных результатов можно в процессе обучения на специальных семинарах-тренингах, деловых играх, дидактических играх, творческих коллоквиумах и т.д. Так, нами неоднократно в процессе обучения проводилась дидактическая игра «Защита аннотации к диплому» для студентов 5-го курса гуманитарного факультета. Суть игры состояла в том, что каждый студент готовил аннотацию своей дипломной работы, отвечающую определенным требованиям (классическая рациональность). Однако каждая аннотация в зависимости от творческих потенций студента, его интересов была составлена авторски, и здесь уже присутствовали черты неклассической рациональности. Само же занятие проводилось по следующему сценарию: каждый студент получал возможность выступить в нескольких ролях – дипломника, «белого оппонента», «черного оппонента». Роль преподавателя при проведении дидактической игры всегда многообразна и непредсказуема. Одни ситуации порождают необходимость поддержки дипломника, «белого оппонента», другие ситуации требуют скорректировать выступление «черного оппонента» и т.д. Субъект (преподаватель) и объект (студенческая аудитория) как бы утрачивают привычные разграничительные линии, ибо каждому (и преподавателю и студенту) приходится выступать в разных ролях и заранее предвидеть, во что выльется обсуждение той или иной работы, какой остроты, а порой и сарказма достигнет уровень дискуссии невозможно. Можно констатировать присутствие элемента непредсказуемой случайности, бытийствующей в формально организованной аудитории.

Хотелось бы надеяться, что подобные маленькие «спектакли» и вузовское обучение в целом готовят современные поколения студентов к комплексному применению различных типов рациональности, что выстраивает оптимальный методологический каркас человеческой деятельности в XXI веке.

Библиографический список

1. Рузавин Г.И. Концепции современного естествознания. М., 2006.

2. Ильин И.А. Философия и жизнь // Философия и мировоззрение. М., 1990.
3. Орлов И.Е. Случайность, причинность и необходимость // Философия и мировоззрение. М., 1990.
4. Инновационный подход к формированию федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования. МГУ, социологический факультет. М., 2007.
5. Вебер М. Наука как призвание и профессия. // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991.
6. Горелов А.А. Концепции современного естествознания. М., 1999.
7. Шевелева С.С. К становлению синергетической модели образования // Общественные науки и современность. 1997, № 1.
8. Комсомольская правда, 12-19 августа 2010 г.

Н.Г. Дьякова
(МОУ СОШ № 31, Среднеуральск)

РОЛЬ ПЕДАГОГА В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Новая школа – это школа успеха, здоровья, информационных технологий, она учит мыслить, искать решения проблем. Новая школа – это творческая мастерская педагога и ребенка в педагогическом процессе, где ребёнок – «солнце, вокруг которого вращается все», где все дети талантливы.

Основной принцип работы такой школы – тесная связь оправдавших себя педагогических традиций и инноваций. Что же касается целей новой школы, то они направлены на решение проблем в образовании (интеллектуальное, физическое, эстетическое, нравственное развитие), которые были востребованы вчера, остаются таковыми сегодня и будут не менее актуальны завтра, только достигать их нужно по-новому, чтобы ученикам это было в радость. Конечно, внешний облик школы тоже имеет большое значение, ведь серость и безликость вызывают негативные чувства, следовательно, снижается мотивация деятельности.

Все мы осознаем, что новая школа требует новых учителей. И

если вопрос внешнего облика и оснащения школы не в нашей компетенции, то внутреннее содержание школы мы можем наполнить, а для этого нужно новое отношение педагога к себе, к работе и, прежде всего, к ученику. В моём понимании педагог новой школы – это друг по отношению к детям, их помощник, советчик и союзник, который соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, умеет не только учить детей, но и сам способен учиться у своих учеников. Современный учитель не даёт готовые истины, знания, а стимулирует детей к поиску, развитию, создаёт условия для развития творческих способностей.

Новый учитель сам находится в творческом поиске, интересуется всем тем, что его окружает, ведь школа жива, пока учитель в ней интересен ребенку. Отличительными чертами современного педагога являются постоянное самосовершенствование, эрудиция и высокая культура труда. В век информационных технологий мы продолжаем говорить о воспитании как о первостепенном приоритете в образовании. Это возлагается на учителя, так как никакая, даже самая умная машина, не будет заниматься духовно-нравственным воспитанием.

Без внедрения нового нет развития. Хотя к новаторству во все времена относились с осторожностью, порой с недоверием. Из истории искусства нам известно, что, когда создавались новые модернистские творческие школы, они находили больше противников, чем сторонников. Очень часто то, что подвергалось жёсткой критике, через столетия становилось образцом, примером для подражания. Только разница между искусством и школой в том, что неудачные произведения искусства можно не выставлять, хотя бы временно. А как же быть с таким произведением, как дети? Ведь то, что мы вложили в них сегодня, потом уже не переделаешь, не спрячешь. Поэтому учитель должен постоянно задавать себе вопрос «чему учить школьников?».

Этот вопрос периодически задаю себе я. Если сомневаюсь в ответе, тогда обращаюсь к самому доступному и надёжному источнику информации (нет, не к Интернету) - самим детям, родителям и педагогам. Получив ответы на вопрос «Какие качества педагога новой школы вы можете выделить?», я поняла, что для всех важны понимание ученика, искренность, уважение по отношению к учащимся, образованность, справедливость, чувство юмора, современность мышления, разумная требовательность, мастерство педагога. Лично для меня все ясно. Мы должны понимать своих учеников.

Огромен объем современной информации, порой противоречивой и недостоверной. На фоне пропаганды разврата, жестокости и на-

силия, агрессивной рекламы алкогольной и табачной продукции детям сложно найти правильный ориентир без помощи педагога. Ведь когда учились мы, в мире было всё гораздо проще, обучение шло планомерно, мы получили хорошие знания и не тревожились о будущем. Хотя в этой планомерности лично я тоже вижу минусы. Я училась на «5», мне было это легко, никаких трудностей, проблем. Только сейчас я могу признать, что во мне не развито было чувство уверенности в себе, меня не научили презентовать себя. А ведь во взрослой жизни не всё так гладко. Я опасаюсь трудностей, тяжело их переживаю. А те, кто учились на «2» и «3», оказались более адаптированными к жизненным проблемам. Нет, это совсем не значит, что я против хороших оценок, просто "пятерки" должны быть не самоцелью, а средством успешности в жизни, умением проявить себя.

В своей педагогической деятельности я использую элементы технологии проблемного обучения, технологии развивающего обучения, проектного обучения. У ребёнка с невысоким уровнем мотивации, низким интеллектуальным уровнем стараюсь найти другие плюсы, такие человеческие качества, которые заслуживают уважения.

Я готова понять учеников, их настроение, поступки, даже плохие. У меня 11-й класс, ребята делятся своими проблемами, личными переживаниями. Для меня это важно. Нет, сама, без их разрешения, я в души детей не лезу, просто общаюсь с ними на равных. Они спрашивают у меня совета, я – у них. Почему бы нет? И пусть они не совсем отличники, у меня с ними хорошие отношения. Это чувствуют они и я. И если 16-летний подросток хочет высказать наболевшее, даже про несчастную любовь, значит, он видит во мне друга. Если я ему не отвечу на вопрос, значит, он пойдёт искать ответ «на улице». Дети чувствуют уважение со стороны педагога и ценят это, раньше уважали учителя, как мать, как отца, как Родину, только за то, что он учитель, а современные дети тонко чувствуют отношение учителя к себе и платят той же монетой.

«Мне не стыдно учиться у своих учеников», – говорил Максим Звонарев. И мне не стыдно. Я могу проконсультироваться у детей по поводу телефона, компьютера, моды, учусь у них жить, оптимизму, уверенности. Никогда не возвращаюсь в прошлое с восторгом и не говорю: «А вот в наше время...». В прошлом году училась кататься на коньках на стадионе, где было много моих учеников. В их глазах видела понимание, поддержку и даже гордость. Они подсказывали мне, как нужно кататься. И ведь я научилась!

Всю информацию на уроке пытаюсь связать с практическим применением в жизни, с проявлениями человеческой души, любовью, сердцем. Любая тема преподносится мною через призму человеческих отношений, законов гармонии. Для своего профессионального роста участвую в обучающих, практических семинарах, прохожу обучение на курсах повышения квалификации.

И еще один момент для меня очень важен. Я много раз слышала фразы бывших учителей: «Мы всю жизнь провели в школе и мало уделяли внимания собственным детям». Я с этим не согласна. Воспитание своего ребёнка для меня свято. Уделяя много времени и сил школе, достаточно внимания уделяю своей дочери. Я – учитель не только в школе, но и дома.

Педагог новой школы должен делать все возможное, чтобы в будущем его ученики успешно поднимались по высоким ступеням жизни, были готовы преодолевать сложные препятствия, достигали поставленной цели, но всё это путём, не противоречащим своей совести. «Школа – слово латинского, а, точнее, санскритского корня. Это «Scele», лестница, которая имеет свои ступени. Учитель помогает ученикам подняться на одну ступеньку выше». (Ш. Амонашвили).

В.С. Каташинских
(УрГУ, Екатеринбург)

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ИНСТИТУТА ОБРАЗОВАНИЯ

Образование – одна из наиболее важных областей жизнедеятельности человека, взаимодействующая со всеми другими сторонами жизни общества: экономической, политической, духовной.

Поэтому феномен образования изучается самыми различными областями научного знания. Это объясняется тем, что образование так или иначе связано практически со всеми областями жизнедеятельности человека. Многие вопросы, связанные с проблематикой образования, носят междисциплинарный характер, так как для современных образовательных процессов характерны тенденция к ассимиляции традиций и развитие в рамках потребностей общества.

Любой социальный институт характеризуется наличием соци-

ально обусловленной цели своего существования и деятельности, функциями, субъектами, которые несут статусы и роли, соответствующие потребностям данной области жизнедеятельности общества. Именно социальные институты, по мнению американского социолога С. Липсета, «обеспечивают гарантии устойчивости, постоянства отношений между людьми, выстраивая устойчивую структуру разнообразных форм коллективной жизни; без социальных институтов невозможно было бы ни удовлетворение важнейших социальных потребностей, ни гарантирование организованного процесса коллективной деятельности» [1, с. 211]. Поэтому в социологической области научного знания, как подчеркивают В.В. Радаев и О.И. Шкаратан, «институты – одна из базовых дефиниций, ...они сопутствуют самой сущности упорядоченной социальной жизни. Традиция такого подхода идет еще от Г. Спенсера, считавшего, что изучение институтов есть изучение строения и развития общества, анализ возникновения, роста, изменений, сломов, а следовательно, оно и составляет сущность социологии как науки» [1, с. 211].

Социальный институт – это организованное объединение людей, выполняющих определенные социально значимые функции, обеспечивающие совместное достижение целей членами общества, задаваемых социальными ценностями, нормами и образцами поведения.

Социальный институт – это организованная система связей и социальных норм, которая объединяет значимые общественные ценности и процедуры, удовлетворяющие основным потребностям общества.

В рамках институционального подхода Г.Е. Зборовский трактует понятие «образование» как «устойчивую форму организации общественной жизни и совместной деятельности людей, включающую в себя совокупность лиц и учреждений, наделенных властью и материальными средствами (на основе действующих определенных норм и принципов) для реализации социальных функций и ролей, управления и социального контроля, в процессе которых осуществляется обучение, воспитание, развитие и социализация личности с последующим овладением ею профессией, специальностью, квалификацией» [2, с. 28].

Институциональный подход к изучению образования позволяет выявить не только объективные характеристики данного феномена, такие, как учреждения, субъекты, но и субъективные (взаимосвязи между данными элементами, их оценки, мнения, традиции и нормы, ценностные ориентации). Это представляется особенно важным, так как институт образования в первую очередь способствует развитию и

формированию как каждой отдельной личности, ее социализации, так и всего общества в целом. Также институциональный подход предполагает изучение видов совместной деятельности различных общностей и групп, так как «интересы социальных общностей в сфере образования не совпадают, а их взаимодействие, как правило, насыщено противоречиями» [2, с. 32].

В качестве социального института образование выступает как «совокупность исторически сложившихся и закреплённых, устойчивых и самовозобновляющихся видов социальных взаимодействий, призванных удовлетворять потребности общества в передаче знаний от одних поколений к другим» [1, с. 211].

Е.А. Недзвецкая выделяет 4 основных признака образования как социального института [1, с. 213]:

1) наличие строго определенного реестра прав, обязанностей и функций агентов институционализированного взаимодействия, что позволяет обеспечить высокую предсказуемость поведенческих актов участников этого взаимодействия на основе целесообразно ориентированных стандартов их поведения;

2) детерминированное наличием конкретного набора прав и обязанностей разделение труда и профессионализация выполнения функций агентов, что предполагает деятельность не просто участников, а специалистов;

3) обезличенный, деперсонифицированный тип регламентаций социальных взаимодействий. Речь в данном случае идет о том, что в контексте институционального пространства, характеризуемого регулярностью и самовозобновляемостью социальных связей, действующему субъекту необходимо взять на себя конкретные деиндивидуализированные права и обязанности и тем самым обеспечить соответствие своей деятельности адекватным данному институту социальным стандартам поведения;

4) наличие не просто механизмов регуляции, направленных на стабилизацию, упорядочение социальных связей, но и комплекса обязывающих доминант в виде совокупности норм – фиксированных и однозначно интерпретируемых эталонов поведения, адресуемых всем участникам социальных взаимодействий.

Поскольку образование непосредственно связано с развитием и социализацией личности, необходимо анализировать феномен института образования с точки зрения удовлетворения потребностей индивидов и групп. Таким образом, изучение потребности в образовании является

одной из ключевых тем в рамках институционального подхода.

Социальный институт образования играет важную роль в процессе нормального функционирования и развития общества. Материальные и духовные ценности, знания, опыт, традиции должны быть переданы новому поколению и усвоены им. Поэтому поддержание достигнутого уровня культурного развития, его дальнейшее совершенствование невозможны без овладения культурным наследием прошлых веков. Таким образом, важнейшим компонентом процесса социализации индивидов выступает образование – обучение человека с целью передачи накопленных знаний и культурных ценностей.

Применяемый в рамках социологической науки институциональный анализ направлен на выявление роли и места образования в совокупной системе общественных отношений, устанавливает степень адекватности выполняемых им функций потребностям социальной системы в целом, а также определяет характер взаимосвязей между системой образования и другими социальными институтами. Кроме того, осуществляется изучение внутренней структуры образования, то есть присущих ему социальных ролей и статусов, видов деятельности, а также функционирующих в его рамках формальных организаций.

Социологический подход к образованию как к социальному институту представляется наиболее полным, так как позволяет осветить все грани данного явления. Ведь социологические проблемы образования отражают противоречивые взаимодействия системы образования с обществом как глобально-социальной системой. Также весь спектр внутренних противоречий между субъектами образовательного процесса изучается в рамках институционального подхода, что позволяет не просто создать общую картину расстановки сил и положения дел в институте образования, но и разработать пути преодоления этих противоречий, а также рекомендации и стратегии по развитию института образования.

В социологическом плане учебный процесс в вузе (взаимодействие преподавателей и студентов в информационной, технической, интеллектуальной, творческой и др. среде) есть, прежде всего, социальный процесс удовлетворения потребности молодежи в высшем образовании, развития этой потребности в ходе активной, целенаправленной деятельности по использованию взаимодействующими сторонами внутренних и внешних ресурсов, возможностей. Таким образом, к особенностям социологического изучения высшего образования можно отнести следующие аспекты:

1) изучение зарождения, функционирования и распада социальных процессов, отношений и структур в вузовской системе;

2) применение социологических критериев (показателей, индикаторов, индексов, коэффициентов и др.) в процессе образования и подготовки специалистов, изучение их включенности в образовательный процесс;

3) обнаружение латентных факторов, снижающих качество образования. Данная социологическая грань важна тем, что искажение качественных параметров образовательного процесса происходит в условиях общего роста скрытости социальных процессов;

4) определение управляемости вузовской системы, эффективности управленческих усилий, сущности факторов, ведущих к неуправляемости системы образования.

Предметом исследования может также стать и совершенствование социологических способов, инструментария в процессе управления образованием и качеством подготовки специалистов.

Также социологический подход дает представление об образовании как о процессе обмена услугами с целью удовлетворения потребностей субъектов образовательного процесса, ведь сейчас получение высшего образования является своеобразными инвестициями в будущее специалиста, в его успешность и карьерный рост, а для государства в лице вуза образовательный процесс – инвестиции в развитие страны, улучшение качества жизни населения.

Вуз «производит» продукцию и услуги для разных категорий потребителей. Если говорить о внутренних потребителях вуза, то они могут быть одновременно и участниками процессов, и потребителями результатов (преподаватель получает студентов, подготовленных по предыдущим дисциплинам учебного плана). В двойственном положении находятся и обучающиеся. Они являются «исходным сырьем» для вуза (в виде абитуриентов), внутренним потребителем образовательных услуг, участниками образовательного процесса и конечной продукцией вуза в качестве подготовленных специалистов.

При этом в зависимости от конечного потребителя результатом образовательной деятельности вуза можно считать предоставляемые образовательные услуги, если потребителем является личность (студент, слушатель системы повышения квалификации и т.д.), или выпускаемых специалистов, если потребителем является работодатель (предприятие, организация, в т.ч. и сам вуз), государство или общество.

Вместе с тем, учебный процесс направлен и на удовлетворение потребностей самой образовательной системы в поведении и состоя-

нии умов студентов, их наставников, качественно адекватных существующим правилам и требованиям. Другими словами, удовлетворение потребностей должно быть взаимным.

А.М. Осипов в статье «Актуальность социологического подхода к образованию» пишет, что «от социологов образования нужно ожидать и требовать действительно новых идей и социально-прикладных разработок. Но и при этом условии вряд ли можно ожидать быстрых свершений, даже будучи индивидуально вооруженным современной социологией образования» [3]. А для этого необходимы:

- массовая социологическая образованность работников системы образования;
- социально организованная гибкость системы образования;
- позитивная программа развития системы образования.

Исследовательские разработки в области социологии образования сегодня являются необходимым условием для изучения современного общества, для определения места образования в этом обществе, а также характеристики его проблем и задач. Образование сейчас стоит перед проблемой – необходимостью найти оптимальные пути своего дальнейшего развития. Оценка происходящих изменений неоднозначна. Однако предложения и суждения, какими бы противоречивыми они ни были, отражают глубокую заинтересованность людей в обеспечении и дальнейшем наращивании духовного потенциала общества. В целом, существующая система образования, ее многообразные звенья представляют собой весьма противоречивую картину, в которой позитивные сдвиги еще нередко перемежаются с негативными или неопределенными тенденциями.

Попытаемся сформулировать основные проблемы, разрабатываемые в рамках социологического подхода к изучению института образования на современном этапе:

- социальная, политическая и экономическая нестабильность в обществе, кризисное положение экономики, острый дефицит бюджета привели к неудовлетворительному финансированию образования со всеми вытекающими отсюда последствиями;
- слабая нормативно-правовая база снижает уровень защиты субъектов образования, а также ухудшает качество управления в сфере образования;
- сохраняющаяся тенденция старения педагогических кадров замедляет развитие новых технологий образования;
- намечается угроза превращения российской демократической

системы высшего образования в сословно-элитарную из-за роста количества коммерческих мест в вузах (рост платного образования, которое оплачивается из личных доходов населения).

Поэтому поиск наиболее рациональных путей обновления всех ступеней образования потребует от социологии образования еще больших усилий по всестороннему анализу реального положения, определения тенденций его развития, а также участия в решении назревших проблем формирования интеллектуального потенциала страны.

Социологический подход не может не затрагивать функции образования, которые данный институт выполняет в обществе.

В исследовательском и практическом планах определение функций образования служит выработке универсальной системы измеряемых параметров развития института образования и его влияния на общество. Функции образования можно условно разделить на социальные, экономические, культурные и социально-политические.

Безусловно, что образование обеспечивает в обществе устойчивость, социальный порядок. «Институт образования способствует усилению социальных связей и внутригрупповой сплоченности среди учащихся и педагогического персонала» [2, с. 28].

Социальные функции системы образования. Система образования производит самого человека, воздействуя на его интеллектуальное, нравственное, эстетическое и физическое развитие. Это определяет ведущую социальную функцию образования – гуманистическую:

- формирование образовательных общностей, связанных включенностью в образовательные процессы и ценностным отношением к образованию, и их воспроизводство;
- гомогенизация общества через организованную социализацию индивидов – привитие сходных социальных характеристик во имя целостности общества.

По мере того, как в обществе все большее количество достижимых статусов обусловлено образованием, все более зримой становится и такая функция образования, как социальная мобильность. Образование во всем мире закономерно становится главным каналом социальных перемещений, как правило, восходящих, ведущих индивидов к более сложным видам труда, большим доходам и престижу.

Социализация личности – одна из важнейших функций института образования, так как позитивно направленный процесс социализации каждой отдельно взятой личности ведет к прогрессу общества.

Экономические функции:

- формирование профессионально-квалификационного состава населения. С количественной точки зрения система образования отвечает за воспроизводство профессионально-образовательного состава населения;

- формирование потребительских стандартов населения. Роль образования в экономике шире производственных аспектов, она проявляется в потреблении благ, информации, культурных ценностей, природных ресурсов. Эта функция определяет главное содержание неформального образования, протекающего в семье или конструируемого СМИ.

Функции образования в сфере культуры – воспроизводство социальных типов культуры. Инновация в сфере культуры осуществляется через систему образования избирательно.

Формирование и воспроизводство общественного интеллекта (менталитета, определенных отраслей и социальных технологий интеллектуальной деятельности) включают в себя положения, сформулированные еще Дюркгеймом: распространение существенных знаний через обучение, привитие индивидам познавательных навыков.

Транснационализация образования позволит создать единое общемировое образовательное пространство с тем, чтобы повысить мобильность молодежи и специалистов, сформировать конвертируемость дипломов о высшем профессиональном образовании.

Функции образования в социально-политической сфере. Формирование личности – один из жизненно важных интересов государства, поэтому обязательным компонентом образования являются правовые нормы и политические ценности, отражающие политические интересы групп, которые диктуют направление развития в данном обществе и стремятся к контролю над школой.

Таким образом, социологический подход к изучению образования позволяет не только проанализировать взаимосвязи между его субъектами, сформулировать пути разрешения противоречий и создать концепции дальнейшего развития данного института, но и описать функции института образования, которые тот выполняет в обществе.

Библиографический список

1. Недзвецкая Е.А. Образование как социальный институт: специфика управления. Вестник РУДН. Серия Социология, 2003, №1(4).
2. Зборовский Г.Е. Образование: от XX к XXI веку. – Екатеринбург:

бург, 2000.

3. Осипов А.М. Актуальность социологического подхода к образованию // <http://www.education.rekom.ru>

Е. Н. Клименко
(УГЛТУ, Екатеринбург)

URBANA NOMENA СОВРЕМЕННОГО ЕКАТЕРИНБУРГА

Столица Урала – крупнейший культурно-исторический, административный, индустриальный, а с недавних пор и туристический центр России. Численность населения Екатеринбурга приближается к полутора миллионам человек, потому культура города – одновременно и особый целостный феномен, сложившийся исторически, и сплетение множества различных типов культур. Очевидно, что язык города в данном случае рассматривается как компонент культуры и одно из средств её реализации.

Необходимо отметить, что языковой облик современного Екатеринбурга разнообразен и многогранен. Наряду с общеупотребительной разговорной лексикой значительную долю в речевом быту города занимают просторечные слова, лексика возрастных и профессиональных жаргонов, а также неофициальные названия местных городских реалий (различных объектов города, улиц, прозвищ знаменитых горожан и пр.). Доля неофициальных названий/наименований городских реалий очень невелика в общей массе разговорной лексики горожан, примерно 1%. Но для исследователя-лингвиста этот небольшой пласт в языке города видится крайне интересным. Исследовательский интерес состоит в изучении функционирования данной разговорной лексики в реальной речевой деятельности жителей и гостей Екатеринбурга, пользующихся этим языком.

Рассмотрим, как определяют лингвисты номинации местных реалий. Одни исследователи называют их «локализмами» (от лат. *localis* – местный, не выходящий за определённые пределы). Т.И. Ерофеева и Ф.Л. Скитова наделяют локализм следующими признаками: локализмы «фиксируются в литературной речи коренных жителей...» и «не принадлежат к кодифицированным единицам литературного языка» [1, с. 16-20]. Необходимо добавить, что локализмы обладают специфическими чертами на всех ярусах языкового строя и используются как средство «живого» общения на определённой ограни-

ченной территории. Например, названия грибов (иванчик, коровяк) относят к локализмам Пермского края, названия домашней птицы (пивень – петух, квочка – курица с выводком цыплят) – локализмы Белгородской области.

Другие исследователи, определяя названия местных реалий, вводят термин «микротопоним» (от греч. *micro* – малый, *topos* – место, *opota* – имя). «Микротопонимы – это индивидуальные названия небольших природных или искусственно созданных объектов, обычно отражающие их характер и свойства. Микротопонимы – факт одного языка и продукт творчества одного народа. Следовательно, микротопонимы образуют наиболее подвижную часть топонимики» [2, с. 12]. Они выполняют «конкретно-географическую функцию», обозначая объект как географическую точку. Вадим Лурье пишет об этом языковом явлении так: «Существуют топонимы, известные относительно небольшому кругу людей. Этот круг людей может быть ограничен либо территориально – в этом случае топоним известен преимущественно людям, проживающим в одном районе, либо социально – в том случае, например, когда люди посещают одно и то же место и одинаково его называют. Такие известные не всем названия принято называть микротопонимическими. Микротопонимы чаще всего используются в разговорной речи, при неформальном общении» [3, с. 12]. Например, «Куба» (отдалённый жилой массив на полуострове Большеконный в Верх-Исетском районе Екатеринбурга), «Здохня» (небольшое озерцо на окраине Екатеринбурга), «Метеогорка» (горка в районе улицы Декабристов, на которой расположена Екатеринбургская метеостанция). Однако принципы, на основании которых названия тех или иных объектов относят к микротопонимам, четко наукой пока не сформулированы. «Границы микротопонимии довольно неясны... В отечественной топонимистике понятие «микротопонимия» принято толковать расширенно. Сюда зачисляют все вообще названия мелких географических объектов... Это понимание, таким образом, объединяет в микротопонимию не один, а несколько топонимических классов... Микротопонимия оказывается разношерстной» [4, с. 16].

Третья группа лингвистов, обращаясь к названиям местных реалий, в том числе городских, именует их «урбанонимами» (от лат. *urbana nomina* – городские названия/наименования). Этот лексический вариант, на наш взгляд, наиболее точно определяет «именной пласт города», так как система городских реалий не исчерпывается только лишь географическими объектами (домами, улицами, площа-

дями, парками, водоёмами), которые имеют чёткую пространственную соотнесённость. Городское пространство заполняется также социальными, историко-культурными, культурно-развлекательными и административными объектами (предприятиями, учреждениями, рынками, вокзалами, памятниками и т.д.), которые тоже вписаны в систему городских пространственных координат. «Комплекс урбанонимов – это знаковый континуум (текст в терминах семиотики), содержательная сторона которого создает некое информационное пространство, и в нем образ города прорисовывается в различных смысловых модальностях», – отмечает исследователь М.В. Голомидова [5, с. 28-33]. Ещё к урбанонимам могут быть отнесены прозвища известных горожан, названия изделий местной промышленности, именованья жителей разных микрорайонов, названия прочих негеографических городских реалий, используемые в неофициальной разговорной речи горожан.

Рассмотрим сходства и различия между тремя понятиями: «локализмы», «микротопонимы», «урбанонимы (*urbana nomina*)». Исходя из определений, приведённых выше, можно сказать, что всем трём понятиям присущи «ограниченная сфера употребления, узкий диапазон функционирования, малая степень известности: они обслуживают небольшой говорящий коллектив на вполне определённой, конкретной территории в условиях непосредственной устной коммуникации...» [6, с. 5]. Все три понятия наделены «номинативно-выделительно-дифференцирующей функцией». Они называют реалию (объект), выделяют из ряда других реалий и отличают от аналогичных. Например, названия «Васькина горка» (возвышенность в районе улиц Репина и Заводской в Екатеринбурге) или «Царский мостик» (мост на улице Декабристов через реку Исеть в Екатеринбурге) могут одновременно являться локализмами, микротопонимами, урбанонимами, так как обладают всеми вышеперечисленными чертами. И таких примеров можно привести достаточно много.

Но отметим существенные отличия между исследуемыми понятиями. Лингвисты Т.И. Ерофеева и Ф.Л. Скитова считают, что «генетически локализмы в большинстве своём восходят к областной лексике» [1, с. 16-20], т. е. по большей части это территориальная диалектная лексика, не отражаемая словарями литературного языка. В отличие от локализмов урбанонимы формируются в городской среде, где смешиваются и стираются черты территориальных диалектов. Поскольку урбанонимы явно лишены диалектных особенностей, они не идентичны понятию «локализм». К тому же, кроме имён существи-

тельных, к локальной лексике относятся также глаголы, например: ймать (ловить), скать (раскатывать тесто), айдайте (пойдёмте), бусить (капать мелкому дождю), имена прилагательные и причастия, например: волглый (влажный), захряснувший (затвердевший), наречия, например: ладом (толком). Это всё уральские локализмы. В то время как урбанонимы представляют собой уникальные имена собственные, по выражению лингвиста М.В. Голомидовой, они «именной пласт города».

Теперь сопоставим микротопонимы и урбанонимы. На наш взгляд, эти понятия можно определить как смежные. Но всё же первые в отличие от вторых значительно шире по своему составу, они выходят за рамки города и могут обозначать названия объектов, находящихся и в сельской местности, и в районах, не связанных с городом. Это могут быть [7, с. 8]:

- наименования, связанные с особенностями рельефа (микротопонимы): названия возвышенностей, холмов, оврагов, низменных мест, рытвин и т.п.;
- наименования естественных и искусственных водных источников (микрогидронимы): названия небольших рек, их частей, протоков, заливов, озер и прудов, болот и болотистых мест, ручьев, родников, колодцев и т.п.;
- наименования, связанные с характером растительного покрова: названия лесов, лугов, полян, полей, сенокосов, выгонов и т.п.;
- наименования путей сообщения (микродромонимы): названия дорог, тропинок, переездов;
- наименования различных частей селений: названия улиц, переулков, хуторов, отдельных мест и т.п.

Так определяет микротопонимы Т.Толбина, автор диссертационного исследования «Микротопонимия Воронежской области». В отличие от микротопонимов, *urbana nomina* функционируют только в городской среде и придумываются, как правило, жителями города. К тому же многими исследователями микротопонимы характеризуются как «географические названия, известные только в пределах ограниченной территории, как местные географические термины узкого ареала» [8, с. 25].

Необходимо подчеркнуть, что урбанонимы могут быть выражены как официальными, письменно зафиксированными названиями, так могут являться и неофициальной, некодифицированной лексикой, используемой в разговорной речи горожан.

М.В. Голомидова, говоря об урбанонимах Екатеринбурга в ста-

тье «Образ пространства и пространственные образы в названиях старого Екатеринбурга», приводит примеры исторических названий площадей (Сенная, Цыганская, Дровяная), улиц (Береговая, Подгорная, Крестовоздвиженская) [5]. Названия эти являются документально закреплёнными, что подтверждает факт официальной фиксированности урбанонимов. Можно привести примеры названий и современных реалий Екатеринбурга: магазинов («Кировский», «Звёздный», «Арбат», «Главный проспект»), гостиниц («Исеть», «Свердловск», «Октябрьская»), парков (парк Вайнера, Центральный дендрологический парк-выставка), памятников (памятник основателям г. Екатеринбурга В.Н. Татищеву и Г.В. де Геннину, памятник воинам-спортсменам Урала, памятник «Седому Уралу»). Все эти урбанонимы являются официальной лексикой, закреплённой документально. Заметим, что те же самые магазины, памятники, парки и пр. могут иметь альтернативные, придуманные самим народом названия. Памятник «Седому Уралу» – «Гендальф» (за сходство «Седого Урала» с одним из главных персонажей кинотрилогии "Властелин колец"), памятник воинам-спортсменам Урала – «Горыныч» (монумент выглядит единым объёмом-телом, только на уровне плеч массив памятника делится на три части-головы), Центральный дендрологический парк-выставка – «Дендрик на 8-е Марта». Как видим, урбанонимы могут быть представлены не только официальными, но и неофициальными именованиями.

Мы в нашей работе обратимся именно к тем *urbanis nomenis*, которые являют собой пласт неофициальной разговорной лексики, связанной со спецификой городского устройства и называющей именами собственными городские реалии. Назовём эти номинативные единицы «неофициальными урбанонимами» и постараемся дать им определение.

На наш взгляд, неофициальные урбанонимы (*urbana nomina*) – это лексика, не зафиксированная в современных словарях, используемая жителями одного города при неформальном общении, называющая именами собственными городские реалии (дома, улицы, парки, заводы, театры, магазины и т.д.) и дающая им названия, альтернативные официальным, то есть народные названия. Например, микрорайон Комсомольский в Екатеринбурге «в народе» называют «ЖэБэИ, Жэбэёвство, Жэбайка», улицу Стрелочников – «Стрела», жителей посёлков Кольцово и Компрессорный – «Поселковые»; закусочная на проспекте Космонавтов называлась «Мутный глаз», вино-водочный

магазин на углу Кировградской и Донбасской – «Бабы слёзы». Появление «народных» наименований в языке города происходит отчасти потому, что у горожан появляется закономерное желание изменить, например, слишком длинное официальное название учреждения или микрорайона, упростив его для более удобного запоминания и употребления в разговоре. Например, Машиностроительный завод имени Калинина «в народе» называется «ЗИК», Фабрика музыкальных инструментов – «Балалайка», Уральский государственный лесотехнический университет – «Лестех», «Лесик», «Дубовый институт», «Заборостроительный университет». Примеры показывают, что за одним и тем же объектом может быть закреплено несколько названий, всё зависит от восприятия языковой личностью образа данного объекта города.

Вопрос изучения неофициальных урбанонимов Екатеринбурга требует особого внимания потому, что в этом языковом пласте города отражён не только «языковой облик» современной столицы Урала, но и факты истории народа, особенности жизненного уклада и мироощущения горожан, их творческие способности. Проблема состоит в том, что нет ни одного специального исследования, посвященного детальному изучению данного вида лексики: нет определения «народных городских наименований», нет классификации, не выделены характерные свойства этой лексики. Этим и обусловлено обращение к данной теме.

Заметим, что народные городские наименования Екатеринбурга зачастую имеют малую степень известности, иногда они распространяются только в пределах одного района или одной улицы, или даже дворовой территории, иногда функционируют в речи небольшой группы людей, одинаково именующих тот или иной объект или территорию города. С приходом на данную территорию новой группы людей, со сменой поколения, с изменением экономических отношений одни наименования исчезают, другие приходят им на смену, а, возможно, за объектом закрепляется несколько названий: и старое и новое.

Например, бывший Свердловский завод электроавтоматики на улице Малышева, который во время Великой Отечественной войны был эвакуирован на территорию Свердловской макаронной фабрики, старшее поколение называло «Макаронкой». (Об этом помнят, возможно, те, кому сейчас за семьдесят). Люди, которые работали на заводе в 70 – 80-е годы XX столетия, называли его «Электроавтомати-

ка», сокращая вариант названия объекта для простоты общения и запоминания. Именование «Макаронка» забыто, так как пришло другое поколение, выбравшее другие ориентиры.

Но вот построен новый дом, открыт новый памятник, сооружён новый фонтан, он может сразу получить «народное» название, особенно, если имеет оригинальные или оригинально-нелепые формы, вызывающие определённые ассоциации. Огромный дом, выстроенный в 2008 году на улице Н. Никонова, ещё во время строительства горожане окрестили «кофеваркой» (за формы, напоминающие кофеварку). Новому фонтану на улице Вайнера почти сразу после открытия было дано «народное имя» Кракен, так как похож он на гигантского осьминога Кракена (из фильма «Пираты Карибского моря»), щупальца которого сжимают корабль. Затем этот же фонтан получил название «Оргазм физика-атомщика». Таким образом, можно отметить, что данный пласт городской лексики очень подвижен и неустойчив. Народные городские наименования могут возникнуть в языке горожан, функционировать и «умереть» за достаточно короткий промежуток времени.

Рассмотрим разделы, из которых, по нашему мнению, может состоять языковой пласт неофициальных урбанонимов Екатеринбурга:

- собственно топонимические объекты: автодороги, перекрестки, скверы/парки, водоёмы, улицы/бульвары/проспекты, мосты, микрорайоны города и их части, здания (жилые и административные), горки и т.п.;
- социально-бытовые объекты: детские сады, медицинские учреждения, рынки и авторынки, вокзалы, кафе/пивные/столовые, научно-учебные учреждения, гостиницы, магазины и т.п.;
- культурно-исторические объекты: памятники, церкви/храмы, библиотеки, учреждения культуры и искусства, развлекательные центры и т.п.;
- военно-стратегические объекты: заводы, военные городки и т.п.;
- изделия местной промышленности;
- прозвища знаменитых горожан;
- названия жителей разных районов.

В народных городских наименованиях в большей или меньшей степени прослеживаются черты оппозиции к официальной городской языковой культуре, происходит обособление лексических единиц, нарушение стандартов, проявляются юмор, ирония, пародия в переиме-

нованиях и оценках.

В силу особенностей своего существования этот языковой материал может бесследно исчезнуть. Очень важно собирать «народные городские наименования» и письменно фиксировать их, создавая словари (подобно словарю «Регионализмы г. Екатеринбурга» Т.В. Поповой, В.Р. Ахуновой, Т.Н. Осадчей [9]), так как данная лексика обычно известна только местным жителям, нигде не записана и достаточно быстро уходит из памяти. Но именно «народные городские наименования» могут стать основой для формирования городского «образного пространства», которое отличает Екатеринбург от других городов России, делает его уникальным.

Но образ города – это не только образ пространства, это ещё и образ жителей, атмосфера общения, культурный уровень горожан. В этом случае «народные городские наименования» выполняют различительную функцию: отличают «своих» от «чужих». «Своими» можно считать горожан, живущих в определённом районе (микрорайоне) города и одинаково называющих городские реалии, «чужими» – гостей города или жителей другого района (микрорайона), не владеющих данными номинативными единицами.

Народные городские наименования дают обширный материал для краеведения, изучения социальной психологии, народного творчества. По мнению Е.В.Красильниковой, «нам часто не хватает исторического чувства в отношении к нашему времени, а ведь оно тоже уходит, становится частью истории, поэтому, например, описание культуры современного городского быта в его языковом преломлении – задача, заслуживающая усилий лингвиста» [10, с. 4-8].

Библиографический список

1. Ерофеева Е.В., Ерофеева Т.И., Скитова Ф.Л. Локализмы в литературной речи горожан. Пермь, 2002.
2. Суперанская А.В. Наименование и переименование в городах // Изучение географических названий. М., 1967.
3. Лурье В. Микротопонимика Ленинграда – Питера // Ономастика: общие вопросы / Гуманитарные науки, 2001, № 20.
4. Карпенко Ю.А. Топонимы и географические термины (вопросы взаимосвязи) // Вопросы географии. М., 1970. № 81.
5. Голомидова М.В. Образ пространства и пространственные образы в названиях старого Екатеринбурга // Ономастика: общие вопро-

сы / Гуманитарные науки, 2001. № 20.

6. Климкова Л.А. Нижегородская микротопонимия: разноаспектный анализ. М.: МПГУ; Арзамас: АГПИ, 2008.

7. Толбина Т.В. Микротопонимия Воронежской области: особенности номинации. Дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж: ВГУ, 2003.

8. Яценко А.И. Лингвистический анализ микротопонимов определённого региона: Курс лекций. Вологда, 1977.

9. Попова Т.В., Ахунова В.Р., Осадчая Т.Н. Словарь «Регионализмы г. Екатеринбурга». Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2007. 35 с.

10. Красильникова Е.В. Язык и культура // Языковой облик уральского города: Сб. науч. трудов. Свердловск: УрГУ, 1990.

О.А. Новгородова
(УГЛТУ, Екатеринбург)
Е.Г. Подгайская
(МОУ ДОД ДШИ, Омск)
С.Ф. Масленникова
(УГЛТУ, Екатеринбург)

О МОЛОДЕЖНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ

Социологи рассматривают молодежь как некую социально-демографическую группу, находящуюся в процессе становления и развития социальной, психофизиологической, социокультурной и гражданской зрелости и приспособленную к исполнению социальных статусов и ролей, свойственных взрослым людям. Она выделяется в качестве специфической группы на основе особенностей социального положения молодых людей в экономической, политической, социально-стратификационной дифференциации общества, характерных для них потребностей, интересов, ценностных ориентаций. Возрастные границы этой группы подвижны, но чаще всего к молодежи причисляют индивидов от 14 до 30 лет. Внутренняя дифференциация молодежи, как и предпочитаемые ею ценности, обусловлены социальными параметрами, однако важную роль играют факторы возрастные, социально-психологические, субкультурные [1, с. 265-266].

Молодежь во все времена искала самые разнообразные способы

для самовыражения и самоутверждения. Таким образом она создает свою культуру, которую ученые называют молодежной субкультурой.

Этот термин, появившийся в научной литературе в середине XX века, используется учеными и журналистами при обращении к разнообразным явлениям и процессам, происходящим в молодежной среде. Возникновение молодежной субкультуры практически совпадает по времени с началом эпохи постиндустриализма и с зарождением постмодернистских тенденций в социокультурном развитии общества. Разные исследователи неодинаково подходят к содержанию термина, пытаясь интерпретировать его в зависимости от контекста. Но, несмотря на разнообразие подходов, можно заметить и общность взглядов применительно к отдельным элементам данного феномена.

Кравченко А.И. в словаре по культурологии трактует молодежную субкультуру как совокупность взглядов, ценностей, норм поведения и моды, присущих индивидам в возрасте от 13 до 19 лет и старше [2, с. 365]. Один из ведущих российских специалистов по молодежной культуре проф. С.И. Левикова выделяет в молодежной субкультуре следующие характерные черты [3, с. 156-173]:

- молодежная субкультура представляет собой социальную общность, каждый представитель которой сам причисляет себя к ней; члены такой общности могут формировать группы как непосредственного контакта (компании, объединения, тусовки), так и виртуального общения;

- вхождение молодого человека в ту или иную молодежную субкультуру означает принятие им и разделение ее норм, ценностей, мировосприятия, манер, стиля жизни, а также внешних атрибутов принадлежности к данной субкультуре (прическа, одежда, украшения, жаргон);

- как правило, молодежные субкультуры возникают вокруг какого-либо «центра», выразителя тех или иных пристрастий к музыкальным стилям, образу жизни, отношения к определенным социальным явлениям;

- значимые для той или иной молодежной субкультуры идеи и ценности получают внешнее выражение в обязательной для ее членов символике и атрибутике группы.

Молодежная субкультура, будучи культурой в культуре, не существует вне базовой культуры индустриально развитого общества. Базовая культура и молодежная субкультура тесно взаимосвязаны и взаимодополняемы. Результатом взаимодействия этих двух культур

могут быть: а) усложнение культур, в результате чего культуры переходят на иную ступень развития, б) эрозия молодежной субкультуры, могущей привести к ее гибели.

Как считает С.К. Свечников, молодежная субкультура не только зависит от базовой культуры, но и влияет на нее. Наша сегодняшняя культура представляет собой некую цельность, включающую в себя элементы и молодежной субкультуры, и криминальной, и божественной, и других субкультур. Каждое молодое поколение, вырастая, вносит в базовую культуру своего общества то, что было выработано им в период молодости.

Вот так и молодежная субкультура 60–70-х годов XX в. почти незаметно растворилась в сегодняшней реальности; 30 – 40 лет назад круг идей 60–70-х годов воспринимался как социальный вывих, граничащий с духовной болезнью. Теперь, когда выдохся эпатазирующий и деструктивный дух представителей молодежных субкультур того времени, они влились в общий идеологический поток [4, с. 25-27].

Формой, внешней оболочкой, «телом» молодежной субкультуры являются неформальные молодежные объединения.

Неформальные молодежные объединения – это группы, возникшие на основе субъективных потребностей, интересов и стремлений молодых людей вне зависимости от того, совпадают интересы этих групп с интересами общества или противоречат им. Создаются они добровольно и в свободное время. Желая сохранить себя, неформальные молодежные объединения замыкаются во внутренней жизни, отгораживаются от внешних посягательств.

Большая часть юношей и девушек проходят традиционный путь социализации, свидетельствующий о том, что процесс социализации в их родительской семье и в формальной группе не дал сбоев. В разряд субкультурной молодежи в зависимости от исторической и социокультурной обстановки в том или ином обществе попадает не более 30% молодежи. С предпосылками вхождения в молодежную субкультуру мы имеем дело в основном при сбое в привычном течении дел:

- в семье (излишний контроль родителей или предоставление подростку сверхсвободы);
- в формальной группе (несложившиеся отношения с одноклассниками, учителями);
- в результате участия в локальных войнах, когда молодой человек приобретает необычный для мирной жизни опыт (боль, убийства, раз-

рушения, потеря товарищей, страх) и уже не может вписываться в ту мирную жизнь, в которую возвращается;

- в среде безработных, временно (частично) занятых работой молодых людей (наличие свободного времени при одновременном отсутствии возможности самореализации);

- при несоответствии реального социального статуса уже приступившего к работе молодого человека его желаемому (воображаемому) статусу (к примеру, не признанные обществом музыканты, поэты, ученые, художники, философы, работающие дворниками, кочегарами, сторожами).

Существуют и другие возможности попадания молодых людей в неформальные молодежные объединения (отсутствие доступных форм проведения досуга, приход «за компанию», избыток свободного времени). Однако базовыми причинами первого шага, сделанного в сторону молодежной субкультуры, считаются указанные выше предпосылки [3, с. 156-173].

Существует очень много попыток создать типологию современной молодежной субкультуры. Но мы остановимся на типологии, предложенной С.И. Левиковой и В.А. Бабахо в 1996 г. [5, с. 34-45]:

- 1) группы, объединяющие приверженцев музыкальных вкусов и стилей (металлисты, роллинги, брейкеры, битломаны);

- 2) группы, ценностные ориентации которых имеют некоторый политический и идеологический оттенок (ностальгисты, анархисты, пацифисты, отклонисты, «зеленые»);

- 3) группы аполитичного, эскапистского характера (хиппи, панки, люди «системы»);

- 4) эстетствующие группы («митьки»);

- 5) группировки, исповедующие «культ мускулов» («качки»);

- 6) криминогенные группировки, объединяющиеся по признакам агрессивности, жесткой организованности и противоправной деятельности («теляги», гопники, люберы).

К началу XXI в. субкультурный бум в нашей стране угас. Но это не означает, что неформальные молодежные объединения исчезли. В современной России продолжают развиваться старые формы молодежных субкультур и даже возникают новые. Одна из них культура ЭМО.

Эмокиды – поклонники ЭМО-музыки. Движение сформировалось в начале 2000-х годов. Для них характерны андрогинность, яркий прикид, прически и макияж. У ЭМО есть и другие способы выразить

себя: через музыку и обостренные эмоции по поводу всего, что происходит в их жизни. Самое главное стремление ЭМО – найти большую чистую любовь. Влюбившись, они целиком отдаются этому всепоглощающему чувству. А если окажется, что они ошиблись и этот человек – ненастоящая вторая половинка, то страдания эмокидов не будет предела, ближайшие дни они посвятят размышлениям о несовершенстве нашего мира. Но поплавав пару дней, они устремляются к дальнейшему поиску, и все может повториться вновь [4, с. 25-27].

Таким образом, молодежная субкультура предстает как эзотерическая, урбанистическая культура, созданная молодыми людьми для себя; это культура, нацеленная на включение молодых людей в общество; это частичная культурная подсистема внутри системы «официальной», базовой культуры общества, определяющая стиль жизни, ценностную иерархию и менталитет ее носителей.

Библиографический список

1. Бобосов Е.М. Социология: Энциклопедический словарь / Е.М. Бобосов. М., 2009. 480 с.
2. Кравченко А.И. Культурология: Словарь / А.И. Кравченко. М., 2000. 671 с.
3. Левикова С.И. Молодежная культура. М.: Вузовская книга, 2007, 360 с.
4. Свечников С.К. Молодежь и рок-культура: Методическое пособие / С.К. Свечников. Йошкар-Ола, 2007.
5. Бобахо В.А., Левикова С.И. Социально-политические аспекты молодежной субкультуры // Вестник Московского университета. Сер. 2. Политические науки. 1996. № 2.

Н. А. Пестова
(УГЛТУ, Екатеринбург)
Тимофеев С. В.
(УГГУ, Екатеринбург)

**УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ ВУЗА
ПО СТАНДАРТАМ КАЧЕСТВА СЕРИИ ISO 9000
В УСЛОВИЯХ АНОМИИ**

Все более важной задачей российских предприятий, выходящих на мировой рынок, особенно в преддверии вступления во Всемирную торговую организацию, становятся повышение качества товара и создание новых, значительно более эффективных систем управления. Высокое качество продукции является одним из главных факторов успеха предприятий, обеспечения их конкурентоспособности, экономического эффекта. Но, к сожалению, создание эффективной системы управления зачастую становится серьёзной проблемой. Слепое копирование систем управления, пусть даже успешных в последнее время иностранных компаний, попытки создания идеальных и универсальных для любой ситуации на рынке организационных структур заранее обречены на провал. Необходимо понимать, что даже самая идеальная и успешная модель управления организацией может стать бесполезной для конкретных экономических, социальных, рыночных реалий организации.

Трудности в создании эффективной системы управления организации в значительной степени связаны с неготовностью руководства предприятий понять значение человеческих ресурсов, а значит, и роль кадровых служб в успешном управлении предприятием, в достижении конкурентных преимуществ и эффективном использовании финансовых ресурсов. Будущий специалист должен обладать навыками руководителя структурных подразделений различного уровня, творческим мышлением, способностью реализации инновационных проектов, которые являются неотъемлемой частью современного процесса создания наукоёмких технологий в ходе диверсифицирования экономики современной России.

Сложные и дорогостоящие долговременные проекты требуют перспективного стратегического мышления и возможности создания специальных органов координационного управления таковых инновационных проектов. Рабочие комиссии, советы по проектам или координационные комитеты требуют знаний современной психологии и социальных потребностей демократического процесса модернизации не только экономики, но и управленческой культуры как части организационной культуры [1, с. 196-197]. Нравственное богатство личности специалиста подразумевает чуткое реагирование на изменение приоритетов в системе ценностей постиндустриального общества в условиях задержавшихся правовых или моральных границ традиционного коллективистского мышления периода индустриализации и

идеологизированного государства.

Необходимо решение экономических, политических, юридических проблем с учетом их нравственных последствий в процессе управления образованием или модернизации современного общества на уровне не только муниципального и федерального регулирования, но и формирования гражданского общества с учётом современной стратегии.

Принципы цивилизованной стратегии управления:

- приоритет личности, свобода совести, права человека;
- сильное государство как гарант прав и свобод; эффективное правительство;
- демократия как волеизъявление народа, порядок и законность; единство России на базе сочетания всех интересов.

Эти принципы опираются на традиции духовности и общегуманистические ценности, принятые мировым сообществом.

Объединяющим стержнем в духовно-нравственном воздействии и регулировании, в эффективном управлении является наличие сильных плодотворных идей. Идеи в системе духовных ценностей являются началом объединяющим, обеспечивающим целостный взгляд на мир. Нередко руководители предприятий просто не знают, какие сведения и какие результаты они могут и должны требовать от кадровых служб. Неготовыми к работе в условиях внедрения новых систем управления предприятиями зачастую оказываются и кадровые службы. Их работники и руководители смутно представляют себе систему и организацию работы в новых условиях.

Многие из проблемных вопросов могут быть решены путем использования на предприятиях международных стандартов серии ISO 9000, направленных на создание и постоянное совершенствование эффективных систем управления предприятиями и их бизнес-процессами. Изучение и внедрение этих стандартов и особенно стандарта ISO 9004:2000 «Системы менеджмента качества. Рекомендации по улучшению деятельности» полезны для любой организации, заинтересованной в повышении качества выпускаемой продукции, укреплении своей конкурентоспособности, занятии лидерских позиций в своём рыночном секторе, ведь эти стандарты не просто требования, а обобщение международного опыта в управлении предприятиями.

В стандартах качества ISO 9000 все процессы на предприятии подразделяются на основные и вспомогательные. Первые непосредственно способствуют реализации миссии и достижению целей органи-

зации. Однако их выполнение невозможно без вспомогательных процессов: исследования рынка, проверка качества продукции, техническое обслуживание и, конечно, управление персоналом. Неоспорим тот факт, что бизнес-процессы организации, машины и оборудование не функционируют сами по себе, ими управляют люди. Контакты с поставщиками и потребителями осуществляют работники. Работники косвенно или прямо влияют на качество продукции и её соответствие требованиям потребителя. Мы полагаем, что от того, насколько правильно и качественно будет организована работа с человеческими ресурсами, зависит успех предприятия в настоящем и будущем.

Построение системы менеджмента качества (СМК) персонала в организации – залог успешного внедрения СМК, соответствующей всем принципам менеджмента качества.

Стандарты серии ISO 9000 предлагают следующее определение системы менеджмента качества персонала: Система менеджмента качества персонала – это совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов для разработки целей и способов достижения этих целей в области управления человеческими ресурсами организации, применительно к качеству.

На пути внедрения системы менеджмента качества на предприятии и достижения ею устойчивости и устойчивого развития необходима в том числе определённая работа с персоналом организации, а именно:

- мониторинг и приведение в соответствие интеллектуальной, морально-нравственной и профессиональной сред организации;
- стандартизирование требований к персоналу всех уровней и должностей;
- управление мотивацией персонала;
- использование инструментов оценки компетенций и компетентности персонала;
- вовлечение работников в деятельность организации в целях повышения её результативности и эффективности;
- документирование процессов в организации для обозначения их необходимых характеристик, их оценки, анализа и улучшения. Несомненно, это касается и HR-процессов, протекающих в организации.

Основные направления деятельности кадровых подразделений организации в условиях применения стандартов серии ISO 9000 следующие:

- 1) подготовка необходимого документационного обеспечения

деятельности по управлению трудовыми ресурсами;

2) формулировка и принятие на предприятии Концепции системы управления трудовыми ресурсами;

3) внедрение разработанных документов в повседневную деятельность предприятия и контроль их исполнения;

4) совершенствование элементов системы управления трудовыми ресурсами и системы управления предприятием в целом.

Все кадровые документы должны создаваться при участии руководителей всех структурных подразделений и быть объединены в единую систему. Система менеджмента качества предполагает открытый обмен информацией среди подразделений для своевременной актуализации документов и их постоянного улучшения. Для своевременного мониторинга несоответствия существующего положения дел в сфере человеческих ресурсов требуемому целесообразно разработать и применять программу кадрового аудита, который может использоваться и для самооценки кадровых мероприятий.

Пункт 6.2.1 стандарта ISO 9001:2008 предъявляет следующие требования к работникам: «Персонал, выполняющий работу, влияющую на соответствие продукции требованиям, должен быть компетентным на основе полученного образования, подготовки, навыков и опыта» [2].

Пункт 6.2.2 стандарта ISO 9004:2001 «Компетентность, осведомленность и подготовка» обращается к необходимости мониторинга соответствия «фактических и ожидаемых потребностей в компетентности уже имеющейся компетентности работников» [3].

Стандарт ISO 9000:2008 определяет «качество» как «степень соответствия присущих отличительных свойств требованиям» [4]. Мы считаем, что достижение необходимой степени качества работников организации, а именно их компетентности, базируется на определении необходимых компетенций работников.

Длительная практика использования компетентностного подхода службами развития персонала за рубежом демонстрирует эффективность этого инструмента в повышении конкурентоспособности компаний в реальном секторе экономики. Уже сложился и успешно функционирует рынок услуг по разработке моделей компетенций под конкретных заказчиков. На этом фоне ведутся давние и активные дискуссии о плюсах и минусах применения компетентностного подхода для системы образования, прежде всего высшего [5]. Тому способствует ряд факторов [6]:

- глобализация, изменение структуры экономических рынков, развитие технологий и, как следствие, востребованность специалистов, способных и готовых работать в быстро меняющихся условиях и новых нестандартных ситуациях;

- мобильные рынки труда, предъявляющие новые требования к выпускникам вузов: адаптивность, способность результативно работать уже на старте карьеры, готовность к обучению на протяжении всей жизни и т. д.;

- необходимость развития профессиональных квалификаций трудовых ресурсов для европейского рынка труда с целью усиления мобильности через создание общих сопоставимых уровней профессиональной компетентности и критериев оценки;

- интернационализация и интеграция европейских образовательных систем;

- значительное сокращение бюджетного финансирования образовательной сферы;

- развитие рынка современных образовательных услуг и технологий;

- структурные изменения в системах образования, связанные с востребованностью перехода от предметно-ориентированного обучения к обучению, нацеленному на результат, с возросшей значимостью неформального образования, возможностью интеграции традиционного образования, профессиональной и практической подготовки;

- массовизация образования, расширение социальных и возрастных рамок;

- недовольство как со стороны работодателей, так и общества в целом в отношении качества подготовки специалистов в вузах.

Как только в обществе возникает дефицит современных идей, так ослабляются сознание и воля людей, разрушается государственная идеология, которая всегда остается духовным стержнем сильной государственности, – полагает Абрамов С. М. в своём глубоком научном анализе роли государства и гражданского самоорганизующегося общества, существующего в зачаточном состоянии в 90-е годы XX века и в состоянии динамичного строительства в начале XXI столетия в России [7].

Включение России в Болонский процесс и появление документов, определяющих направления развития российского образования с учетом мировых тенденций, послужили стимулом к разработке ГОС

ВПО третьего поколения на основе компетентностного подхода. На законодательном, нормативном и формальном уровнях были обозначены критерии, позволяющие определять, измерять и оценивать качество подготовки специалистов в вузах с акцентированием качества образовательных программ. В документах международных организаций и в отечественных законодательных и нормативных актах по проблемам высшего образования отмечается ключевая роль преподавательских кадров в образовательном процессе. Очевидно, что вопрос о необходимых компетенциях профессорско-преподавательского состава вузов, способного обеспечить получение необходимых компетенций студентами, не просто важен, но и крайне актуален.

В литературе можно встретить несколько подходов к определению терминов «компетенция» и «компетентность». Многие эксперты и специалисты по управлению персоналом предлагают собственные определения этого понятия. Следует помнить, что приводимые определения не являются истиной в последней инстанции, а являются лишь вариантами, которые используются в излагаемом материале.

Чаще всего все сводится к двум основным подходам к пониманию компетенций [8]:

1) американский подход, рассматривающий компетенции как описание поведения сотрудника. Компетенция – это основная характеристика сотрудника, при обладании которой он способен показывать правильное поведение и, как следствие, добиться высоких результатов в работе;

2) европейский подход, рассматривающий компетенции как описание рабочих задач или ожидаемых результатов работы. Компетенция – способность сотрудника действовать в соответствии со стандартами, принятыми в организации.

Таким образом, европейский подход сосредоточен на определении стандарта-минимума, который должен быть достигнут сотрудником, а американская модель определяет, что должен делать работник, чтобы добиться наивысшей эффективности.

На наш взгляд, оптимальное определение терминам «компетенция» и «компетентность» даёт Минько М. С. в своей книге «Время "Ч"». В результате анализа около 20 определений вышеназванных терминов она даёт следующие определения [9]:

- компетенция – актуальная система знаний, умений, навыков, способностей, ценностей, необходимая не только для эффективного ведения профессиональной деятельности, но для постоянного личного

развития и самосовершенствования;

- компетентность – владение определенными компетенциями, то есть способность и готовность работника применять приобретенные компетенции в процессе социально-профессиональной жизнедеятельности. Компетентность обозначает уровень достижений в рамках определенной функции или работы, зависит от опыта, способностей и готовности человека к саморазвитию.

Можно сделать вывод, что компетенция – это совокупность необходимых отличительных свойств работника, занимающего определённую должность в организации, а компетентность – это уровень выраженности этих отличительных свойств, позволяющий достигать требуемых результатов в деятельности.

Соответствие существующей компетентности работников требуемой и способность достигать требуемых результатов работы (в том числе и требований к качеству работы) можно определить как качество персонала.

Актуальность решения проблемы построения системы менеджмента качества персонала обусловлена следующим [10]:

- на сегодняшний день всё больше компаний обращаются к стандартам серии ISO 9000, а успешность их внедрения напрямую зависит от высокого качества персонала;
- в отечественной литературе практически отсутствуют исследования по построению СМК персонала;
- от высокого качества персонала зависит конкурентоспособность предприятия на рынке, ведь персонал – создатель имиджа, а как следствие и репутации предприятия;
- одним из наиболее эффективных методов оценки управления и улучшения качества персонала является компетентностный метод.

Библиографический список

1. Абрамов С. М. Инновационный менеджмент. Екатеринбург, 2009, 354 с.
2. ГОСТ Р ИСО 9001-2008. Система менеджмента качества. Требования. Введ. 2008-12-18. М., 2009.
3. ГОСТ Р ИСО 9004-2001. Система менеджмента качества. Рекомендации по улучшению деятельности. Введ. 2001-08-31. М., 2001.
4. ГОСТ Р ИСО 9000-2008. Система менеджмента качества. Основные положения и словарь. Введ. 2008-12-18. М., 2009.

5. Шинкаренко О. Н. Управление персоналом при внедрении стандартов серии ISO 9000:2000 / О. Н. Шинкаренко. М.: Дело и Сервис, 2007. 368 с.

6. Дульзон А.А., Васильева О.М. Модель компетенций преподавателя вуза / А. А. Дульзон, О. М. Васильева // Университетское управление. 2009. № 2.

7. Абрамов С.М. Основы социального управления. Екатеринбург, 2009, 268 с.

8. Построение модели компетенций в компании. Методическое пособие / Автор - сост. Е. Рудавина. М., 2008. 52 с.

9. Минько М. Модель компетенций HR-менеджера / М. Минько. М., 2010. 205 с.

10. Тимофеев С. В. Формирование системы менеджмента качества персонала в ГОУ ВПО «Уральский государственный горный университет»: дис. ... магистра менеджмента: 080500.65. Екатеринбург, 2010. 184 с.

Шайхутдинова Л.В.,

(МОУ гимназия № 35, Екатеринбург)

Камка С. В.,

(ГБОУ ДПО ИРО Свердловской области, Екатеринбург)

**ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ
ТВОРЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ
ПРИ КОМПЕТЕНТНОСТНОМ ПОДХОДЕ В ОБРАЗОВАНИИ
(На опыте работы учителя русского языка и литературы)**

В связи с качественными изменениями стратегии развития системы отечественного образования возрастает роль учителя, педагога и в целом значение непрерывного педагогического образования как фундаментальной основы современного общественного развития. Нуждается в специальной разработке проблема профессиональной подготовки педагога как наставника, способного не только транслировать знания, умения и навыки, но и формировать духовно-нравственные основы личности в соответствии с требованиями динамично развивающегося общества.

Инновационная программа модернизации российского образо-

вания, ориентированная на компетентностное и профильное образование, изменение его содержания, активное встраивание в образовательное пространство новых информационных технологий, никогда не выйдет на этап практической реализации без педагога, понимающего сущность и содержание идей современного образования. Компетентностный подход требует переосмысления основ традиционной педагогики, описания структурно-содержательных компонентов педагогической деятельности.

Культуросообразность становится важнейшим принципом современного образования. По мнению А.Я. Данилюка, «воспитание человека культуры стало приоритетной и общепризнанной педагогической задачей» [1, с. 3-8]. Идеи компетентностного подхода, опираясь на культурологическую концепцию, нацелены на «достижение нового, целостного образовательного результата, который изначально предполагается как вариативно-личностный и отражает итог одновременно усвоения содержания образования и развития личности, овладевшей значимым для нее содержанием [2].

Интеграция культурологического и компетентностного подходов заключается в усилении роли ценностной составляющей педагогической деятельности. Ценностные основы современного образования изучены в работах Н.А. Астахова, В.П. Зинченко, И.Ф. Исаева, Б.Т. Лихачёва, Н.Д. Никандрова, З.И. Равкина, С.Т. Погорелова, В.А. Сластенина, Н.А. Чижакова, Е.Н. Шиянова и др. В русле формирования современных требований к специалисту проблема компетентностного подхода рассмотрена в работах А.Г. Бермус, Н.Ф. Ефремова, И.А. Зимней, Л.М. Митиной, Н.В. Кузьминой, Л.А. Петровской, А.К. Марковой, Л.П. Алексеевой, Н.С. Шаблыгиной, А.С. Белкиной, С.Г. Молчановой.

Зависимость различных сторон педагогического процесса от методов обучения рассмотрена в работах О.С. Анисимова, Ю.С. Арутюнова, Ш.А. Амонашвили, Б.К. Бабанского, О.Н. Большаковой, А.Н. Вавиловой, О.А. Козыревой, И.Я. Лернера и М.Н. Скаткина, А.К. Марковой, Т.И. Шамоной, Л.м. Фридман, Г.П. Щедровского и др. Педагогические исследования инновационных технологий обучения проведены М.В. Клариным, С.Ю. Кургановым и др.

Современному учителю необходимо ориентироваться в современных инновационных технологиях, позволяющих сделать аргументированный выбор методических средств, достичь состояния раскрепощенности творческих сил и мышления. Последнее положение осо-

бенно актуально для учителей гуманитарного цикла, к которому относится и учебный предмет «Литература».

Одним из важных требований к преподаванию литературы как дисциплины, имеющей глубокую мировоззренческую направленность, основанной на понимании специфики художественного слова, как искусства, является художественно-творческий характер деятельности учителя: «Это обусловлено психологическими свойствами искусства (искусство как познание, искусство как катарсис, искусство и жизнь), его творческим потенциалом (личностно-ориентированной направленностью, межличностным взаимодействием, взаимосвязью творческой самореализации учеников и учителей) и педагогической организацией художественно-творческого процесса (содержанием, методами и формами занятий, критериями качества преподавания)» [3, с. 3].

Филологическое образование является составной частью гуманитарного образования, суть которого состоит в изучении человека, его отношения к миру и познания самого себя. Антропологическая направленность филологического образования предполагает духовное, нравственное развитие личности, сознательное и бережное отношение к родному языку и литературе как национально-культурным ценностям. Индивидуальная система ценностных ориентаций человека формируется на основе функционирующей в обществе системы нравственных, мировоззренческих ценностей, которая выступает регулятором социального поведения. Процесс присвоения личностью общественных ценностей проанализирован в различных исследованиях. В.Н. Мясичев обозначает его как «механизм интериоризации ценностей», А.Н. Леонтьев связывает с понятием «личностный смысл»; в современной педагогической науке возникли такие понятия, как «аксиосфера личности», «аксиологическое "я" личности» (А.Г. Москаленко, В.Ф. Сержантова).

Сочетание традиционных подходов и современных технологий гуманитарно-художественного образования, таких, как «Дальтон-технология» и «Технология мастерских», повышает мотивацию учащихся к изучению предмета, развивает творческие способности, коммуникативные навыки.

Развитию творческих способностей посвящены работы многих деятелей науки и культуры, педагогов-новаторов, искусствоведов и культурологов. В современной педагогике часто можно встретить такие понятия, как «педагогика творчества», «педагогика искусства», непосредственно связанные с самой творческой деятельностью: «Мы

не должны забывать, что педагогика искусства рождалась и в творчестве выдающихся деятелей культуры, таких, как К.С. Станиславский, С.А. Герасимов, Р.А. Быков, С.В. Образцов, Н.И. Сац и многие другие. Их идеи пытаются осмыслить современные ученые и педагоги, отстаивающие право художественного образования на свою собственную педагогику – педагогику искусства, художественную дидактику, не отрицая регулирующих образовательный процесс принципов общей педагогики» [4].

В преподавании предметов гуманитарного цикла сегодня особую актуальность приобретает «Дальтон-технология», основанная на гуманистических принципах свободы, самостоятельности, сотрудничества, позволяющих создавать условия для творческой деятельности, развивать умения и навыки работы с различными источниками информации, навыки самоконтроля, коммуникативные навыки. Важно, что в учебном процессе ученик обращается за помощью не только к учителю, не боится своего «незнания», актуализирует свои внутренние потенциальные возможности в достижении собственных учебных целей и задач. Особое значение приобретает командная работа, способность выстроить коммуникации, учиться у другого, повышается ценность всех участников учебного процесса. Учитель становится полноценным участником творческого поиска, помогает работать с информацией, организует работу по поиску и отбору необходимых источников информации.

Для реализации «Дальтон-технологии» предлагаются следующие формы: 1) урок, имеющий своей целью усвоение теории, отработку определенных умений и навыков, их закрепление; 2) лабораторные занятия – анализ произведения (жанр, особенности поэтики, художественный стиль). В самой сжатой форме методика формирования гуманитарного мышления включает в себя работу с текстом (составление плана, пересказ и т.д.), технологию постановки вопросов (ученик должен уметь поставить вопрос автору текста, на время превратиться в автора, овладеть голосом автора, чтобы ответить на свои же вопросы). Подобные виды учебной деятельности дают возможность на практических занятиях отрабатывать навыки анализа произведения, сравнивать тексты, узнавать автора произведения, создавать проекты на интересующие учащихся темы.

Не менее интересна «Технология мастерских», созданная «Французской группой нового образования», главная идея которой – «Все способны!». Это значит, что каждый ребенок способен практи-

чески ко всем видам деятельности. Главная задача учителя – помочь ученику поверить в свои творческие, интеллектуальные силы. В результате, развиваются необходимые современному человеку личностные качества, культура мышления и творчества. «Технология мастерских» оттачивает гуманитарный стиль мышления, погружает в работу со словом, побуждает к сочинению стихов, прозы, к критическому осмыслению написанного, совершенствованию созданного текста. При явно выраженном акценте на формирование способов умственных действий приоритет отдается развитию творческих способностей, то есть «мастерская» как педагогическая технология нацелена на раскрытие индивидуальности человека, реализацию его права на развитие творческих способностей, имеющих определенную специфику и приводящих к созданию нового.

Целью «Технологии мастерских» является не прямая передача информации, а совместный поиск знаний. Только при этом условии ребенок будет искать ответы на собственные вопросы, возникающие в школе и за ее пределами, а не «проходить» материал; развитие станет естественным и свободным, стремление учащегося к познавательной деятельности активизируется, а элемент принуждения сведен к минимуму. Каждому ученику предлагаются задачи, соответствующие уровню его развития и способностей. Учащийся имеет право на отличную оценку, если он достиг результатов не в сравнении с другими, не по обезличенной шкале, а по своей собственной, улучшив свои собственные результаты. Чтобы стать исследователем, ученик должен иметь возможность самостоятельно сопоставлять факты, выдвигать гипотезы, выводить закономерности, не опасаясь, что готовый ответ учителя прервет его поиск. Цель должна быть творческой, итог работы не в формальном усвоении материала, а в создании собственного текста.

Однако, используя новые технологии, не следует впадать в крайности: во всем должна быть мера, чтобы не навредить творческому развитию ребенка. Наша позиция заключается в том, что необходимо комбинировать виды деятельности, формы работы, методы совместного творчества ученика и учителя. В связи с этим следует выделить три этапа работы, соответствующие трем уровням понимания текста – сбор информации, анализ информации, создание текста, используя методику «коллективных творческих дел».

Данные технологии уместны на уроках литературы и русского языка, мировой художественной культуры, во внеклассной работе, ко-

торая является логическим творческим продолжением урока. В качестве примера можно привести занятия литературного кружка «Театральные миниатюры», где четко просматривается связь с программным материалом по литературе в филологическом классе на примере изучения творчества Д.И. Фонвизина (Комедии «Бригадир», «Недоросль»). Учащиеся по своему усмотрению выбирают эпизоды для инсценировки, интерпретируют текст в соответствии со своим пониманием содержания, не забывая о «голосе» автора. Прежде чем играть пьесу, учащиеся детально анализируют поведение героев, представляя, что те чувствуют, о чем мечтают, к чему стремятся и т.д. Для этого сначала проходят «театральные читки», затем следует оценка и корректировка. В нашей практике дети с особым удовольствием работают над комедией Д.И. Фонвизина «Недоросль». Она актуальна, поэтому учащиеся с удовольствием играют своего сверстника Митрофанушку. Ребята сами предложили создать эпизоды к пьесе «Митрофанушки нашего времени» и успешно справились с поставленной задачей.

Изучив творчество А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, учащиеся делятся своими впечатлениями в форме стихотворений, эссе, заметок путешественника, презентаций. Стало традицией путешествие по пушкинским местам в классах не только гуманитарного направления. А.С. Пушкин является основателем современного русского языка, национальным поэтом, и знание его творчества определяет духовную культуру человека, через которую прививается и любовь к своему Отечеству. Учитывая отношение современных школьников к чтению, необходимо использовать разные формы знакомства с отечественной литературой, например, посещение театра или просмотр художественного фильма как на уроке, так и в кинозале с последующим обсуждением и написанием отзыва или рецензии.

Творческий подход обеспечивает выполнение цели гуманизации, гуманитаризации образования в рамках культурологического, компетентностного и личностно-ориентированных подходов, способствует развитию творческих возможностей учащихся, их самостоятельности, уверенности в реализации собственных целей как в рамках школьной жизни, так и вне школы.

Характерно высказывание на этот счет В.Н. Введенского, который считает, что компетентными являются «не просто лица, имеющие большой опыт в какой-либо сфере профессиональной деятельности, а те, кто обладает особым типом организации предметно-

специфических знаний в этой области и способностью принятия эффективных решений» [5, с. 51-55]. Эту же мысль развивают В.А. Болотов и В.В. Сериков, утверждая, что «приоритет самостоятельности и субъектности индивида в современном мире требует укрепления общекультурного фундамента образования, развития умений мобилизовать свой личностный потенциал для решения различного рода социальных, экологических и других задач и разумного нравственно-целесообразного преобразования действительности. Востребован специалист, который не будет ждать инструкций, а вступит в жизнь с уже сложившимся творческим, проектно-конструктивным и духовно-личностным опытом» [6, с. 9-14].

Библиографический список

1. Данилюк А.Я. Принцип культурогенеза в образовании / Педагогика. 2008, № 10.
2. Иванова Е.О. Компетентностный подход в соотношении со знаниево-ориентированным и культурологическим // Интернет-журнал "Эйдос". 2007. 30 сентября. <http://www.eidos.ru/journal/2007/0930-23.htm>.
3. Ламыкина Л.В. Организационно-содержательные основы профессиональной переподготовки педагога искусства как учителя мировой художественной культуры // Автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 2006.
4. Школяр Л.В. Педагогика искусства как актуальное направление гуманитарного знания // Педагогика искусства: электронный журнал.-2006, № 1 URL http://www.art-education.ru/AE-magazine/archive/shkolyar_10-12-2006.htm.
5. Введенский В.Н. Моделирование профессиональной компетентности педагога / В.Н. Введенский // Педагогика. 2003. № 10.
6. Болотов В.А., Сериков В.В. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // Педагогика. 2003. № 1.

НАШИ АВТОРЫ

Антропова Наталья Константиновна – кандидат философских наук доцент кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (Екатеринбург).

Бенин Владислав Львович – доктор педагогических наук профессор зав. кафедрой культурологии и социально-экономических дисциплин Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г.Уфа).

Будакова Елена Владимировна – учитель географии, МОУ СОШ № 31 (Среднеуральск).

Бурдина Татьяна Георгиевна – кандидат философских наук доцент и.о. зав. кафедрой философии УГЛТУ (Екатеринбург).

Верзилов Сергей Михайлович – кандидат исторических наук профессор кафедры истории и социально-политических дисциплин УГЛТУ (Екатеринбург).

Вихарева Юлия Сергеевна – студентка III курса Уральского государственного лесотехнического университета (Екатеринбург).

Голубева Татьяна Брониславовна – кандидат технических наук, доцент зав. кафедрой социально-культурных технологий Уральского государственного лесотехнического университета (Екатеринбург).

Дубаневич Людмила Эдуардовна – кандидат экономических наук зав. кафедрой общих гуманитарных, математических и естественнонаучных дисциплин, филиал Российского государственного социального университета (г. Ивантеевка).

Дьякова Наталья Главдиевна – учитель черчения, ИЗО и МХК МОУ СОШ №31 (Среднеуральск).

Ждановских Людмила Александровна – старший преподаватель кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (Екатеринбург).

Камка Светлана Васильевна – старший преподаватель кафедры гуманитарного образования ГБОУ ДПО ИРО Свердловской области (Екатеринбург).

Каташинских Варвара Сергеевна – аспирант кафедры прикладной социологии факультета политологии и социологии Уральского государственного университета им. А.М. Горького (Екатеринбург).

Каташинских Сергей Николаевич – доцент кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (Екатеринбург).

Кеменева Светлана Петровна – старший преподаватель кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (Екатеринбург).

Клименко Елена Николаевна – доцент кафедры социально-культурных технологий Уральского государственного лесотехнического университета (Екатеринбург).

Коротких Людмила – студентка I курса гуманитарного факультета Уральского государственного лесотехнического университета (Екатеринбург).

Кричевцова Нинель Евгеньевна – старший преподаватель кафедры истории и социально-политических дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета (Екатеринбург).

Масленникова Светлана Федоровна – доцент кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (Екатеринбург).

Назаров Игорь Васильевич – доктор философских наук профессор кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (Екатеринбург).

Некрасов Станислав Николаевич – доктор философских наук профессор кафедры культурологии и дизайна Уральского федерального университета (Екатеринбург).

Новгородова Ольга Александровна – студентка IV курса гуманитарного факультета Уральского государственного лесотехнического университета (Екатеринбург).

Новикова Оксана Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (Екатеринбург).

Овчинникова Татьяна Николаевна – старший преподаватель кафедры социальной работы, филиал Российского государственного социального университета (г. Ивантеевка).

Пестова Надежда Андреевна – старший преподаватель кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (Екатеринбург).

Подгайская Елена Григорьевна – педагог-концертмейстер МОУ ДОД ДШИ № 3 (Омск).

Попова Виктория Николаевна – аспирант кафедры культурологии и соц.-культурной деятельности Уральского государственного университета им. А.М. Горького (Екатеринбург).

Посыпайко Александр Филиппович – доцент кафедры философии Уральского государственного лесотехнического университета (Екатеринбург).

Ротарь Ксения – студентка V курса гуманитарного факультета Уральского государственного лесотехнического университета (Екатеринбург).

Сабаева Татьяна Анатольевна – старший преподаватель кафедры социально-культурных технологий Уральского государственного лесотехнического университета (Екатеринбург).

Старыгина Наталья Феликсовна – доцент кафедры социально-культурных технологий Уральского государственного лесотехнического университета (Екатеринбург).

Тимофеев Семен Викторович – ассистент кафедры управления персоналом и менеджмента Уральского государственного горного университета (Екатеринбург).

Франц Аза Степановна – доктор культурологии профессор кафедры акмеологии Уральского государственного профессионально-педагогического университета (Екатеринбург).

Хантингтон Холли Алексис – студентка III курса Института качества жизни Уральского государственного лесотехнического университета (Екатеринбург).

Хусаинов Игорь Альбертович – студент IV курса факультета механической технологии древесины Уральского государственного лесотехнического университета (Екатеринбург).

Шайхутдинова Лариса Викторовна – учитель русского языка и литературы высшей категории, МОУ гимназия № 35 (Екатеринбург).

Научное издание

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В РОССИИ

Сборник статей
по материалам научно-практической конференции
«Цивилизационные перемены в России»

Научный редактор И.В. Назаров

Редактор А.Л. Ленская
Оператор О.А. Казанцева

Подписано в печать 16.05.2011

Формат 60×84 1/16

Печать офсетная

Уч.-изд. л. 11,41

Усл. печ. л. 11,39

Тираж 100 экз.

Заказ №

ГОУ ВПО «Уральский государственный лесотехнический университет»
620100, Екатеринбург, Сибирский тракт, 37
Тел. 8(343)262-96-10 (Редакционно-издательский отдел)

Отпечатано с готового оригинал-макета
Типография «Уральский центр академического обслуживания»
620990, Екатеринбург, ул. Первомайская, 91